

VISIT...

LANZAROTE
Caliente.COM

РУКОПАШНЫЙ БОЙ В РОССИИ
В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА
СИСТЕМЫ И АВТОРЫ

М. Лукашев

НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ ОБОРОНЫ
СОЮЗА ССР

„УТВЕРЖДЕН“
Народный Комиссар Обороны Союза ССР
Маршал Советского Союза Е. ВОРОШИЛОВ
25 июля 1938 г.

НАСТАВЛЕНИЕ
ПО ПОДГОТОВКЕ
К РУКОПАШНОМУ БОЮ
РККА

(НПРБ-38)

Государственное военное издательство
Наркома Обороны Союза ССР
Москва — 1938

САМБО на службе Родине

Об авторе

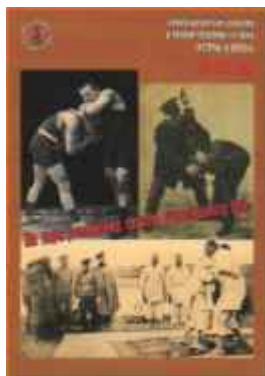
Лукашев **Михаил Николаевич** - ведущий российский специалист в области истории отечественного рукопашного боя, почетный член исполкома Всероссийской федерации самбо, талантливый писатель, способный преподнести результаты своих уникальных исследований в увлекательной литературной форме, автор десятков публикаций в различных периодических изданиях (печатается с 1957 года).

Работы М.Н. Лукашева привлекают своим первооткрывательским характером. Так, хотя наши боксеры уже в 1948 г. торжественно отпраздновали полувековой юбилей российского ринга, Михаил Николаевич сумел доказать ошибочность этой даты и увеличил возраст отечественного бокса на два года. Его же перу принадлежат первые на русском языке технико-тактические и методические материалы по спортивному дзюдо («Физкультура и спорт», 1972-1974 гг.), публикации о монастыре Шаолинь и его боевой системе. Большой интерес вызвали книги М.Н. Лукашева «Слава бывших чемпионов», «Десять тысяч путей к победе», «Родословная самбо», «И были схватки боевые...», которые получили высокие рецензионные оценки таких крупных специалистов, как Б.М. Чесноков, К.В. Градополов, Д.Л. Рудман, А.М. Ларионов, В.С. Харитонов и других. «Слава бывших чемпионов» была удостоена Почетного диплома Всесоюзного конкурса на лучшую спортивную книгу 1978 г. Его исследование о занятиях А.С. Пушкина боксом было опубликовано во «Временнике» Пушкинской комиссии Института русского языка и литературы Академии наук СССР.

Несколько десятилетий своей жизни М.Н. Лукашев отдал исследованию истории возникновения советской спортивной борьбы и системы рукопашного боя самбо и борьбе с официозным мифом о создании самбо не мастером Кодокан дзюдо, «врагом народа и шпионом» Василием Сергеевичем Ощепковым, а его учеником А.А. Харлампиевым. В своих строго документированных, аналитических публикациях Лукашев воссоздал подлинную историю зарождения и формирования самбо и восстановил авторское право В.С. Ощепкова. За свою многолетнюю работу в этой области Михаил Николаевич был удостоен Серебряного ордена Международной федерации любительского самбо (FIAS).

Работы М.Н. Лукашева переведены на английский, французский, немецкий и другие иностранные языки.

Библиотека «Додзё». Серия «РУКОПАШНЫЙ БОЙ В РОССИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА»

КНИГА 1. НА ЗАРЕ РОССИЙСКИХ СИСТЕМ РУКОПАШНОГО БОЯ

В первой книге серии в деталях рассказывается обо всех попытках создания систем рукопашного боя для нужд полиции, армии и гражданских лиц в дореволюционной России. Джиу-джитсу, французская борьба, исландская глина, английский и французский бокс, приемы нападения и защиты преступного мира - вот далеко не полный перечень боевых и спортивных единоборств, которые в начальные десятилетия прошлого века явились источниками первых отечественных систем самозащиты. Перед читателем пройдут такие незаслуженно забытые ныне первопроходцы русского рукопашного боя, как А. Демерт, И. Лебедев и др.

КНИГА 2. САМОЗАЩИТА ДЛЯ РЕВОЛЮЦИИ

Книга повествует о разработке систем рукопашного боя для нужд Красной Армии, Всевожбуха и милиции в первое десятилетие Советской власти. Читатель познакомится с биографиями таких специалистов, оставивших заметный след в истории отечественного рукопашного боя, как М. Яковлев, И. Солоневич, Г. Калачев, Н. Ознобишин и другие.

КНИГА 3. СОТВОРЕНИЕ САМБО: СИСТЕМА «САМ» ПРЕВРАЩАЕТСЯ В САМБО

Третья книга серии посвящена деятельности В.А. Спиридонова и разработке на основе джиу-джитсу, а также французской и вольно-американской борьбы, английского и французского бокса и бытовой обороны приемов самозащиты для нужд чекистов, пограничников и милиционеров в системе «Динамо» в 1920-30-е гг.

КНИГА 4. СОТВОРЕНИЕ САМБО: РОДИТЬСЯ В ЦАРСКОЙ ТЮРЬМЕ И УМЕРЕТЬ В СТАЛИНСКОЙ...

В книге речь идет о жизни и деятельности основоположника отечественного дзюдо, выпускника Кодокана и советского разведчика В.С. Ощепкова, трагически погибшего в застенках НКВД в 1937 г. В деталях прослежена эволюция его системы от классического дзюдо к первооснове спортивного и боевого самбо,

КНИГА 5. САМБО НА СЛУЖБЕ РОДИНЫ

Книга посвящена синтезу систем В.А. Спиридонова и В.С. Ощепкова, который осуществил В.П. Волков, автор капитального труда «Курс самозащиты без оружия «Самбо». Учебное пособие для школ НКВД» 1940 года, распространению самбо в СССР в предвоенный период, внедрению его в вооруженные силы, а также попытке К. Градополова приспособить приемы бокса к применению в рукопашном бою.

Серия книг «РУКОПАШНЫЙ БОЙ В РОССИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА» - это уникальное исследование, которому автор посвятил почти шестьдесят лет своей жизни. Иллюстрировано редкими фотографиями и рисунками из личного архива автора, многие из которых публикуются впервые. Огромное количество документов, архивных материалов, в том числе из архивов КГБ и ГРУ, личное знакомство М.Н. Лукашева со свидетелями событий и авторами ряда систем, взвешенность оценок и высокий профессионализм делают серию книг «РУКОПАШНЫЙ БОЙ В РОССИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА» уникальным изданием, не имеющим по своей фундаментальности аналогов. Этот труд призван на десятилетия стать настольной книгой для каждого российского дзюдоиста, самбиста, джиу-джитсера, рукопашника.

РУКОПАШНЫЙ БОЙ В РОССИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА СИСТЕМЫ И АВТОРЫ

М.Н. Лукашев

САМБО НА СЛУЖБЕ РОДИНЕ

Будо-Спорт

Москва • 2003

От редактора

«САМБО НА СЛУЖБЕ РОДИНЕ» - пятая книга из серии «РУКОПАШНЫЙ БОЙ В РОССИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА». Она рассказывает о самых последних предвоенных годах - интереснейшем периоде в истории русского рукопашного боя, когда на добротном фундаменте, заложенном двумя советскими мэтрами самозащиты - В.С. Ощепковым и В.А. Спиридоновым, их ученики строили те системы, которым суждено было стать для наших воинов грозным «невидимым оружием» в годы Великой Отечественной.

Книга состоит из пяти глав - биографических очерков, посвященных наиболее выдающимся специалистам самозащиты периода.

Очерк «Ученик двух учителей» рассказывает о В.П. Волкове, ученике В.А. Спиридонова и В.С. Ощепкова, авторе интересной системы, опубликованной в капитальном пятисотстраничном труде «Курс самозащиты без оружия «Самбо». Учебное пособие для школ НКВД», вышедшем в 1940 г. под грифом «Только для сотрудников НКВД». В годы войны и в послевоенный период эта система самозащиты играла важную роль в профессиональной подготовке кадров для системы НКВД.

Вторая глава книги - «НПРБ-38» - посвящена Н.М. Галковскому, одному из лучших учеников В.С. Ощепкова, автору разделов о рукопашном бое невооруженного против вооруженного и невооруженного с невооруженным в «Наставлении по подготовке к рукопашному бою» 1938 г. Именно с помощью его приемов в кровавых рукопашных громили захватчиков советские воины в 1941-1945 гг.

В очерке «Феномен украинского самбо» речь идет о замечательном мастере борьбы и самозащиты Р.А. Школьникове, ученике В.С. Ощепкова, положившем начало становлению самбо на Украине.

Особое место в книге занимает четвертая глава - «Дуэль поклонников Карпантье». Ее герой - К.В. Градополов, знаменитейший боксер довоенного времени, выдающийся тренер и теоретик советского бокса. В посвященном ему очерке рассказывается не только об удивительной биографии и победах на ринге Константина Васильевича, но и о его малоизвестной книге «Бокс» 1941 г., в которой была сделана попытка адаптировать технику английского единоборства к условиям рукопашной схватки и предложена программа развития военизированного группового бокса.

Последняя, пятая глава - «После «физкультурпарада»» - повествует о Б.А. Сагатеяне, еще одном прекрасном мастере борьбы самбо и рукопашного боя и еще одном ученике В.С. Ощепкова, авторе ряда публикаций по самозащите, комплекса приемов предвоенного ГТО-П, накануне Великой Отечественной работавшем над фундаментальным трудом по рукопашному бою, в котором рассматривались практически все аспекты боевой схватки без оружия и с использованием штатного и подручного оружия.

Увлекательные, основанные на документах очерки, проиллюстрированные множеством уникальных, в большинстве ранее не публиковавшихся фотографий, безусловно, будут интересны всем, кто интересуется историей самозащиты и спортивных единоборств.

А.М. Горбылёв

Глава 1

Ученик двух учителей

Впервые я встретился с В.П. Волковым (1910-1979 гг.), как это ни странно, в венерическом диспансере, что на набережной Горького. Не следует, однако, думать, что мы нуждались в помощи этого медицинского учреждения. Просто Виктор Павлович являлся главным врачом диспансера, и мне удалось отыскать его именно по месту работы. Жил он неподалеку - на противоположном берегу Москвы-реки в высотном доме на Котельнической. Дом этот в начале пятидесятых заселялся по большому выбору, и жили там «руководящие товарищи», большие ученые, известные писатели, популярные артисты, прославленные спортсмены. Но из пропагандистско-идеологических соображений в эту элиту были все-таки вкраплены и простые смертные. Похоже, что мой собеседник относился именно к таким жильцам.

Когда в 1963-м я впервые увидел его, это был немолодой, высокого роста тяжеловес, уже заметно начавший полнеть. А как он выглядел в молодые годы, можно увидеть на нескольких иллюстрациях в его книге. Боюсь, правда, что сегодня, к сожалению, уже никто, кроме меня, не сможет сказать, на каких именно фотографиях запечатлен автор: те, кто знал это, уже успели покинуть этот мир... Виктор Павлович не страдал авторскими амбициями и выбрал себе не самую выигрышную роль «второго номера», на котором партнер демонстрирует приемы, вошедшие в раздел «Переводы». В книге это рис. 232-237.

В последующие годы я не раз встречал его на территории Яузской больни-

цы, где размещалась наша районная поликлиника, в которую он перешел на ту же должность главврача. Поликлиника тоже находилась неподалеку от его дома.

Свое первое высшее образование Волков получил в Московском институте физической культуры. Человек практичный, он ухитрился в дополнение к стипендии неплохо подрабатывать в парке, который уже тогда многословно и квазизначительно именовался Центральным парком культуры и отдыха, но еще не успел удостоиться имени пролетарского писателя. Работал «массовиком», организуя «культурный отдых трудящихся масс»: проводил групповые игры, разучивал песни и народные танцы с посетителями парка. Относился

Военврач
В.П. Волков

В демонстрации приемов для своей книги Волков предпочитал оставаться «вторым номером»

ко всему этому откровенно иронически и острит: «Два притопа, три хлопка - получите «петуха»». То есть «пятерку», полчервонца, который имел тогда высокую покупательную способность. Это было неплохой добавкой к его тощему студенческому бюджету.

Уже на последних курсах Виктору посчастливилось познакомиться с дзюдо под руководством только что пришедшего в институт Василия Сергеевича Ощепкова. В 1932 году выпускник Московского инфизкульты как «молодой специалист» был «распределен» в Баку для работы в Закавказском институте физкультуры. Преподавал дзюдо и по совместительству проводил занятия еще и в местном «Динамо». Именно там, год спустя, Волков встретил своего второго учителя - Виктора Афанасьевича Спиридонова, приехавшего для проведения курсов по самбо для сотрудников правоохранительных органов. В строй его учеников, конечно же, не преминул встать и Виктор. Много лет спустя он написал: «Так я приобщился к этой умной системе борьбы - Самбо. Мне она понравилась своим существом, так как отражала боевой смысл чекистской и милицмейской работы. Основой этой борьбы была система мастерского владения руками, разработка умного оперативного «подхода» к решению практических мероприятий по задержанию и конвоированию преступного элемента. Кроме того, эта система очень хорошо воспитывает у спортсмена-сотрудника комбинационный характер проделывания приемов - переход с одного на другой».

Вероятно, Виктор Афанасьевич особо выделил своего тезку из числа бакинских курсантов. И в 1935 году Волков уже был переведен в Москву для преподавания на Всесоюзных милицмейских курсах, где Спиридонов развернул большую работу по подготовке новых кадров инструкторов самбо. А затем Виктор перешел на инструкторскую работу в пятый районный совет спортобщества «Динамо».

Первые состязания по боевому самбо по специальным правилам Спиридо-

нов начал проводить еще в двадцатые годы. Эту традицию активно продолжил Волков вместе с лучшим из старейших учеников Виктора Афанасьевича Давыдовым, который **имел уже** собственные публикации по самбо. **Они** договорились устроить встречу команд пятого и первого райсоветов «Динамо» - в последнем преподавал Давыдов. Первое **из этих** состязаний состоялось в начале 1936 года в здании динамовского спортзала на Цветном бульваре. Проходили они по восьми весовым категориям. Боролись десять минут, если ранее этого времени не удавалось провести чистый бросок или болевой прием. Неведение борьбы строго наказывалось: виновный снимался с соревнований, а инструктору, тренировавшему его, выносилось официальное замечание. Виктор Павлович не без гордости вспоминал, что победили его ученики с внушительным счетом 6:2. Подобные встречи практиковались и в дальнейшем.

Имея почти десятилетний опыт преподавания в школах милиции и динамовских спортивных секциях, Виктор написал руководство по боевому самбо. Его капитальный, более чем пятисотстраничный труд «Курс самозащиты без оружия «Самбо». Учебное пособие

для школ НКВД» **был издан** в 1940 году под грифом «Только для сотрудников НКВД». Казалось бы, это важное событие могло только порадовать автора, но неожиданно оно повлекло угрожающие последствия, поставив его на грань немалой опасности...

Однако, прежде чем поведать эту не веселую историю, мне придется сделать небольшое отступление, без которого было бы трудновато понять последующий рассказ.

Я уже говорил, что Спиридонов и Ощепков находились в состоянии «холодной войны». Каждый из них нипочем не **желал** заметить, а уж тем более, признать и использовать достижения своего оппонента. Это так и не позволило им понять, **что** в действительности оба они отлично дополняли один другого. **Но если** ближайшие ученики обоих мэтров активно участвовали в конфронтации, то тех, кто использовал приемы рукопашного боя в своей опасной, чисто практической работе, мало волновала эта «война богов». Едва ли зная мудрый античный афоризм, они поступали в точном с ним соответствии: «Беру хорошее там, где его нахожу». Им в оперативной работе была необходима как спиридоновская, так и **ощепковская** наука.

В моей библиотеке есть уникальная брошюра. Точнее то, что от нее сохранилось **после** активного долголетнего использования. Она уже успела утратить не только обложку, но и титульный лист, так что определить ее название невозможно. Несколько старомодное полиграфическое оформление с элементами стиля модерн начала века позволяет утверждать, что издана она где-то в провинции - на местах особенно не хватало тогда специальной литературы. Судя по ее содержанию, напечатана по ведомственному заказу, адресована местным правоохранительным органам и вышла в свет не ранее 1934 года. Брошюра имеет явную, сугубо практическую направленность. Ее неизвестный составитель без какой-либо ссылки на источники заимствования объединил основные описания техники из книги Спиридонова 1927 года с ощепковскими приемами,

приведенными в сборнике инфизкульты 1934 года. Одни из спиридоновских фотоиллюстраций довольно скверно пересняты, другие - перерисованы и тоже очень неумело. С ошепковскими рисованными иллюстрациями обстоит лучше. Классификация сборного материала весьма относительна, терминология не упорядочена, не приведена к «общему знаменателю». Так, один и тот же прием в спиридоновской части именуется «рычаг», а в ошепковской - точно так же, как и в первоисточнике - «гяку». Составительские дополнения немногочисленны, но именно они позволяют сказать, что составитель знает о рукопашном бое не понаслышке.

Если кто-либо знаком с этим **или** иными малоизвестными изданиями, буду весьма благодарен за сообщение и не останусь в долгу.

Не думаю, что Виктор мог видеть эту брошюрку, **но** он пошел именно по такому же пути, хотя сделал это куда как квалифицированное и успешнее. **Он понимал** насущную необходимость объединения ценного наследия двух своих учителей. И у него хватило смелости не только опубликовать почти **все**, что успел напечатать «враг народа» Ошепков, но и изложить это в едином контексте с наработками его непримиримого противника - Спиридонова. Волков не мог не понимать, что это не понравится последнему, но, конечно же, не предполагал той реакции, которая последовала.

Спиридонова уже вынудили уволиться из «Динамо», где он проработал более полутора десятилетий, создавая самбо. Отстранили от дела всей его жизни. У него была уже готова или почти готова рукопись очередной собственной книги, и публикацию своего ученика он воспринял не только как предательство, но и как откровенный плагиат. Смертельно разобивленный старик, который, вероятно, все еще продолжал преподавать в «органах», подал официальную жалобу наверх. Обвинение было очень серьезным. При всех своих ис-

зультских поведенках, НКВД строго соблюдало бытовую чистоту в своих рядах. Недаром даже самоотверженный диссидент академик Сахаров утверждал, что это был единственный советский орган, где никогда не существовало взяточничества. Естественно, что для рассмотрения жалобы была создана специальная комиссия...

Обо всех этих неприятных событиях еще никто и никогда не писал. Так что, я снова был вынужден первым распутывать и этот болезненный клубок оскорбленного самолюбия, мстительных ударов из-за угла и хитренских корыстных маневров¹.

В архиве сохранилась стенограмма заседания комиссии, проходившего в помещении стадиона «Динамо». Кроме того, мне рассказывали об этом присутствовавшие там А.А. Харлампиев и **его** ученик - двукратный чемпион СССР А.А. Будзинский.

Для Волкова наступили тревожные дни. Со скорым на расправу НКВД шутки были плохи и, если признали бы виновным, ему было несдобровать. Будзинский вспоминал, как, направляясь вместе с ними к «Динамо», Виктор просил не подводить его **под** монастырь. Тем более что Харлампиев, выступавший в определенной степени в качестве эксперта, еще до заседания отзывался о книге отрицательно. Спиридоновскую технику и методику, которую заимствовал Волков, он вообще не признавал: «Такие приемы нельзя делать!» Утверждал, что объем руководства, не без корысти, сильно завышен. О приведенных в книге анатомо-физиологических основах самбо говорил, как о, якобы, просто переписанном школьном учебнике по анатомии профессора Кабанова. В тесной связи с этими беспощадно критическими суждениями в харлампиевской библиотеке появился тогда экземпляр засекреченного руководства для школ НКВД с покаянно-засиживающей дарственной надписью автора: «Хорошему человеку и отличному

¹ Журнальный вариант этой главы был опубликован еще в 1998 году в № 4-5 журнала «Боевые искусства планеты». Четыре года спустя сын Анатолия Аркадьевича Харлампиева, Александр, по-своему объяснил эту сомнительную ситуацию в книге «Система самбо» (М., «Гранд», 2002).

тренеру Анатолию Аркадьевичу Харлампиеву. Хотя эта книга во многом несовершенна, но она двигает мысль вперед».

Едва ли книги с грифом «Только для сотрудников НКВД» слишком щедро выдавались авторам. И я боюсь, что тогда Виктору пришлось расстаться со своим единственным авторским экземпляром. Во всяком случае, он мне говорил, что этой своей книги не имеет.

Уже одного вышесказанного вполне достаточно, чтобы понять страхи бедного автора, но имелось еще кое-что и поопаснее. Как я уже говорил, он использовал в книге материалы Ощепкова, а ведь именно этого человека имел в виду «Красный спорт», когда писал, что развитию борьбы в одежде намеренно мешали ныне разоблаченные «враги народа». К тому же в руководстве можно было отыскать не только фотографии автора, но еще и изображение его первого «неприкасаемого» учителя! Хотя Василий Сергеевич уже давно скончался, жило не только его дело, но, прямо-таки символически жил и его контурный облик на страницах работы ученика. Ощепков в своих неизменных крагах без труда угадывался на рисунках, которые вместе с текстом Виктор перенес из журнала «Физкультура и социалистическое строительство» и сборника материалов института физкультуры.

И по всем канонам тех кровавых лет было вполне достаточно с «гневной» патетикой заметить, что автор злонамеренно «протащил» (как тогда говорили) на страницы чекистского учебника «умело замаскированное изображение «врага народа»», чтобы судьба Волкова оказалась решенной. Для того чтобы понять, чем реально грозило такое вздорное обвинение, нужно было жить в то время. Современным поколениям трудно понять подобный психоз, но мне он хорошо запомнился. Зачумленные тотальной шпиономанией сверхбдительные обыватели даже в очертаниях красного знамени на спичечных этикетках «распознавали» враждебные контуры нацистского орла, а на гимназических пуговицах Володи Улья-

нова в наших учебниках «обнаруживали» микроскопические свастики. Утверждают, что даже сам «великий и мудрый вождь» не раз обошел вокруг известной мухинской скульптуры, проверяя, действительно ли в складках развевающегося шарфа колхозницы сокрыт зловерный профиль его смертного врага - «Иудушки Троцкого».

К счастью, пойти на подобную провокацию даже донельзя разгневанному Спиридонову и в голову не пришло, да и не могло прийти. Разве мог старый русский офицер, даже в ответ на, как он думал, предательство ученика, пойти на такую грязную подлость?!

Между тем, по распоряжению замнаркома внутренних дел Круглова уже была создана специальная «Комиссия по разбору вопроса, связанного с обвинением т. Спиридоновым В. автора книги «Курс самозащиты без оружия «Самбо»» т. Волкова в плагиате». Членами комиссии были назначены весьма заметные должностные лица: заместитель начальника оборонно-спортивного отдела Центрального совета спортобщества «Динамо» К.Ф. Морарь; его сотрудник капитан НКВД Ф. Жамков; от Главного управления рабоче-крестьянской милиции НКВД - Муратов; начальник Центральной школы милиции и председатель Всесоюзной секции вольной борьбы А. Рубанчик; представлявшие Московский городской совет «Динамо» А. Пронин и Волчихин и от VIII районного совета «Динамо» - А. Маслов. В составе этого ареопага ответственных лиц странно неуместными выглядели только два его члена: А. Будзинский и А. Харлампиев. Присутствие там двукратного чемпиона Советского Союза и не очень высокопоставленного работника оборонно-спортивного отдела «Динамо» А. Будзинского нетрудно было объяснить его чисто техническими функциями: участием в сравнительной демонстрации «спиридоновских» и «волковских» приемов. А вот присутствие преподавателя из «Крыльев советов» - Харлампиева, казалось бы, никакого отношения не имевшего ни к «Динамо», ни к «НКВД», было не совсем понятно...

О том, как проходили заседания комиссии, мне рассказали и Харлампиев, и Будзинский. Кроме того, удалось ознакомиться и с официальным протоколом комиссии. Стараясь быть объективным, изложу все имеющиеся в моем распоряжении версии, начав с харлампиевской.

Анатолий Аркадьевич рассказал мне, а затем и написал в своих посмертных, но так и не опубликованных мемуарах, что его кандидатуру на президиуме совета «Динамо» выдвинул непосредственно сам Круглов: «Комиссия будет состоять из ответственных лиц. Председатель - Круглов... Меня усадили за стол президиума. Ровно в одиннадцать в комнату вошел замнаркома и сопровождавшие его лица.

- Все готовы? - обратился он к Жамкову.

- Так точно! Разрешите представить докладчика? Мастер спорта по борьбе вольного стиля, сотрудник Центрального научно-исследовательского института физической культуры (? - М.Л.), ответственный секретарь Всесоюзной секции борьбы вольного стиля Анатолий Харлампиев.

Круглов пожал мне руку:

- Очень приятно, мы ведь как-то встречались в МЛШ (Международная ленинская школа - М.Л.), приходил туда с Николаем Ильичом Подвойским... От вас, товарищ Харлампиев, ждем не только анализа по поводу плагиата, но и общей оценки существующей подготовки чекистов по самбо» (подчеркнуто мной - М.Л.)².

Ничуть не смутившись ни объемом, ни заведомой секретностью внезапно поставленной перед ним задачи «сотрудник ЦНИИФКА» (на самом деле - аспирант-заочник) на пяти страницах рукописи своих мемуаров в пух и прах «раздраконил» и Спиридонова, и Волкова, заявив, что в самбо чекисты - вообще ни в зуб ногой! Спиридонова обвинял в

том, что тот использовал в самбо приемы только иностранных систем и патетически вопрошал: «А где же воспитание советского патриотизма? 18 лет я изучаю национальные виды борьбы народов, населяющих нашу Родину, и могу утверждать: нет таких зарубежных приемов, которые отсутствовали бы в объединенном отечественном опыте! Можно, разумеется, использовать и заграничный опыт, но не рекламировать буржуазные виды спорта» (подчеркнуто мной - М.Л.)!»

Затем, демонстрируя глубину своей чисто научной эрудиции молодой «учебный», до конца жизни так и не овладевший ни одним иностранным языком, тем не менее, даже совершил небольшой экскурс с область лингвистики: «Кстати, что нам дадут брошюры по джиу-джицу? Уже само название показывает отсутствие научного подхода: во-первых, в японском языке отсутствует буква «ж», а система дзюу-дзюцу еще в 1882 году самими японцами заменена на лучшую, модернизированную - дзюудо. Японцы, как ненужную, выбросили в Европу дзюу-дзюцу, а ловкачи перевели затем с французского на русский - вот откуда этот хлам...»

На этом глубоко научный подход оратора к экспертизе, извините, через букву «ж», был блистательно завершен. И надо думать, что буквально ни один член «высокой комиссии» не знал, что в японском нет не только буквы «ж», но и вообще никаких иных букв: сплошные иероглифы да значки слоговой азбуки! А «антинаучный» звук «дж» коварно подбросили в слово «джиу-джитсу» вовсе не французы, а англичане. Французы же произносят: «жиу-житсу».

К сожалению, всю «живую прелесть» этого яркого эпизода, начиная с «братания» с замнаркомом, начисто отрицал Будзинский, утверждая, что Круглов вообще на заседаниях не присутствовал. То же самое безжалостно подтверждает и протокол.

² *Здесь и ниже приведены подлинные цитаты из неопубликованных посмертных мемуаров А.А.Харлампиева «Два гоизонта самбо». Для того, чтобы избавить оппонентов от пустых хлопот с излюбленными ложными обвинениями в недостоверности моих утверждений, сообщу им, что один из экземпляров рукописи этой книги с подписями сына автора и литзаписчика сохранился у одного из моих хороших знакомых.*

Естественно, что в протоколе не было, да и не могло быть отмечено такое приятное и почетное рукопожатие замнаркома и даже столь лестные для автора воспоминаний начальственные слова. Этот канцелярски-сухой документ прямо говорит, что «зам» на заседаниях не присутствовал и никак не мог позать какую бы то ни было часть тела докладчика.

Строго придерживаясь буквы этого официального документа, приходится сказать, что вообще два первых заседания комиссии, назначавшиеся на 30 сентября и 3 октября, не состоялись из-за неявки Спиридонова. Когда же он не явился и на третье заседание - 8 октября, было решено начать слушание в его отсутствие³, хотя два члена комиссии - Пронин и Муратов также отсутствовали.

После того, как «тов. Жамков говорит о задачах, поставленных Зам. Наркома тов. Кругловым», он предлагает избрать председателем Комиссии «тов. Рубанчика А.», который и был единогласно избран.

Председатель просит «товарища Волкова» дать ответ по существу выдвинутых против него обвинений, так как кроме вопроса о плагиате в повестке дня заседания довольно странно «прорезался» вдруг и вопрос «о проработке книги т. Волкова В.». А «проработка» на официальном политическом жаргоне тех лет означала публичную разгромную критику с крайне неприятными последствиями.

Виктор Волков хорошо знал законы этой не очень честной игры, в которой непременно следует «покаяться», признавая свои ошибки и правоту критиков. Считалось, что тот, кто во всеуслышание признал и покаялся в своих «грехах», тот «грешить» больше не будет! И первые же слова Волкова - о том, что «в книге есть недостатки, снижающие ее качество... Книга имеет много погрешностей... Я допустил ошибки...» Но не забывает он упомянуть и о том, что «книга имеет ряд ценностей».

Обвинения в плагиате он решительно и вполне резонно отвергал. Плагиат - это присвоение авторства, в данном случае, на чужой печатный труд. А Виктор не только не претендовал на авторство каких-то работ Спиридонова, но и прямо назвал его «основателем советской системы «Самбо»». Что же касается приемов, то Виктор Афанасьевич тоже не сам их разработал, а «пользовался трудами других авторов». Спиридоновская методика, описанная в его книге 1933 года, требовала серьезной доработки, что им, Волковым, и было сделано. Критика Спиридонова в его адрес необъективна.

Самостраховка при падениях у Спиридонова отсутствовала, но когда Рубанчик задал, казалось бы, безобидный вопрос: «Где вы взяли материалы по кульбитам и кувыркам?» - Волков предпочел солгать: «Этот материал я взял частично из книги т. Спиридонова». Откровенность здесь грозила обернуться бедой: материал был ошелковский, а частью заимствован из руководства, изданного в японской колонии - Корее...

И вот ведь какая странность: самым крупным специалистом в чисто юридическом вопросе плагиата оказался Анатолий Харлампиев. Правда, это не мешало ему перепутать плагиат с превышением установленных процентных ограничений в праве цитировать в своей работе иных авторов! Однако «высокое собрание» оказалось неспособным это понять.

Хотя Анатолий заявил, что о волковском тексте сказать ничего не может, «так как не имел времени сличить текст», он, ничуть не смущаясь этим, начал уличать «подсудимого» автора в плагиате, перечисляя иллюстрации, взятые им из чужих изданий. При этом сразу же выяснилось, что недобросовестный «плагиатор» «обокрал» старину доктора Мартина Фогта и известного фехтовальщика Ю.К. Мордовина, поместив в своей книге 5 иллюстраций из

³ Неявку Спиридонова на заседания я склонен объяснять тем, что он уговорил своего приятеля-юриста участвовать в разборе дела, помогая ему, а уйти с работы в рабочее время в те года, то есть «совершить прогул», грозило неминуемым лишением свободы. 14, вероятно, юрист подбирал наиболее надежный и безопасный предлог и момент, чтобы отлучиться с рабочего места.

их работ «без ссылки на автора» (!). Но это были всего лишь «цветочки»...

Виктор был отнюдь не трусливым человеком, и все же нетрудно догадаться, что холодный пот выступил у него на лбу, когда Харлампиев громогласно заявил, что в своем «Курсе самозащиты...» тот использовал рисунки из материалов Ощепкова. И что было особенно угрожающе непонятным, Анатолий, перечисляя бесконечные номера иллюстраций и страницы, всякий раз говорил не просто «Ощепков», а «товарищ Ощепков»!!!

И вот, представьте себе: призрак кровавых репрессий продолжает висеть в воздухе, за столом - сплошное НКВД, и нет таких, кто бы не знал, что еще три года назад Василий Сергеевич был арестован и сгинул. Что товарищ ему - только лишь «серый брянский волк»! Но все вполне спокойно сидят с серьезными лицами, а Рубанчик один раз да-

же сам сказал «товарищ Ощепков». Все это выглядело чудовищно-инквизиторской провокацией, но похолодевший от нависшей угрозы Виктор, вслед за своими «судьями», был вынужден каждый раз повторять опасно криминальные слова «товарищ Ощепков». А тут еще совсем разошедшийся Харлампиев оглушил его явно провокационным обвинением в том, что, используя чужой материал, «он ни разу не сослался на автора этих материалов товарища Ощепкова» (подчеркнуто мной - М.Л.).

Разумеется, перед таким верхом лицемерия кого угодно проймет «цыганский пот»! Виктору оставалось всего лишь обреченно ждать, чем же закончится это жестокое сюрреалистическое представление...

Харлампиев откровенно признавался, что они, ученики Ощепкова, были резко настроены против Виктора Афанасьевича Спиридонова и стремились

Иллюстрации из работы Ощепкова, помещенные в книге Волкова

Затем захватывает правую руку нападающего своей левой рукой сверху за запястье или за локоть, а правой рукой обхватывает ту же руку выше локтя (см. рис. № 306).

Делает рывок за захваченную руку при помощи своего корпуса влево вниз через правую ногу (см. рис. № 307).

После броска упирается левым коленом в ухо нападающего и делает рычаг вверх через правое колено (см. рис. № 308).

г) Обхват сзади снизу под руки (рис. № 309).

Рис. 305.

Рис. 307.

Рис. 308.

сурово наказать его. Всю его работу вполне искренне считали нестоящей, да к тому же, хотя и совершенно ошибочно, подозревали в ложном доносе на своего безвинно репрессированного учителя. А Волкова, при всей конфликтной ситуации, считали «спиридоновцем» - представителем школы Виктора Афанасьевича - и давили на него, как могли, устроив эту беспощадную нечистую игру, подобную псовой охоте на заведомо обреченного зайца...

Было бы несправедливо умолчать о том, как расценил подобное поведение своего отца Александр Харлампиев в упомянутой мною книге: «Необходимо напомнить, что «Динамо» было структурным подразделением Комиссариата внутренних дел (НКВД - М.Л.)... Работа комиссии совпала по времени с третьей годовщиной со дня трагического ухода из жизни В. Ощепкова. Все члены комиссии были его учениками, но только один Анатолий Харлампиев, судя по стенограмме, несколько десятков раз упомянул фамилию Учителя (!!! - М.Л.) и друга своего отца. В стенах подразделения НКВД это был весьма рискованный и смелый (??? - М.Л.) поступок». Пояснить читателю, чем именно было вызвано это словоизвержение из десятков повторений «имени Учителя», Александр, конечно, постеснялся.

Что ж, если забыть о неприглядном сговоре членов комиссии, их, так сказать, «маленьком междусобойчике», то поступок Анатолия - действительно верх отваги. Нельзя однако не отметить, что в том же 1940-м году, опубликовав в «Красном спорте» хвалебную рецензию на книгу Галковского «Вольная борьба», он почему-то, при всей своей отваге, не потребовал от автора назвать «имя Учителя» там, где Галковский говорил, что именно дзюдо положило начало развитию «вольной борьбы».

Вероятно, Харлампиев-сын считает, что, повторив несколько десятков раз фамилию «Учителя» в 1940-м году, отец был вправе на протяжении последующих сорока лет назвать его всего лишь один раз, да и то в фальшивом контексте своей книги «Борьба самбо» в 1964 году..

Анатолии, действительно, прямо-таки упивался своей властью над «подсудимым» конкурентом и в двадцати одном пункте не поленился назвать более сотни номеров страниц и расположенных на них иллюстраций, всякий раз добывая несчастного автора магическими словами «товарищ Ощепков»...

Не забыл Харлампиев укорить Волкова и тем, что тот сослался на книгу Ознобишина «Искусство рукопашного боя», которая «вскоре после выхода в свет была изъята». На большевистском «новоязе» это означало: запрещена и отобрана у библиотек и книжных магазинов (В решении «высокой» энкаведистской комиссии этот факт был подтвержден!).

На одно из следующих заседаний, наконец, явился и Виктор Афанасьевич. И хотя перед комиссией была поставлена задача только решения вопроса о плагиате, ее члены, выйдя за пределы своей компетенции, начали яростно обличать недостатки системы Спиридонова.

В процессе полемики с ним, как утверждал Харлампиев, он предложил чисто практически разрешить теоретический вопрос о качестве спиридоновских приемов.

«Круглов улыбнулся:

- Отличное предложение...»

И грянул бой! Харлампиевско-спиридоновский бой!!!

Об этом, правда, несколько поразному, рассказали Харлампиев и Будзинский. Анатолий Аркадьевич, как всегда, очень образно и не без некоторой фантазии живописал: «Открылась дверь, и входит громила из Тюремного управления, а Спиридонов указывает на меня и приказывает ему, как собаке: «Взять его! Взять его!» А я спокойно протягиваю тому расслабленную правую руку. Он сейчас же захватил ее и провел перегибание локтя через предплечье. Но я успел слегка повернуть руку внутрь и напрячь ее. Спрашиваю верзилу: «Крепко держите?» А потом наружным краем правой стопы нажимаю в его левое колено, выдергиваю свою руку и толкаю его в плечо так, что он во весь свой рост растянулся на полу. Спиридонов

засуетился: «Товарищ Харлампиев - не только ученый (?! - М.Л.), но и мастер спорта СССР. Для задержания таких людей мы направляем не одного, а двух сотрудников»».

И теперь уже двое «из Тюремного управления» взяли по-прежнему не сопротивлявшегося Анатолия: один - на тот же «милицкий» рычаг локтя, второй - загнул руку за спину. Но, как, вероятно, вы уже догадались, Харлампиев и здесь не сплеховал. Не только с легкостью освободился, но одного из нападавших (совсем, как в старом цирковом чемпионате при «шике») даже бросил спиной прямо на стол комиссии!

Этот же лихой рассказ спустя несколько лет я прочитал и в рукописи посмертных мемуаров Анатолия Аркадьевича, которые пытался опубликовать его сын Александр. Будзинский, правда, не только не подтвердил все эти колоритнейшие детали, но и начисто опроверг их. Говорил, что просто они сами демонстрировали комиссии описанные в книге приемы, как бы наглядно иллюстрируя их. А никакого «Тюремного управления» не было и в помине.

Наивно надеясь на тщательную и беспристрастную судебную процедуру, Виктор Афанасьевич даже привел с собой приятеля-юриста с не очень благозвучной фамилией «Шестеркин», рассчитывая на его помощь. Того не хотели допускать на закрытое заседание, и Спиридонову пришлось сказать, что, якобы, он - соавтор Спиридонова, написавший раздел ударов. Однако же юристу так и не пришлось блеснуть профессиональным мастерством. Судилище приобрело совсем не тот характер, на который рассчитывал Спиридонов.

Среди главных членов «высокого суда» Спиридонов видел старого ученика Ощепкова капитана НКВД Жамкова, который только что выжил его из «Динамо», где он не только проработал со дня основания, но и являлся одним из учредителей этого спортивного общества еще в 1923 году. И, в конце концов, Виктор Афанасьевич понял, что доказать что-либо уважаемой комиссии просто-напросто невозможно. Потому что окон-

чательное решение уже было принято еще до начала заседания. И вконец расстроенный старый самбист махнул на все рукой и даже равнодушно согласился, что все, что он успел сделать за два десятилетия упорного труда, просто никуда не годится...

Все обильные замечания комиссии об ошибках, неточностях и недоработках в книгах Волкова и Спиридонова я перечислять не буду, но о двух из них не могу не сказать.

Всего два года назад на пресловутой конференции 1938 года было достаточно уверенно и громко заявлено о создании «советской борьбы вольного стиля» на основе техники национальных видов борьбы народов СССР, в том числе, конечно, и грузинской. А вот теперь те же самые высокие должностные лица, критикуя Волкова, в закрытом протоколе уже не стеснялись говорить откровенно: «Комиссия считает установленным:

1) ...выводы по сравнению грузинской борьбы с вольной борьбой преждевременны, так как этот вывод сделан не на основе проверенных материалов, а является лишь личным мнением автора (Волков, разумеется, как и все остальные, не мог не подогнать свое «личное» мнение под обязательную официальную точку зрения - М.Л.).

2) Трактровка автора, «что самбо создана на базе народных видов борьбы», является неверной, так как в книге ни одного приема из народных видов борьбы нет».

В «Общих выводах», представленных комиссией Круглову, обвинение в плагиате с Волкова снималось. Но о его работе говорилось, как о компиляции, которая страдает недоработкой, а частично совершенно неверна. «Книга, как учебное пособие, рекомендована быть не может, но может служить сборником материалов для инструкторов самозащиты, умеющих критически разбираться в вопросах техники выполнения приемов.

Характеризуя авторов сличаемых учебников, Комиссия устанавливает, что автор тов. Волков, несмотря на допу-

щенные ошибки, является передовым работником по самозащите, идущим по правильному пути самокритики и прислушивающимся к мнению специалистов, в то время, как авторы т.т. Спиридонов и Шестеркин являются малограмотными работниками в области самозащиты и физкультуры в целом, не идут в ногу с развитием самозащиты, стараясь возвести в идеал выпущенные ими в 1925⁴-1933 гг. трудах».

Похоже, что с такой уничтожающей оценкой согласны были далеко не все. Большинство было против. Из 9 членов комиссии «Общие выводы» подписали лишь четверо: Рубанчик, Жамков, Харлампиев и подведомственный Будзинский. Маслов, которому вместе с Будзинским поручалось сверить тексты книг Волкова и Спиридонова, и для подписи которого было даже специально оставлено место, «Общих выводов» тоже не подписал...

Официально перед комиссией стоял только вопрос об обвинении в плагиате, но поскольку Харлампиев сумел в пух и прах раскритиковать труды не только «обвиняемого», но и «обвинителя», ему даже недовольно заметили: «Ну, что же, по-вашему, и то плохо, и это плохо? А чем же тогда пользоваться нужно?» Но и здесь Анатолий не дал маху: достал и положил на стол комиссии свою собственную, предусмотрительно захваченную сорокачасовую программу обучения (конечно же, составленную по оцепковским рецептам!). И труды его не пропали даром, щедро окупилась. Не без удовольствия вспоминал он, что за программу «отвалили» немалые по тем временам деньги - целых 500 рублей. Да еще поручили провести для динамовцев учебный сбор! Правда, прийти на работу в штат «Динамо» ему удалось только лишь шесть лет спустя. А тогда уже вплотную надвинулся грозный «сорок первый, сорок памятный год».

Война сурово востребовала боевое самбистское мастерство, и Виктор стал преподавать бойцам спецназа тех лет, которых забрасывали в немецкие тылы

и именовали партизанами. А потом и сам отправился вместе с ними на опасные боевые задания. В автобиографии он упоминает об этих героических свершениях немногословно и с достойной скромностью: «В 1941 году была организована широкая подготовка по Самбо в Московской партизанской школе, где большое число моих боевых товарищей было подготовлено к сложнейшей партизанской войне в тылу фашистов. Вскоре я и сам ушел в тыл к фашистам. Так, созданная в «Динамо» борьба Самбо сыграла большую роль в борьбе с врагами нашей отчизны».

И это именно Волков рассказал мне, что Спиридонов преподавал самбо спецподразделениям в Туле, на переднем крае обороны того времени, и скончался прямо на самбистском ковре. Все это было правдой, кроме обстоятельств кончины его учителя. Сам Виктор был тогда на фронте, точнее - за линией фронта, и получил не совсем точную информацию от знакомых. Не могу не отметить, что о своем старом наставнике он, отдавая должное его работе, говорил очень уважительно и без какой-либо тени обиды на злосчастную жалобу...

А после войны Волков навсегда отошел от самбо. Работал врачом, так как его второе высшее образование было медицинским, да плюс к этому - ученая степень кандидата наук и звание доцента.

Однако, вопреки жесткой харлампиевской критике, волковская книга широко использовалась при подготовке лиц определенных боевых специальностей, в первую очередь - чекистов и не только в школах НКВД. Е.М. Чумаков сообщил мне также, что по ней проводилась предвоенная подготовка погранвойск, подведомственных тогда НКВД. Действительно, один из русских рукопашников Риги показал мне экземпляр с довоенным штампом погранзащиты.

О «фундаментальном труде Волкова» пишет преподаватель Высшей школы КГБ - Академии ФСБ, кандидат педагогических наук, доцент В.С. Роднов:

⁴ Так указано в «общих выводах».

«По нашей оценке, данная работа В.П. Волкова сыграла важную роль в профессиональной подготовке кадров для системы НКВД в тот период, а ее переиздание в 1993 году... говорит об ее актуальности в настоящее время»⁵. Вот так разительно отличаются объективные оценки специалистов от нарочитого охаивания книги недобросовестно враждебной комиссией.

Интересно отметить, что объективную констатацию использования руководств Спиридонова и Волкова я нашел даже в совершенно неожиданном месте - в книге братьев Вайнеров «Эра милосердия», послужившей основой сценария нашумевшего фильма «Место встречи изменить нельзя». В одном из эпизодов книги, не вошедших в сценарий, говорится так:

«Полковник Китаин, зам-нач МУРа, ... велел нам срочно собираться:

- Ваша бригада первой будет проходить курс самбо...

- А шо це за фрухт, и с **чем** его едят? - спросил Пасюк.

- Новая система рукопашного боя, - усмехнулся Китаин.

- О це дило! - обрадовался Пасюк. - Мэни зараз без борьбы як без хлеба: сидим целые дни на одном месте, спим подолгу - уси косточки замлили. Самый раз размяться трошки, а то аппетиту не будэ...

...Группа выстроилась в спортивном зале «Динамо», куда нас отвез - большое ему спасибо - Копырин. В зале было холодно, сумрачно, пахло потом и лежащими волосатыми матами. Инструктор, худощавый парень с постным лицом, переставил меня в конец шеренги - по росту, вслед за Тараскиным, - сказал сухо Грише, который вертелся вокруг с фотоаппаратом:

- Прошу вас не мешать занятиям. - Потом повернулся к нам и как-то бесстрастно, глядя поверх наших голов, заговорил тусклым голосом, и мне казалось, что у него зубы болят:

- Моя фамилия Филимонов. Занятия будут проходить с вашей группой два

раза в неделю. В связи с тем, что вас не предупредили, а также в связи с плохим отоплением сегодня будете заниматься в одежде. Впредь на занятия будете приходить в трусиках и тапочках...

- Я последние шить лит только в солдатских невыразимых хожу, - сказал Пасюк в надежде, что его выгонят с занятий, и добавил для убедительности:

- В сиреневых...

Инструктор не повернул головы:

- Отставить разговоры!

Я видел, как Пасюк смотрит на широкие плечи инструктора, на его вытянутое серое лицо. Пасюк его явно жалел. И еще ему было смешно, что этот задохлик будет учить нас борьбе.

Жеглов катал по спине толстые комья мускулов, стоял он против инструктора, чуть откинув голову, прищурив глаза. У него тоже инструктор не вызывал особого доверия.

А Филимонов, все так же глядя поверх нас, сказал бесцветно и негромко:

- Я буду заниматься с вами изучением новой системы борьбы, которая разработана в нашей стране преподавателями физической культуры товарищами Спиридоновым и Волковым. - Он морщил невысокий лоб под косой челкой, будто сразу не мог припомнить фамилии изобретателей новой борьбы. - Эта система называется «самбо», что обозначает «самозащита без оружия»...

Филимонов взял за руку Пасюка, вывел вперед, и они стояли перед нами лицом к лицу на матах; объясняя, инструктор не отпускал руки Пасюка, и выглядели они вместе так уморительно смешно, что нам даже спать расхотелось.

- Самбо - это система различных приемов борьбы с выводом из равновесия, она включает броски, рывки, удары, используемые в рукопашном и кулачном бою, и основана эта система на знании анатомии человеческого тела...

- Було бы в руках силенки, - сказал Пасюк. - Так и без анатомии можно...

Филимонов повернулся к нему:

- Ваша задача - свалить меня.

⁵ *Родное В.С. Становление, развитие и совершенствование боевого самбо в системе КГБ СССР - ФСБ России. // Самбо: вчера, сегодня, завтра. М., 2002.*

- Цэ можно, - сказал благодушно Пасюк и шагнул навстречу инструктору, протягивая вперед руки, чтобы ловчее ухватиться. Он успел даже зацепить его, а дальше случилось нечто несообразное: инструктор рванулся вперед, как лопнувшая пружина, дернул слегка Пасюка к себе, как серпом секанул его по ногам, и тот с грохотом шмякнулся на мат. Инструктор отступил на шаг и замер неподвижно. Пасюк, крихтя, поднялся:

- От бисов сын! Та не успел я...

- Правильно, - сказал Филимонов. - Ваша задача научиться выполнять так приемы, чтобы ваш противник не успевал провести контрприем. Это называется передняя подсечка...

- Давай еще раз! - сказал Пасюк.

- Прошу на мат, - кивнул Филимонов. На этот раз Пасюк был настороже и сумел простоять секунды четыре: толчок назад, захват, бросок через бедро - Пасюк на полу.

На Тараскина инструктор произвел такое впечатление, что Коля падал на мат еще до того, как с ним успевали провести прием. А Филимонов поднимал его и заставлял бороться снова, объясняя систему захвата:

- Передняя подсечка... рывок на себя... двойной нельсон... удар ребром ладони...

Жеглову инструктор дал картонный нож и велел нападать и каждый раз ловко отводил нож или вообще вышибал из руки, так что Жеглову и не довелось его хоть разик ткнуть картонным острием. Это разозлило Глеба, он неожиданно отступил на шаг и ловко кинул вращающуюся картонку прямо в грудь инструктора.

- Это не по правилам, - сказал Филимонов.

- А мы с уголовниками договорились только по правилам драться? - спросил Жеглов и, удовлетворенный, отошел в сторону. Но я видел, что борьба эта ему понравилась.

- Вы чего в стороне стоите? - спросил меня Филимонов.

- С духом собираюсь...

- Идите на мат!

Я шагнул, и он сразу нырнул вперед, собираясь подцепить меня под коленом. Ну, мы это в разведке и без новой системы знаем. Наклонился я вперед, и, как только он уцепился, я ему сразу правую руку заблокировал. Он - за колено, а я ему руку выворачиваю, и рычаг у меня больше, ему-то наверняка больнее. Тут ошибочку я сделал - надо было мне сразу направо заваливаться, держать его корпусом, отжимая руку. А я хотел его в стойке дожимать. Ну, и он не промах - нижний подсед мне толкает, кувырнулся я на спину, Филимонова - коленями через себя, да только размаху не хватило, или устал я после ночи, или натошак бороться труднее, но во всяком случае перевернулся инструктор через меня и одной ногой мою руку прижал, а другой - сгибом бедра и голени - душит меня, хрип из меня наружу.

Наверное, сдался бы я Филимонову - это ведь не соревнования, и не бандит на меня напал, и не рыжий фельдфебель в черной форме танкиста из дивизии «Викинг», что спрыгнул на меня из подбитого грузовика на обочине дороги при въезде в маленький городок Люббенау... Но, задыхаясь в железном прихвате этого тщедушного Филимонова, я видел углом глаза, как ребята сгруппировались вокруг нас, а Тараскин просто брякнулся на пол, чтобы лучше видеть, и слышал я баритончик Жеглова где-то над собой, высоко:

- Володя, Володя-а, Воло-о-дя-я!

И Пасюк громыхал:

- Шарапов, дави його, вражину, нехай знае наших! Руки у меня сильнее, отжал я все-таки его ногу, и на изломе пошло у него колено, и отпустил удавку Филимонов, распрямился в прыжке, вскочил на ноги и сразу же, не давая мне прийти в себя, рванул мне заднюю подсечку, но и я его держал уже поперек корпуса, так вместе и покатались, и еще довольно долго он вил из меня веревки, пока все-таки не заломал на «мельнице» - провернул вокруг себя и привел четко на спину...

Мы встали, запыхавшиеся, усталые, но оба довольные. Он за свое умение постоял, и я не переживал, что он ме-

ня заделал: он ведь как-никак - профессионал, инструктор. Филимонов хлопнул меня по плечу, и следа не осталось от серой унылости его голоса:

- В разведке учили?

- Было дело, - усмехнулся я.

- Тебе надо заниматься - весной первенство «Динамо»...

Вот только этого мне не хватало! А ребята от души радовались. Филимонов оглядел нас и, опять посуровев, сказал:

- Прошу вас, товарищи, относиться к занятиям исключительно серьезно. То, чему вы здесь научитесь, однажды может спасти вам жизнь...».

При всем том, для лиц, которым она не была предназначена, книга Волкова до последних лет оставалась совершенно неизвестной. Достаточно сказать, что о ней не знали даже авторы статей и книг о рукопашном бое в НКВД. Столь надежно и плотно «закрывал» ее угрожающе строгий гриф. Так продолжалось вплоть до 1993 года, когда малое коллективное предприятие «Ассоциация Олимп», убрав из понятной предосторожности гриф с титульного листа, выпустило репринтное издание волковского руководства. К счастью, издатели-«олимпийцы» были отнюдь не жуликоватыми и невежественными коммерсантами из «новых русских», а отличными специалистами, мастерами спорта по самбо из подмосковного города Жуковского, где при их деятельном участии активно функционирует «Клуб боевого самбо». Начало положили А.Г. Жуков и В.А. Тихонов, решив издавать высококачественную литературу по рукопашному бою. Затем к ним присоединились В.В. Волостных, О.Л. Шмелев и С.Л. Викулин. В том же девяносто третьем году, помимо волковского руководства, «олимпийцы» выпустили в свет капитальную «Энциклопедию боевого самбо» в двух томах, где обнародовали практически весь технический арсенал и необходимые методические разработки. Книга стала внушительным подведением итогов многолетнего существования этой системы. И если мне удастся довести свое повествование до современности,

я непременно посвящу один из очерков плодотворной работе этих Жуковских энтузиастов.

Восстановив из небытия прочно забытого Волкова, они сделали очень большое дело, и единственная претензия, которую можно им адресовать, - это отсутствие хотя бы краткой биографии автора и комментария к его работе, который они, несомненно, могли бы выполнить на высоком уровне.

Так или иначе, но современное поколение ведущих специалистов самбо воздало должное своим несправедливо забытым предшественникам. Разумеется, я не мог не поговорить с издателями и не узнать их побудительные причины и мнение о переизданном руководстве полувековой давности. Тем более что речь шла не о сомнительных самозванных сэнсэях, а о знающих и широко образованных людях. Здесь я дословно приведу ответ Владимира Тихонова, который отлично выразил мнение всех своих коллег: «Был государственный заказ, и Волков его блестяще выполнил. Но при этом сумел избежать обязательной в те годы политической направленности. Фундаментальная работа выполнена очень грамотно, имеет подлинно научный характер и энциклопедический охват темы. Автор по-настоящему грамотный профессионал. Он знает то, о чем пишет, понимает сущность поединка. Поражает сама стройность системы. А ведь это еще сороковой год, и неизвестно, что в действительности представляла в то время, например, столь разрекламированная сейчас система Уэсибы.

Предложенные Волковым правила состязаний разумно функциональны. Книга написана для людей, говорящих с ним на одном профессиональном языке и хорошо понимающих его. Количество подготовленных самбистов было тогда уже достаточно большим».

Говоря непосредственно о содержании книги, нельзя уйти от заковыристого вопроса о плагиате. Я уже сказал, что с чисто формальной стороны такое обвинение едва ли возможно. Однако все выглядело бы значительно корректнее,

если бы автор прямо сказал, что использует не только классификацию Спиридонова, но и основы его техники и методики преподавания. (Понятно, что в отношении разработок его второго, уже репрессированного учителя подобные ссылки были вообще невозможны!)

Как мне сообщил А.А. Харлампиев, Виктор пользовался также корейским руководством по дзюдо. Заимствованные из него рисунки показывают технику исполнения кульбитов. И хотя вместо дзюдоги там пририсованы самбистские трусики и борцовки, кое-где нетрудно разглядеть монголоидные лица спортсменов. Судя по некоторым иллюстрациям, не исключена возможность использования и еще одного руководства, уже европейского.

В двух первых главах своего курса самозащиты Волков изложил «Теоретические и практические основы Самбо». В первой из них рассмотрены технико-тактические особенности, классификация и правовое обоснование использования самбо в служебной деятельности, а также приведен неплохой очерк истории самозащиты с заметным влиянием Н.Н. Ознобишина. Виктор Павлович - человек интеллигентный - первым ввел в наш историко-спортивный обиход сведения о рукопашном бое, почерпнутые из произведений античных авторов - Лукиана, Светония. Говоря о практиковавшейся в СССР спортивной борьбе в одежде («борьбе вольного стиля»), он не считал нужным скрывать, что она «выросла на базе завезенной к нам японской системы Дзю-До». Но тут же, разумеется, приводит и обязательные в те годы рассуждения о роли и достоинствах наших национальных видов борьбы, особенно той, которая практиковалась на родине Сталина.

В «Практических основах» дана общефизическая подготовка, спиридоновские и ошепковские специальные подготовительные упражнения, включая страховку и самостраховку.

Волков являлся достаточно квалифицированным специалистом для того, чтобы понимать: спиридоновская система, при всех своих несомненных досто-

Рис. 51. Каскадный кульбит вперед через препятствие.

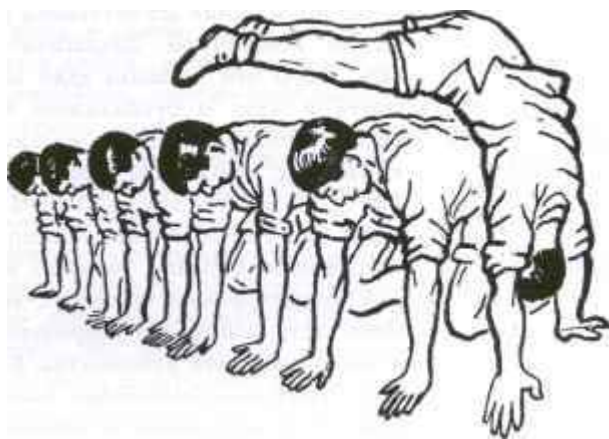

Рис. 52. Каскадный кульбит вперед через препятствие от двух и более человек.

инствах, уже устаревают, начинает отставать от современного уровня. Модернизируя ее, он вообще отказался от некоторых, не самых удачных приемов. Хотя боевые в стойке и партере, как и нажатия на чувствительные точки, почти все остались спиридоновские. А вот техника ударов и удушений претерпела значительно большую степень переработки. Что же касается особенно «замшелой» бросковой техники, которую явно недооценивал Виктор Афанасьевич, понимая ее как всего лишь подсобную, то вся она была переведена на ошепковские «рельсы».

Виктор, успевший проучиться у Василия Сергеевича всего лишь год, видел, как далеко успела шагнуть школа этого мастера за истекшее десятилетие. И особенно по сравнению со спиридонов-

Рисунки кульбитов из корейского руководства по дзюдо

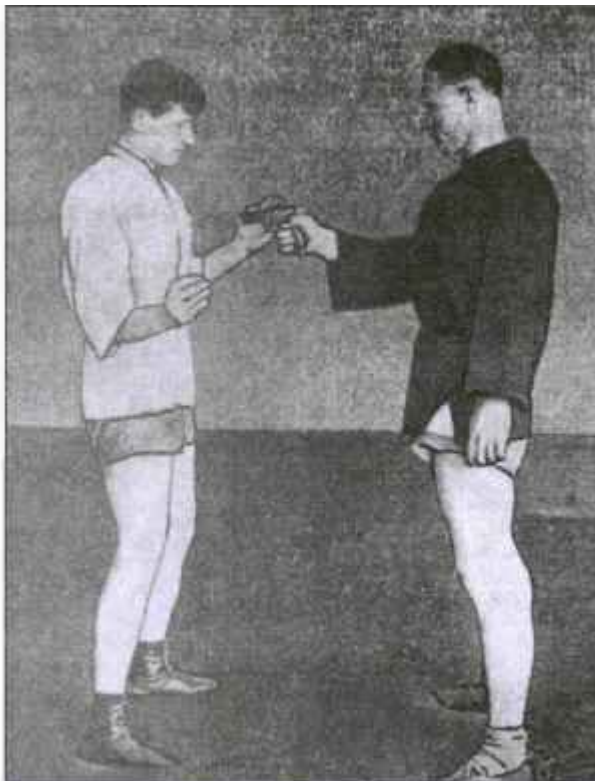
ской. Еще при жизни Василий Сергеевич устраивал встречи своих учеников со «спирidonовцами». О результатах подобных товарищеских состязаний их участник Будзинский написал так: «Динамовцы, привыкшие на тренировках все внимание концентрировать на захватах кистей рук, локтей с целью проведения болевого рычага, забывали о ногах, корпусе и необходимости сохранения равновесия - летели от того или иного броска, вставали - опять бросок. При борьбе лежа наше преимущество тоже было явным... Мы использовали технику, тактику и прочие детали борьбы, которым учил В.С. Ощепков своих учеников...»

И хотя Волков понимал, что это не очень обрадует Виктора Афанасьевича, он ходил в «Крылья Советов» не только для устройства матчей с соперниками, но и внимательно присматривался к технике бросков на занятиях, которые вел там тогда один из наиболее продвинувшихся учеников Ощепкова - Харлампиев. Анатолий Аркадьевич рассказал, что Виктор даже вел при этом подробные записи.

Структурно волковское учебное пособие очень близко к последней спирidonовской книге. Но вот, если просмотреть, например, главу, носящую то же, что и у Спирidonова, название «Захваты и ответные приемы», то окажется, что «наполнение» ее практически полностью ощепковское. Вместе с тем, вообще впервые в нашей практике Виктор Павлович дает главу «Приемы специального назначения». А в ней вполне разумно выделяет в особые разделы методику обучения, тактику и технику обезоруживания при нападении с холодным, портативным огнестрельным оружием, штыком, большой и малой лопатой и др. У Спирidonова таких приемов, не всегда к тому же надежных, было очень мало, и преподносились они без особого выделения - в единой массе с болевыми.

«Рычаг вверх на ладони»

К сороковому году почти вся Европа уже успела перейти от револьвера к автоматическому пистолету. Да и у нас, кроме традиционного нагана, тоже поступили на вооружение используемый до сих пор отличный пистолет Токарева, короткоствольный пистолет Коровина. Несмотря на это, буквально во всех наших руководствах описывались только лишь действия против револьвера и, как правило, с захватом за его ствол. Но если бы даже захват за ствол пистолета оказался возможным, он мог нести угрозу повреждения пальцев обезоруживающего при случайном выстреле во время проведения приема. Ведь у ряда систем пистолетов кожух ствола составляет одно целое с затвором. И Волкову первым довелось предусмотреть и возможность нападения с пистолетом, в том числе и короткоствольным. Для этих случаев он предлагал выбивание пистолета одновременным скрестным ударом обеих рук в пясть и запястье; отбив вооруженной руки с ее захватом

«Выбивание пистолета одновременным скрестным ударом обеих рук в пясть и запястье»

«Захват за запястье сверху надхватом с одновременным ударом в пах каблуком ноги»

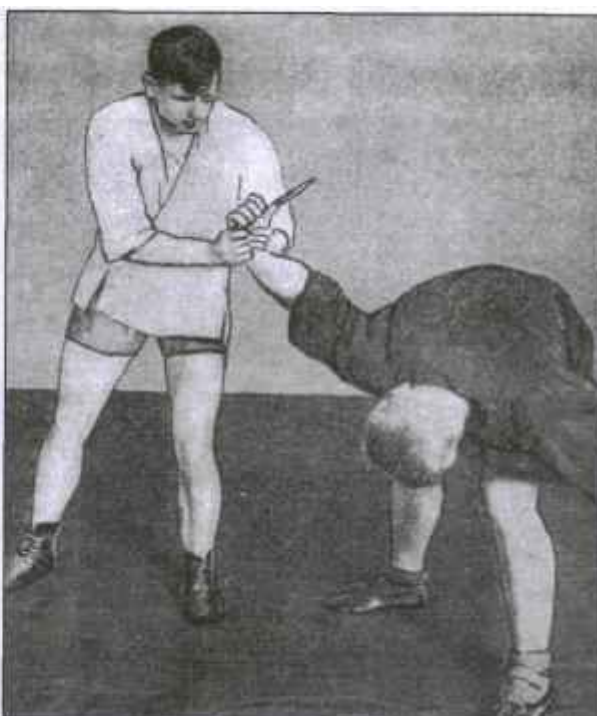
Обезоруживание при
попытке достать
револьвер

«Обратный выверт с
дожимом кисти»
при защите от удара
ножом снизу

и ударом кулаком свободной руки в
пять с последующим дожимом кисти
и другое. Всего описано одиннадцать
обезоруживаний, как против пистолета,
так и против револьвера, из них пять -
при попытке обнажить оружие.

Среди защит от ударов ножом свер-
ху, сбоку и снизу, кроме традиционных
обезоруживаний, приведены и новые,
такие, как скрестный захват от удара
снизу и загиб за спину с дожимом ки-
сти. Особой популярности эти нова-

ции, похоже, так и не получили. Вместе с ними была опубликована наглядная схема возможных секторов поражения в зависимости от способов держания противником ножа с указанием приемов обезоруживания для каждого сектора. Однако вызывает сомнения, что именно эти, всего лишь три приема (с одним несущественным вариантом), способны обеспечить безопасность при любом направлении удара.

Противодействия удару штыком и лопатой даны по Ощепкову, за исключением одного случая. Кроме способов удержания, связывания и конвоирования, в главе «Приемы специального назначения» можно было увидеть принципиально новый в нашей практике раздел о технике и тактике работы ножом. Дело в том, что в те годы особая категория сотрудников НКВД, в частности, несшая охрану членов политбюро и лично Сталина, имела на вооружении не только пистолеты, но и финские ножи.

В книге приведены детальные методические разработки, рассчитанные на различные сроки обучения. Как и оба его учителя, автор придавал огромное значение спортивно-состязательным схваткам на ковре, без которых курсанты не могли получить полноценных боевых навыков. Именно этому посвящена глава «Свободная тренировка», которая увенчивала постепенное «фа-

зисное» овладение техникой и тактикой, начиная с изучения простеньких переходов от неудачного приема к удачному с пассивным партнером и кончая «вольной схваткой» или «вольным боем», где курсанты работали на ковре уже на полную мощность, исключив удары и особо опасные приемы. В сущности, это были спортивные состязания по самбо, которое сегодня мы называем боевым, и которое тогда только таковым и являлось.

Для наиболее эффективного овладения технико-тактическими возможностя-

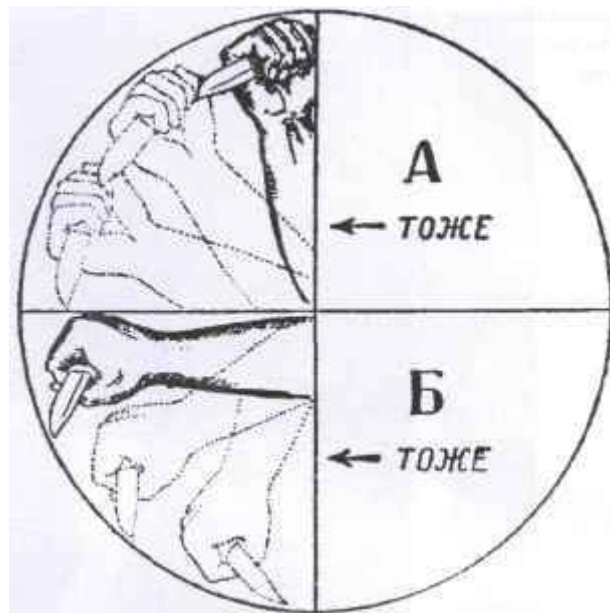
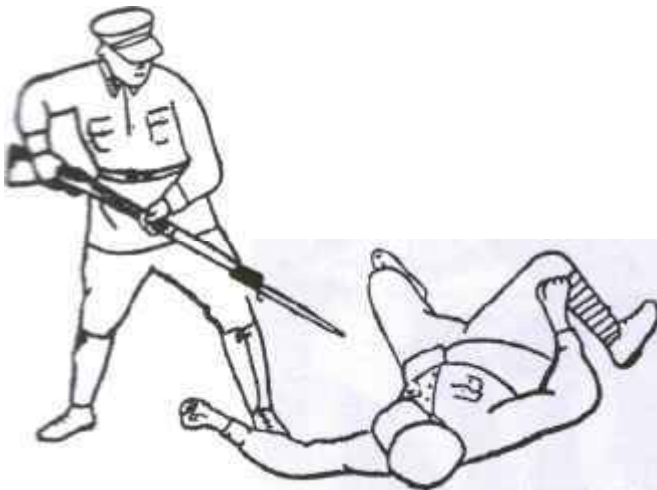
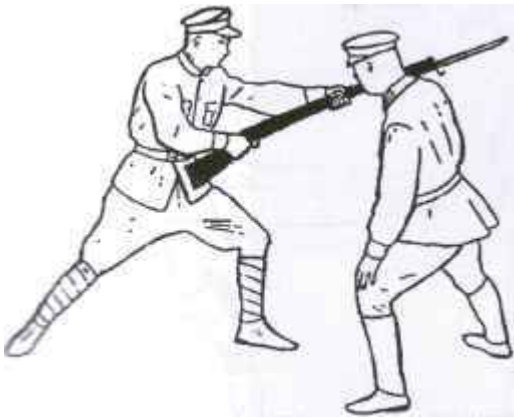

Схема возможных секторов поражения в зависимости от способов держания противником ножа

Удар прямой длинный и удар изнутри

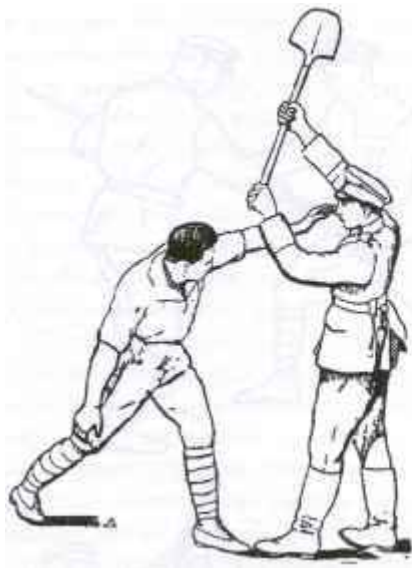

Основной прием
против укола
штыком в живот

ми самбо Волков в рамках «свободной тренировки» разработал двадцать три «тренировочных комбинации рукопашного боя» в стойке на различных дистанциях и в партере. Под «комбинациями» он понимал «ряд приемов последовательно чередующихся между собой... Чтобы переход с приема на прием был четким и быстрым и, по возможности, неожиданным для противника».

Овладев «тренировочными комбинациями», обучающиеся должны были получить навык самостоятельного «составления» комбинаций, то есть свободно строить «связки» приемов, пользоваться обманными действиями и легко переходить с неудавшегося приема на успешный. И самым последним из выпускных экзаменов для курсантов школ НКВД должна была стать именно «воль-

ная схватка», «вольный бой» по специально разработанным Волковым правилам. Именно это позволяло оценивать навыки, полученные курсантами.

Книга Виктора Павловича, безусловно, носила эклектичный характер, но это вовсе не значит, что он просто-напросто механически списал все у своих учителей. Назвав Спиридонова «основоположником советской системы «САМ-БО»», Волков тут же добавляет: «На протяжении ряда лет эту систему совершенствовали, ввели дополнительные группы приемов и разработали целый ряд методов для тренировки». Безлич-

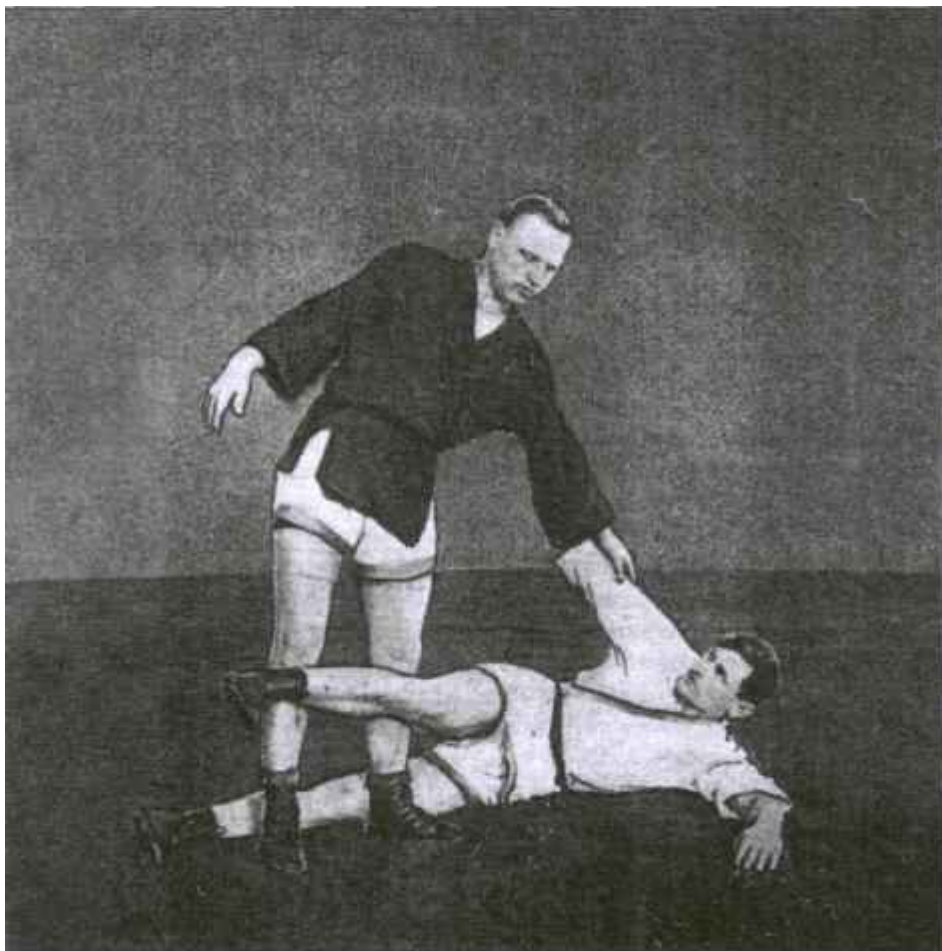
ная скромная форма этой фразы определилась тем, что среди «совершенствовавшихся» одно из первых, если не самое первое место, занимал написавший ее. И его собственные разработки, бесспорно, имели существенное значение.

С чисто человеческой позиции нельзя устраниваться от трагедии стареющего Виктора Афанасьевича, которого лишили возможности обнародовать свои последние наработки, но объективно публикация его ученика, при всех неизбежных недостатках, была более полезным и прогрессивным делом. Не стоит также забывать, что, если бы Волков не

Прием против удара
длинной саперной
лопатой

Прямой удар в
подбородок и удар
локтем в живот и
область сердца

включил в свое учебное пособие материалы Ощепкова, для большинства они так и остались бы неизвестными.

Таким образом, система Спиридонова в ее чистом виде в начале сороковых годов прекратила свое существование. Но я не стал бы утверждать, что она умерла: ее семена давали новые побеги. Трудами ученика она как бы переплавилась, превратившись в единый добротный сплав с разработками своего бывшего непримиримого оппонента

и приобретаю новые не только количественные, но и чисто качественные положительные изменения. Волков чисто символически как бы примирил своей работой двух своих враждовавших учителей. Хотя такое примирение и имело откровенно драматический характер. Система Волкова, а это была именно система, хотя и эклектичная в своей основе, стала новым этапом в поступательном развитии самбо.

Глава 2

«НПРБ-38»

Военные уставы, наставления, руководства создаются трудом целого коллектива авторов. Но почему-то во всем мире издавна и прочно установилась традиция не называть их фамилий. И работы эти так и остаются анонимными. К счастью, в нашем случае автор не только известен, но и, так сказать, официально задокументирован:

СССР - Народный комиссариат обороны Союза ССР.

Инспекция физической подготовки и спорта РККА.

Москва-19, ул. Фрунзе, 16.

4 сентября 1938 г. N 23/0409.

Справка

Тов. Галковским Н.М. в 1937 г. был представлен в Инспекцию физподготовки и спорта РККА разработанный им труд, излагающий методику обучения приемам рукопашного боя невооруженного с вооруженным и технику выполнения этих приемов. Все приемы были очень подробно описаны и проиллюстрированы фотоснимками. Однако ввиду значительной многословности (неприемлемой для официальных руководств РККА) как при описании методики, так и техники выполнения приемов, труд тов. Галковского Н.М. был подвержен в Инспекции специальному редактированию и сокращению по объему. После чего он был помещен отдельным разделом в «Наставление по подготовке к рукопашному бою РККА» (НПРБ-38), которое в настоящее время уже вышло из печати и разослано в части РККА.

Помощник инспектора физической подготовки и спорта РККА Г. Калачев

Это была первая, но не последняя из работ одного из воспитанников же-

стоко и бессмысленно замученного в НКВД В.С. Ощепкова. Трагическая гибель этого мастера, разумеется, не могла не отразиться на развитии рукопашного боя и борьбы в одежде. Тем не менее, дело его продолжилось трудами учеников.

Приказом N 633 от 16 ноября 1938 года Всесоюзный комитет по делам физической культуры и спорта при Совете Народных Комиссаров СССР предложил шире культивировать на местах прикладной, «оборонный» вид спорта - «борьбу вольного стиля», как теперь стали именовать спортивное детище «врага народа». Но исполнение этого приказа было крайне затруднено из-за полного отсутствия учебных пособий. Вот здесь и развернулась активная деятельность учеников покойного мастера.

Ленинградцы И. Васильев и А. Ларионов в том же 1938 году уже подготови-

Н.М. Галковский

ли «Наглядные таблицы по самозащите (дзю-до) комплекса ГТО II ступени», которые были изготовлены фотокиномастерской городского клуба мастеров спорта. С авторами этих «фототаблиц» нам еще придется встретиться.

На следующий год в Харькове, который тогда считался столицей Украины, был запланирован выпуск книги Р.А. Школьников «Пособие для преподавателей и тренеров физкультуры. Борьба вольного стиля». Автор, который, как и Галковский, представлял первое инфизкультурное поколение воспитанников Василия Сергеевича, был пионером украинского дзюдо и самбо, чемпионом Украины. Его книга, сохранившаяся едва ли не в единственном экземпляре, является большой библиографической редкостью. Есть у нее и еще одна необычная особенность: Украинский научно-исследовательский институт физкультуры задержал выпуск книги на целый год. И если на ее отпечатанной заголовочно-обложке было проставлено «1939», то на титульном листе указана действительная дата выхода в свет: «1940 год». Автор привел внушительный объем техники, методики и рекомендаций по спортивно-организационной работе. В книге он говорил, что эта борьба занимает почетное место в подготовке бойцов Красной Армии: «...В совершенстве владеющий техникой приемов борьбы вольного стиля сможет не только отразить нападение противника, вооруженного или невооруженного, но и добиться окончательной победы в рукопашной схватке». Тем не менее, в книге описывались только лишь спортивные приемы. Впрочем, они ведь тоже входят и в систему самозащиты, как борьба невооруженного с невооруженным.

Роман Александрович сообщал мне, что им в 1937-м были также выпущены наглядные пособия по борьбе, тогда еще дзюдо, в виде плакатов. Но ни один из них не сохранился.

Однако нам пора возвратиться к герою этой главы - Николаю Михайловичу Галковскому (1911-1992). Биография он имел довольно обычную для рабоче-

го паренька, перед которым революция широко распахнула все дороги. Сюжеты, подобные его жизнеописанию, сегодня, под гром хорошо оплаченных проклятий коммунизму, стали крайне нежелательны и даже одиозны. Но лгать ради того, чтобы попасть в «демократически» официозную «струю», я отнюдь не собираюсь. Как человек старшего поколения, я узнал о глупости, жадности, лицемерии и жестокости наших бывших правителей не из телевизионно-газетных рассказов, а по собственному печальному опыту. Но при всем при этом я столь же хорошо знаю, как много было сделано советской властью для всех тех, кто отвечал тогдашнему понятию «трудовой». И в первую очередь, конечно, для «рабочего класса». Они получили, наконец, то, чего были несправедливо лишены прежде. То, что было просто немыслимо до революции. Прежде всего, право на бесплатное образование всех уровней, да еще с выплатой стипендии. Вчерашние рабочие парни становились инженерами, учителями, врачами, спортивными специалистами, научными сотрудниками.

Именно этот аспект имеет непосредственное отношение к настоящему повествованию, так как мой герой родился в семье рабочего Макеевского металлургического завода. Едва успев окончить пять классов начальной школы, начал работать «разносчиком» в поликлинике: разносил по врачебным кабинетам бланки историй болезни. А в четырнадцать лет уже пришел на тот же завод, где работал сварщиком отец. Нетрудно понять, что еще с детских лет Николай совершенно искренне стал убежденным советским патриотом. Даже через много лет в материалах, опубликованных в одном юбилейном альбоме, он не без гордости отметил, что стал пионером еще в 1924 году. Скорее всего, это был самый первый в Макеевке пионерский отряд. В шестнадцать лет вступил в комсомол, а с семнадцати, имея всего лишь двухлетний рабочий стаж, уже стал бригадиром ударной комсомольской бригады котельщиков. Разумеется, будущее членство в партии

для него было уже бесповоротно решенным делом.

Наряду со всеми иными возможностями, рабочие получили и отсутствовавшую у них прежде возможность бесплатно заниматься любым видом спорта. И спортивный азарт покорила душу юного котельщика. Профессия эта была изнурительно тяжелой, но, вопреки усталости, Николай занимался спортом столь же старательно и увлеченно, как вообще делал все. Уже с тех далеких лет это замечательное увлечение стало его любовью на всю жизнь. Если пользоваться выражением того времени, его «как хорошего активиста» товарищи избрали председателем заводского бюро физкультуры. А так как он «проявил себя на этой работе», райком комсомола «выдвинул» его на должность секретаря районного совета физической культуры.

К этому времени Николай без отрыва от работы сумел получить среднее образование на так называемом рабфаке - рабочем факультете. Такая возможность тоже была создана для рабочих. И вот, удовлетворяя стремление учиться дальше и **поощряя** горячую увлеченность спортом, его в 1930 году командировали в Московский институт физкультуры. В столице спортивная жизнь была ключом, и юный макеевец с головой оку-

нулся в нее. При всех трудностях тех голодных лет, студенчество, как и вся молодежь, жило отчаянно весело, бодро и жизнерадостно. Это была жизнь людей, абсолютно уверенных в своей правоте и своем будущем.

Поначалу Николай делил свои симпатии между бегом на средние дистанции и борьбой дзюдо, но борцовский ковер явно перевесил беговую дорожку, и дзюдо победило. В институте счастье во пересеклись пути молодого провинциала и лучшего в стране специалиста - Василия Сергеевича Ошепкова. Одного из тех старорусских разночинных интеллигентов, которые щедро делились с рабочей и крестьянской молодежью не только профессиональными, но и чисто культурными навыками. Еще только нарождавшаяся новая советская интеллигенция очень остро нуждалась в этом. Ведь те «низшие», по старорежимным понятиям, социальные слои, из которых они вышли, на протяжении долгих столетий были насильственно отрешены от лучших достижений культуры. И Ошепков не только обучал, но и воспитывал своих студентов. На всю жизнь сохранил Галковский глубокую благодарность и искреннее восхищение этим талантливым наставником. Даже в преклонном возрасте, говоря о своих работах по ру-

Диплом специальных курсов усовершенствования на право преподавания дзюдо 1933 года и чемпионский диплом Галковского

копашному бою и борьбе в одежде, никогда не забывал подчеркнуть, что это все - ощепковское наследие. И всегда яростно разоблачал самозванное харлампиевское «авторство» в отношении борьбы самбо, которое бессовестно перечеркивало приоритет Василия Сергеевича.

Николаю повезло поступить в институт именно тогда, когда Ощепков только начал там преподавать, и курс Галковского стал первым поколением специалистов с высшим образованием по самозащите без оружия и борьбе в одежде. С огромным увлечением учился Николай. И в тех успехах, с которыми вьедливый донбасский парень постигал премудрости нового, еще не знакомого нашим спортсменам дела, угадывалась сметливость и уверенная хватка способных русских мастеровых былых лет. Он участвовал во всех соревнованиях, неоднократно завоевывал звание чемпиона столицы и вошел в число сильнейших полупегковесов страны, получив в числе первых звание мастера спорта по новому виду борьбы. Но это было уже потом, а тогда Ощепков заметил способного и старательного студента и по окончании им института оставил в качестве своего помощника. Помимо общеобязательного институтского курса, Галковский на отлично окончил специальные курсы усовершенствования в дзюдо и получил еще в 1933 году право преподавания в инсти-

тутах физкультуры, спортобществе «Динамо», школах милиции и частях армии. Довелось Николаю и замещать своего шефа во время его тяжелой болезни. В строю тех, с кем приходилось заниматься молодому преподавателю, стояли и сменивший его на педагогической ниве несколько лет спустя Борис Сагателян, и выдвинувшийся в будущем Анатолий Харлампиев.

Когда в конце 1936 года была создана «секция (то есть федерация) борьбы вольного стиля дзю-до Всесоюзного спорткомитета», то ее председателем вполне закономерно стал Ощепков, а его заместителем был избран аспирант Галковский. Им двоим было поручено разработать план работы на будущий, 1937-й, год, до конца которого Василий Сергеевич уже не доживет.

Николай являлся ближайшим помощником Ощепкова, и, естественно, что именно он после гибели учителя оказался в роли ведущего специалиста по рукопашному бою и борьбе в одежде. Кроме преподавания в институте, на его плечи легли и все другие ощепковские заботы. В конце тридцать седьмого он провел в Ленинграде первый в стране сбор по новому виду борьбы и вместе с Васильевым и Ларионовым отработал Положение о самом первом междугородном матче, в котором вскоре встретились команды Москвы и Ленинграда. Галковскому было поручено написание соответствующего раздела в новом армейском наставлении по рукопашному бою НПРБ-38. В следующем году он издает так называемые «фотоплакаты» по той же тематике. Затем в свет выходит его работа «Вольная борьба. Программа для спортивных секций коллективов физкультуры», утвержденная Всесоюзным спорткомитетом. На обороте ее титульного листа значилось: «Автор Н.М. Галковский (выделено не мной! - М.Л.). В разработке программы участвовала бригада в составе: А.М. Рубанчик, А.А. Харлампиев, Н.Я. Гладков».

Советский книжный рынок тех лет, в том числе и спортивный, отличался крайней скудостью, и, чтобы удовлетворить его запросы, Всесоюзный спортко-

митет принимает решение выпустить по основным видам спорта, вошедшим в нормы ГТО, серию «Учебное пособие для секций коллективов физкультуры». Каждое такое пособие специально рассматривалось и утверждалось комитетом. Книгу «Вольная борьба» в этой серии тоже было поручено написать Галковскому. И если упомянутые мной выше работы ленинградцев и харьковчанина были рассчитаны только на местных спортсменов, то это пособие адресовалось уже всесоюзной аудитории.

Разумеется, что, исходя из всего этого, я не мог не спросить Николая Михайловича, почему же при его явно ведущем тогда положении случилось так, что старшим тренером Всесоюзного сбора борцов летом 1938 года оказался не он, а Анатолий Харлампиев. Выяснилось, что именно в то время Галковскому, как преподавателю инфизкульты, поручили участвовать в подготовке традиционного Всесоюзного физкультурного парада на Красной площади. А на параде должны были присутствовать не только члены Политбюро, но даже и «сам товарищ Иосиф Виссарионович Сталин». И уж по сравнению с этим любые иные спортивные мероприятия решительно отступали даже не на **второе**, а на сто двадцать второе место.

Недавняя близость к Ощепкову, кроме новых профессиональных забот, не могла не принести еще и неизбежные в те годы опасения за «связи с врагом народа». И мне кажется, что это стало одной из причин скорого ухода Николая из института физкультуры. Он продолжает спортивно-преподавательскую работу, но уже в Артиллерийской академии. Однако вскоре, в сорок первом, начавшаяся война «назначила» его командиром зенитной батареи при обороне Москвы. А потом - Калининский фронт, где он командовал сначала стрелковой ротой, а затем разведывательной группой. Последствия полученной тогда тяжелой контузии особенно сильно мучили его в конце жизни. Следующим этапом его военной карьеры стало возвращение к преподавательской деятельности. На этот раз в Академии

Генерального штаба. В запас он был уволен в звании подполковника.

Галковский продолжал свою успешную работу по спорту: как прежде специализировался на вольной борьбе, но это была уже совсем другая вольная борьба, не та, что прежде. Ту, с которой когда-то начинал, он покинул уже навсегда...

Союзнические военные контакты с Англией и Америкой породили необходимость расширять сферу сотрудничества. Но только такого, какое демонстрировало бы превосходство социалистической системы. И здесь действенным пропагандистским средством мог стать спорт, который на Западе уже тогда называли «религией XX века». В верхах обсуждался вопрос о нашем выходе на мировую спортивную арену. Дело осложнялось тем, что за все **годы** советской власти спортсмены могли состязаться, как правило, лишь со своими коллегами по Красному Спортинтерну - зарубежными рабочими-спортсменами, «классово очень близкими», но весьма далекими от спортивного совершенства. А элиту мирового спорта контролировали Олимпийский комитет и международные федерации, которые признавались «буржуазными» и, в силу этого, абсолютно «неприкасаемыми». Впрочем, те отвечали **тем же**, ставя на грань дисквалификации своих членов, контактировавших «со страной, не входящей в федерацию». Однако теперь обе стороны начинали осознавать, что приходит время налаживать отношения. И было очевидно, что в будущем спортивно-политическом пасьянсе одной из наших козырных карт может стать издревле любимая народом борьба. Но из двух международных ее видов в Советском Союзе культивировался лишь один - греко-римская борьба, которая именовалась у нас тогда «французской», а впоследствии - «классической». Возникла необходимость освоить и вторую - «вольную». В те годы у нас называли ее «вольной-американской». А чтобы не **путать** с ощепковской вольной борьбой в одежде, последнюю несколько лет спустя переименовали в «борьбу самбо».

Никакого опыта в международной вольной борьбе у нас не существовало. Еще до революции вышло единственное безграмотное, переведенное с немецкого пособие «Новейшая свободная борьба». Но «новинка» эта была на самом элементарном уровне, да к тому же девятьсот десятого года. А еще цирковые борцы изредка, кроме традиционной - «французской», чтобы заинтриговать публику, не очень умело пытались демонстрировать экзотическую вольную. Все это было несерьезно и, к тому же, уже прочно забыто.

Во «французской» борьбе строжайше запрещались захваты за ноги и броски ногами. В вольной же именно они являлись наиболее действенными приемами. Аналогичные броски широко использовались в созданной Ощепковым борьбе, а также в национальных видах, практиковавшихся только у нас в стране. Особенно детально броски с помощью ног были разработаны в грузинской «чидаубо». Все это стало хорошим подспорьем в овладении новым единоборством. Группа советских специалистов, успешно проделав большую и нелегкую работу, не только освоила традиционную технику зарубежной борьбы, но и вооружила борцов действенными приемами, созданными на основе наших собственных видов борьбы и ставшими малопривлекательной неожиданностью для будущих соперников.

Едва ли не лидирующее положение в этой группе пионеров вольной борьбы занимал Николай. Снова, как и лет пятнадцать назад, довелось ему вникать в тонкости техники еще неизвестной в нашей стране борьбы. Но если тогда делалось это под руководством всезнающего Ощепкова, то теперь все предстояло выполнить самостоятельно.

В 1945 году уже был проведен первый чемпионат СССР по «вольной-американской борьбе». Но целых семь лет наших вольников не решались выпустить на большой международный ковер. Да и политическая ситуация тогда не очень способствовала спортивным контактам. Лишь в канун XV Олимпийских Игр, первых, на которые послали

советских спортсменов, наскоро провели встречи с довольно слабыми командами Финляндии, Венгрии и ГДР. Во всех счет был одинаковый - 8:0 в нашу пользу. Подлинный же дебют состоялся уже на олимпийском ковре Хельсинки в 1952-м. Был это очень ответственный и даже опасный экзамен. Со спортивными результатами тогда тесно связывали престиж государства, и советские спортсмены были обязаны только побеждать. Старые болельщики хорошо помнят, как рассвирепевший Сталин разогнал футбольную команду, проигравшую в Хельсинки югославам.

Зарубежные специалисты поначалу просто не принимали наших новичков всерьез. Ни в одном из предолимпийских прогнозов они не были даже упомянуты. Но тем триумфальнее оказалась победа. Хотя борьбу частенько именovali «вольной-американской», а в Соединенных Штатах, действительно, традиционно культивировали именно ее, американцам пришлось скромно довольствоваться всего лишь пятым местом в неофициальном командном зачете. А первое завоевали советские дебютанты, и это стало настоящей сенсацией борцовского ковра. Напряженный труд наших специалистов не пропал даром.

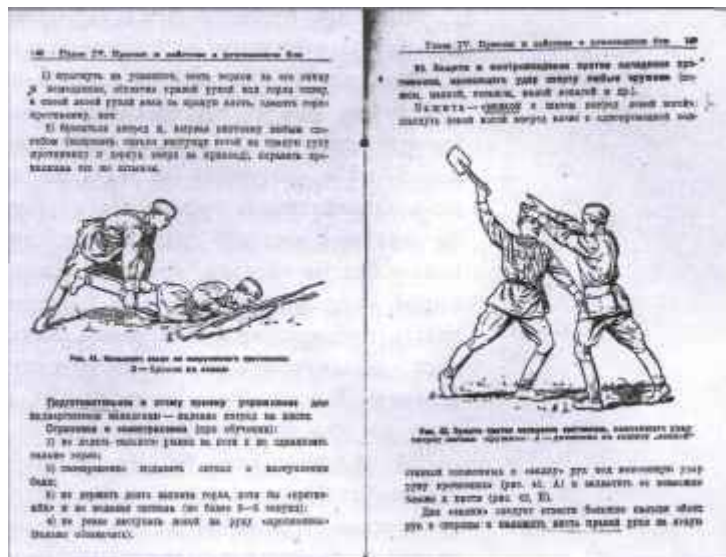
Тогда же, в начале пятидесятых, международную вольную борьбу ввели в программу институтов физкультуры. И несколько изданий учебника по борьбе выходили под редакцией Галковского. Там он впервые у нас описал технику вольной борьбы с ее биомеханическим обоснованием, а также разработал классификацию, терминологию и систематику. Правда, справедливости ради, нужно сказать, что после выхода первого издания его упрекали в попытках заимствовать из самбо некоторые приемы, которые в международной вольной борьбе не всегда себя оправдывали.

Кандидат педагогических наук, заслуженный тренер СССР, почетный судья всесоюзной категории, Галковский долгие годы работал старшим научным сотрудником во Всесоюзном научно-исследовательском институте физкультуры. Я познакомился с ним в шести-

десятые, и мы частенько встречались на соревнованиях. Услышал от него очень много интересного, в первую очередь, о его учителе. Это именно Николай Михайлович поведал мне о необычной процедуре приема Ощепкова в Кодокан и многом другом. Сейчас я жалею только о том, что так мало расспрашивал ветерана о нем самом...

Анализируя характер работ Галковского по рукопашному бою, можно сказать следующее. В первых же строках НПРБ-38 подчеркивалось, что, кроме всего прочего, боец должен уметь: использовать в рукопашном бою подручные средства (лопату, топор, кирку, нож, палку, камень, горсть песка и т.п.), обезоружить противника и поразить его же оружием, а также вести рукопашный бой, как в составе своего подразделения, так и одному против двух-трех противников. На 230 страницах Наставления рассматривался весь комплекс действий в ближнем бою: передвижение с преодолением препятствий, метание гранат, владение холодным оружием: штыком, прикладом, винтовкой без штыка, большой и малой лопатой, а также вопросы обучения и тренировки. Еще в 1936 году на вооружение была принята автоматическая винтовка Симонова (АВС) с клинковым штыком, а через два года ее сменила самозарядная винтовка Токарева (СВТ-38), снабженная таким же штыком. Поэтому в Наставлении впервые появились режущие удары штыком по голове и левой кисти противника.

Некоторые специалисты пишут, что основой для разработки Наставления послужил опыт пограничных боев с японцами в районе озера Хасан. Это грубая ошибка, так как подписано к печати оно было почти за две недели до начала этих боев и за месяц до их окончания. В то же время Наставление, действительно, придает очень большое значение рукопашному бою, как ответственной и самому напряженному моменту сражения. Обращает на себя внимание фраза, выделенная жирным шрифтом на первой же странице: «Обучению и тренировке в рукопаш-

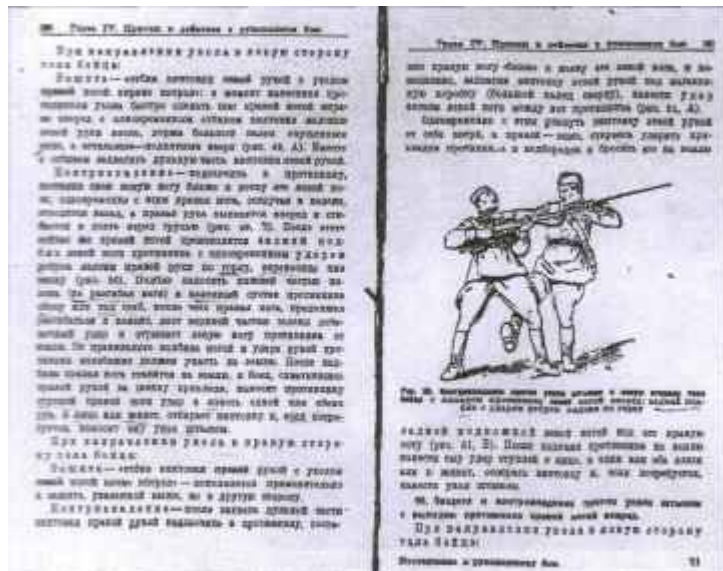
ном бою подлежат все бойцы, командный и начальствующий состав РККА». Обучение лиц начальствующего состава, хотя и совершенно беспрецедентное, было вполне оправданным, поскольку они всегда находятся на острие внимания спецподразделений противника. Да и такая физподготовка в их возрасте совсем не мешает. Хотя я сильно сомневаюсь, что подобное обучение их действительно проводилось.

Пожалуй, впервые такого рода наставление было разработано столь подробно во всех отношениях. Во всех, кроме одного - ведения боя без оружия. По сравнению с предшествующим, в НПРБ-38 по этой тематике планка оказалась заметно опущенной. Вероятно, имея в виду ограниченное время, военное начальство сочло необходимым урезать объем техники, которой прежде обучали бойцов. В Наставление включено лишь несколько видов действий без оружия. Но любое из них являлось не отдельным, изолированным приемом, а комбинацией приемов и ударов, которая выводила противника из строя. Атакующий характер имело только одно из этих действий: нападение сзади броском захватом ног с последующим удушением сгибом локтя, садясь на противника. Все остальные были контратакующими и являлись довольно однотипными обезоруживаниями. Техника исполнения их подразделялась на защи-

ту и последующее контрнаступление, строившееся по ощепковскому рецепту: удар-прием-удар. Защита от укола штыком и наведения револьвера состояла из ухода с линии атаки с отбивом и захватом оружия или руки и оружия (при револьвере). Укол штыком, направленный в левую сторону тела, требовал ухода вправо-вперед с отбивом левой рукой, а направленный в правую - ухода влево-вперед с отбивом правой. Отбив выполнялся ладонью, «держа большой палец, опущенным вниз, а остальные - поднятыми вверх».

При ударе сверху любым оружием (ножом, тесаком, малой лопатой, пал-

кои и др.) вооруженная рука захватывалась в подставленную «вилку». Для этого следовало «отвести большие пальцы обеих рук в стороны и наложить кисть правой руки на левую так, чтобы большие пальцы обеих рук составили продолжение их указательных пальцев». Контрнаступление начиналось сразу же после захвата и слитно с ним. Первым его звеном почти во всех случаях являлся «удар носком в середину голени впереди стоящей ноги противника или между его ног». При ударе сверху или наведении револьвера далее следовало «выворачивание кисти наружу» с одновременной подножкой. Захваченный за ствол револьвер отбирался за счет «резкого рывка в сторону тыльной части кисти - на излом указательного пальца». В зависимости от того, какая нога противника стояла впереди, и как широко были расставлены его ноги, использовалась передняя или задняя подножка под левую или правую ногу или под две ноги. Так делалось при всех видах обезоруживания, кроме двух «штыковых» - при уколе в левую или правую сторону тела с выпадом одноименной ногой. Здесь в качестве броска применялась не подножка, а подбив впереди стоящей ноги с одновременным ударом ребром ладони по горлу, переносице или виску. После повержения противника на землю следовало нанести «удар ступней в локоть одной или обеих рук, в лицо или живот». Б случае необходимости затем использовалось отобранное оружие.

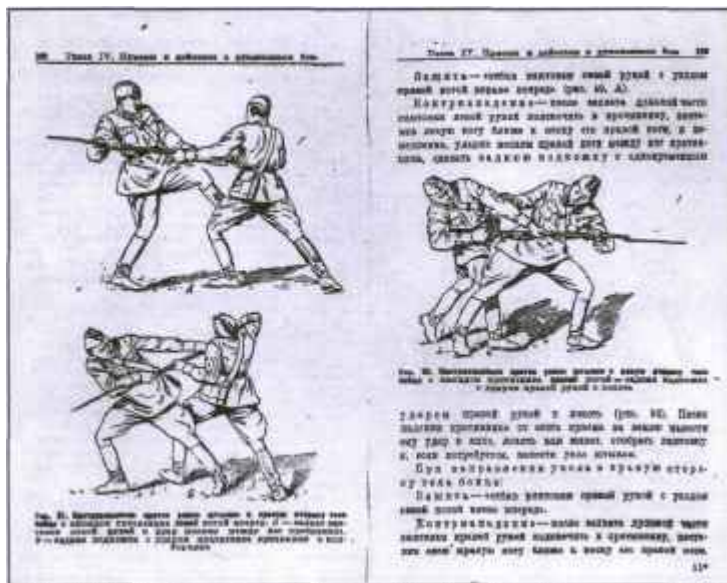
Б Наставлении Галковский, впервые в нашей практике, привел подготовительные и тренировочные упражнения. Это была страховка и самостраховка в виде перекатов и падений с винтовкой и без нее и предварительное «одиночное», без партнера, исполнение приема. Точнее, его как бы обозначение по ощепковскому методу. «Для выработки навыков и воспитания боевых качеств», рекомендовались еще упражнения состязательного типа: «борьба-бой», где безоружные партнеры старались свалить соперника подножкой или вытолкнуть его из круга, и «вольный бой» - поединок вооруженного винтовкой без шты-

ка или с эластичным штыком против невооруженного в фехтовальной маске, нагруднике и перчатках с крагами. В «борьбе-бое» обращалось особое внимание на использование собственных усилий соперника для выведения его из равновесия.

Для своего пособия «Вольная борьба» Галковский, скорее всего, использовал тот же материал по рукопашному бою, что он предлагал для НПРБ-38. В пособии описаны те же самые боевые приемы с очень незначительным дополнением: подножки с ударом прикладом или стволом по голове в случае столкновения вплотную при фехтовании на винтовках. В то же время исполнение всех приемов было более подробно проиллюстрировано. Приводились полезные тактические советы, которые из Наставления, вероятно, оказались вычеркнуты при его редактировании. Большая часть книги уделена добротному и достаточно подробному описанию техники, тактики и методики обучения борьбе. Я думаю, что в основном эта работа даже сегодня вполне могла бы использоваться при начальном преподавании борьбы самбо. В открывавшем книгу историческом очерке автор, несмотря на царивший террор и угрожающий, предвоенный характер отношений с Японией, не побоялся сказать правду о японских корнях нашей вольной борьбы в одежде.

Выход пособия был встречен хвалебной рецензией в газете «Красный спорт». Автором ее был младший коллега и бывший ученик Галковского Анатолий Харлампиев.

Изданная почти одновременно с книгой программа для спортсекций отражала более широкую, чем прежде, военизацию спортсменов на базе нового комплекса ГТО-II, утвержденного в ноябре 1939 года. Вольная борьба в одежде входила в комплекс в качестве нормы по выбору из VII группы (самозащита). Но в секциях теперь должны были не только осваивать борьбу, но еще в обязательном порядке стрельбу,

штыковой бой, лыжи, плавание, преодоление полосы препятствий и тому подобное. (Уже маячившая невдалеке война, правда, сорвет эти широко задуманные планы). Программа двухлетнего курса обучения предусматривала освоение боевых приемов только на первом году. Они изучались после усвоения спортивной техники и точно соответствовали изложенному в пособии.

Несомненно, все названные публикации Николая Михайловича содержали результаты и его собственного труда. При этом, однако, он считал нужным подчеркнуть, что широко использовал ощенко-ские разработки. И это вовсе не было просто этической данью памяти своего учителя. В архиве сохранились протоколы заседаний Секции (то есть Федерации) дзю-до Всесоюзного спорткомитета, которыми утверждены разработанные Василием Сергеевичем проекты нового комплекса приемов как для ГТО-II, так и для Красной Армии. По количеству и разнообразию боевых приемов комплекс значительно превосходил то, что описано в НПРБ-38 и пособии «Вольная борьба» и притом содержал все приемы, которые впоследствии были приведены в этих двух книгах.

Глава 3

Феномен украинского самбо

За последнее предвоенное десятилетие огцепковская борьба в одежде уже успела получить в стране довольно широкое распространение. В том, что лидировали тогда Москва и Ленинград, не было ничего удивительного. Два самых крупных города, один из которых столичный, имели несравненно лучшие возможности развития нового увлекательного единоборства, чем кто бы то ни было. Именно здесь были сосредоточены лучшие в стране, наиболее квалифицированные и опытные преподавательские кадры. Здесь функционировали лучшие спортивные базы, каких не существовало ни в одном другом городе Советского Союза: отлично оборудованные спортзалы, стадионы, располагавшие полным комплектом необхо-

димого инвентаря и спортивной формы. Множество искушенных титулованных мастеров, состязания и тренировки с которыми приносили «новобранцам» бесценные навыки. Плюс к этому - публичные городские состязания различного ранга и широкая возможность агитационных выступлений в парках, клубах, воинских частях, привлекая новые пополнения борцовских секций.

Если же говорить об украинских спортсменах, то они начали приобщаться к новому виду борьбы с четырех-пятилетним отставанием от москвичей и ленинградцев. Да и в помине у них, конечно, не было идеальных московско-ленинградских условий. Но при всем том, новички - украинские хлопчики начали упорнейшую и достойную конкуренцию со своими опытными столичными соперниками, нередко доставляя им огорчения. И не было ни одного состязания, с которого они не привезли бы домой хотя бы одно чемпионское звание, не говоря уже о дипломах второго и третьего призера, а в командном зачете крупнейших состязаний прочно абонировали за собой почетное третье место, непосредственно вслед за Москвой и Ленинградом.

Трудно поверить, но прочный фундамент всех этих удивительных успехов заложил всего-навсего один-единственный человек. Но именно такой, который и один в поле воин. Специалист, сумевший за очень короткое время собрать вокруг себя учеников-единомышленников, увлечь, зажечь их своим горячим энтузиазмом и направить на дружную совместную работу. Звали его Роман Александрович Школьников (1911-1986). Но как это ни печально, сегодня этот, так много сделавший украинский первопроходец почти забыт, и уж очень редко звучит его имя, когда говорят о славной плеяде пионеров нашего самбо. В лучшем случае, бывает просто бегло упомянуто. А я убежден, что заслуживает Роман Александрович значительно большего!

Его жизнь складывалась точно так же, как и у его товарищей, сподвижников и коллег: украинца Галковского, москвича Сидорова, ленинградца Васильева, армянина Сагателяна и многих-многих других парней их возраста. И точно так же, как у них, биография Романа - это еще одна счастливая судьба, которая смогла осуществиться только благодаря революции, уничтожившей все старорежимные преграды сословного, материального и религиозного характера на пути простого народа к высшему образованию. Все они были выходцами из бывших «низших» - трудовых слоев народа, из которых советская власть выковала первую славную волну, первое поколение новой - уже советской интеллигенции...

Семья Александра Школьниковца, кузнеца из села Старобишева Мариупольского уезда богата была только детьми: целых пять душ. Позорная «черта оседлости» была уничтожена еще в революционном 1917-м. И когда годами бушевавшая на Украине гражданская война затихла, обширное семейство Школьниковых переехало в запретный для них прежде город Ростов-на-Дону. Свою «карьеру» двенадцатилетний Рома начал там курьером в печатной мастерской с мудреным названием «Фотохромолитография Геокартпром». Голодные послевоенные годы заставляли впрягаться в работу с самых ранних лет. В мастерской подросток получил и свою первую профессию - литографского печатника.

За последние десять лет у нашей неподкупно-независимой демократической прессы сложилась железная традиция «внутренней цензуры»: о советских временах говорить только пакости. А там, где явно очевидны полезные, добрые дела коммунистов, согласть или просто отмолчаться.

Да простят меня «звезды» нашей журналистики и их «новорусские» хозяева - проворовавшиеся олигархи, но я не могу не сказать, что даже в самые первые и тяжелые годы своего существования советская власть уделяла огромное внимание здоровью подрастающего поколения. Физическую культуру усиленно внедряли в детских садах, школах, на специальных детских площадках, в парках, пионерских лагерях, детских стадионах. И что сегодня нам даже трудно вообразить: все, включая предоставление спортивного инвентаря, тренерского обслуживания, - совершенно бесплатно и для взрослых, и для детей!

Так что Роман еще подростком получил возможность вкушать чудесную радость приобщения к миру спорта. Отдавал ему все свободное от работы время, успевал од-

новременно заниматься и гимнастикой, и баскетболом, и легкой атлетикой, в которой даже смог добиться первого заметного успеха. В шестнадцатилетнем возрасте сумел установить рекорд Северо-Кавказского края в беге на 100 метров. И в 1928 году в числе лучших спортсменов края даже был направлен в Москву для участия во Всесоюзной Спартакиаде.

Он уже имел неплохую профессию литографского печатника, но сладкая «отрава» спорта успела пропитать всю его душу, и в следующем году с комсомольской путевкой в кармане он отправляется в Москву, чтобы поступить в свою святая святых - Центральный институт физической культуры!

Как и для любого молодого рабочего тех пафосно-революционных лет, советская власть для Романа была родной и близкой. И, конечно же, он последовательно прошел весь традиционный жизненный цикл тех молодых поколений: пионерский отряд, комсомол, а всего в девятнадцать лет - членство в компартии.

Однако же, одного лишь, пусть самого пылкого желания стать студентом все-таки было недостаточно. Требовалось еще и законченное среднее образование. А вот его-то катастрофически не хватало влюбленному в спорт юному провинциалу. Необходимость трудиться с детских лет не оставляла времени для учебы...

Казалось бы, здесь-то вот и единственно возможный траурный финал: не успев даже стать абитуриентом, убитый горем паренек уезжает домой «с душой, израненной осколками своих былых радушных надежд...», но не тут-то было: в Москве хорошо знали о тяжелых условиях, в которых прошло дореволюционное детство и отрочество молодых рабочих и крестьян. И отнюдь не переоценивали уровень их образования. И я думаю, что здесь тоже был проявлен наиболее разумный подход: главное - способности человека, а образование - дело наживное, были бы желание учиться и голова на плечах. И действительно, способному юноше вполне хватило всего одного года, чтобы на подготовительных курсах института одолеть все премудрости полного среднего образования. А уже в следующем, 1930-м, году он получил заветный студенческий билет Инфизкульты. И недаром пословица утверждает, что нет худа без добра: годичная задержка с поступлением в институт позволила Школьникову попасть в самую первую группу оцепковского набора вместе с Николаем Галковским, Валентином Сидоровым и другими «первопроходцами», верными после-

дователями учителя, так много сделавшими для становления нового вида борьбы.

И хотя Роман уже имел неплохую подготовку в нескольких видах спорта, интерес к новому у нас и увлекательному единоборству решительно перевесил все прежние симпатии.

Супруга Романа Александровича, Зинаида Семеновна, в письме ко мне объясняла: «Первое знакомство с этим видом спорта состоялось в 1928 году на Первой рабочей спартакиаде в Москве. В парке имени Горького были показательные выступления под руководством В.С. Ощепкова. Эта борьба настолько захватила его, что стала смыслом всей его жизни».

Это важное сообщение косвенно подтвердил и сам Школьников в книге «Борьба вольного стиля»: «...Уже в 1928 году «Дзю-до» включается в показательную часть I Всесоюзной спартакиады РККА (были продемонстрированы спортивные приемы и боевой комплекс приемов)». Автор, понятно, никак не мог назвать в книге фамилию «врага народа» Ощепкова, но даже одно упоминание о советской практике дзюдо требовало немалой смелости при официально обязательной версии «о нашей советской борьбе вольного стиля, которая состоит из приемов национальных видов борьбы народов необъятного Советского Союза».

Сведения эти особенно интересны тем, что теоретически Василий Сергеевич вполне мог присутствовать в спартакиадной Москве. Был он тогда военнотружеником, а параллельно с Всесоюзной Спартакиадой в столице проходила еще Спартакиада Рабоче-Крестьянской Красной Армии. Меня смущает только то, что в парке тогда демонстрировали джиу-джитсу немецкие рабочие - спортсмены, и за давностью лет Школьников мог запутать и перепутать немцев с ощепковцами. Так что здесь потребуется еще тщательное уточнение...¹

С первых же лет Романа отличала не только горячая заинтересованность в приобретении глубоких знаний, но и стремление активно участвовать во всех институтских делах.

Традиционное японское дзюдоги оказалось неподходящим для создававшегося Ощепковым нового вида борьбы в одежде, и в 1932 году был объявлен конкурс на создание более целесообразной спортив-

ной формы. Совет тренеров института признал лучшим комплект спортивного костюма, предложенный Школьниковым: куртка - «спортивный халат специального покроя» и легкие ботиночки - борцовки с предохранительными накладками на лодыжке и основании большого пальца. Именно этот комплект и был утвержден Советом для использования.

Учась еще только на втором курсе, Роман уверенно берется и за преподавательскую деятельность. Вероятно, не без рекомендации Василия Сергеевича начинает работать инструктором физкультуры в Центральном Доме Красной Армии.

«Всю свою жизнь Роман Александрович ценил и благодарил своего учителя В.С. Ощепкова за ту школу мастерства, за знания, которые получил», - это тоже из письма Зинаиды Сергеевны. А благодарить было за что: Роман, как и его коллеги из первой плеяды учеников Василия Сергеевича, получил отличное профессиональное образование и был вполне готов к активной и продуктивной работе. А работы этой был в буквальном смысле непочатый край...

Успешно окончив в 1934 году Инфизкульт, Роман в качестве «молодого специалиста был распределен» в Харьков для работы преподавателем на кафедре защиты и нападения ГИФКУ - Государственного института физкультуры Украины. А, кроме того, еще преподавателем кафедры лыжного спорта. Лыжником он тоже был отличным, продолжал успешно участвовать в соревнованиях по лыжным гонкам, стал пятикратным чемпионом Украины по прыжкам на лыжах и четырехкратным - по слалому. Входил в сборную республики по баскетболу. Но при всем этом спортивном универсализме, главной для него, безусловно, являлась борьба в одежде.

На Украине тогда культивировали только «французскую борьбу». Об ощепковском «дзю-до», если кто-то и знал, то только лишь понаслышке. Так что Школьников оказался первым и единственным специалистом на всю большую республику! Все, решительно все нужно было делать самому и начинать «с абсолютного нуля». Здесь, пожалуй, у кого хочешь опустились бы руки, но только не у такого горячего энтузиаста, как Роман. Он бросился в эту огромную и труднейшую работу, словно в борцовскую схватку на ко-

¹ Уже после набора этой книги удалось установить, что Школьников не обманула память. Ощепков действительно уже в 1928 году в здании Центрального Дома Красной Армии демонстрировал свои боевые и спортивные приемы, после чего и был переведен в Москву инспектором физподготовки армии А. Кальпусом для работы над руководством по рукопашному бою.

вре. Здесь ему очень помогло одобрительное отношение спортивной администрации ко всем его, даже самым смелым, начинаниям. А тот, не ограничиваясь только институтским контингентом, всячески стремился расширить свою «аудиторию». Кроме преподавания основного курса борьбы студентам стационара, молодой преподаватель организовал при институте сначала трехмесячные, а затем и шестимесячные курсы инструкторов, на которых, естественно, преподавал сам. И сам же, по примеру Ощепкова, писал для курсантов и студентов конспективно краткие методические пособия, учебные планы, программы, создавал плакаты, иллюстрирующие технику борьбы. А со временем добился даже открытия Высшей школы тренеров своего профиля. Выпускники института, курсов и высшей школы разъезжались по всей Украине, и ни одна из союзных республик не могла сравниться с ней по количеству городов, где существовали секции борьбы в одежде. Не только в столичном Харькове и бывшем столичном Киеве, но еще в Донецке, Днепропетровске, Запорожье, Ворошиловграде, Каменец-Подольске и других украинских городах в «спортивных халатах» и борцовках конструкции Школьниково выходили на ковер его ученики и ученики его учеников - его «спортивные внуки».

Появились у Романа ученики и среди стражей порядка: в 1936-1937 годах он преподавал боевой раздел еще и в Харьковской школе милиции...

Выпуская «в мир» своих воспитанников с институтским дипломом в кармане, Василий Сергеевич вовсе не порывал с ними связи. Считал своим долгом довести до полных кондиций, хотя уже и дипломированного, но еще не получившего достаточного опыта преподавателя. Обязательно навещался к ним на занятия, помогал советом, поправлял ошибки и даже сам проводил показательные уроки. В пределах Москвы это было, конечно, проще. Но, как говорится, для друга и семь верст - не околица. И Василий Сергеевич не ленился приезжать в Харьков к Школьникову. Читал лекции, проводил столь ценные, не только для учащихся, но и для молодого преподавателя показательные уроки, на которых в зале яблоку упасть было некуда. Сверх того, проверяя подготовленность учеников, считал необходимым «поработать» с каждым из них на ковре. Разувался, снимая свои неизменные краги, и заранее предупреждал, каким именно приемом он бросит на ковер своего очередного «соперника». Просил быть очень внимательным и всячески противодействовать за-

планированной атаке. Но как ни старались студенты, как ни исхитрялись избежать зарнее известного нападения, каждый, все-таки, летел вверх тормашками на ковер. А Ощепков тут же немедленно объяснял допущенные партнером ошибки...

На втором году своей харьковской жизни Роман стал семейным человеком. Красавицу первокурсницу Зину не заметить было очень трудно. Но прошло немало времени, прежде чем такой решительный во всех делах, он набрался смелости познакомиться с девушкой.

Коньки тогда были любимым развлечением, а каток - обычным местом знакомства молодежи - почти как нынешние дискотеки. Там молодой преподаватель и набрался смелости познакомиться со своей избранницей, а еще через год они поженились. Зинаида стала не только любящей женой, но и верным другом на всю жизнь, надежным помощником Романа во всех многочисленных трудах. Стоит отметить, что именно она в паре с супругом демонстрировала приемы при съемке фотоиллюстраций для его книги. И это вовсе не было искусственным позированием. Как студентка института физкультуры она в обязательном порядке изучала борьбу в одежде и боевые приемы. Рукопашным боем владела так хорошо, что даже обучала ему во время войны женские группы в только что открывшемся Киевском институте физкультуры.

Хотя в последние годы жизни здоровье Романа Александровича сильно пошатнулось, он нипочем не соглашался отойти от

Супружеский тандем на съемке фотоиллюстраций к книге Романа Александровича

работы, которая являлась смыслом всей его жизни, его судьбой. И всякий раз при выездах на иногородние состязания Зинаида Семеновна сопровождала его. И не только из-за понятных опасений за здоровье любимого мужа, но и по строгому предписанию лечащего врача, который знал, что Зинаида Семеновна при необходимости всегда сможет вполне профессионально оказать первую доврачебную помощь...

Но все эти невеселые заботы придут много-много лет спустя, а тогда их неистово радовало счастье семейной жизни и любимая успешная работа.

Зинаида, окончив институт, стала аспиранткой на кафедре спортивных игр. А Роман ни в чем не желал отставать от своих коллег из центра, и когда те провели самый первый междугородный матч Москва-Ленинград, тут же договорился со своими киевскими коллегами об устройстве такой же встречи.

Щедры посев приносил обильные добрые всходы. Уже состоялись первенства Харькова и Киева. А затем воспитанников Школьников «проверили на прочность» первые же крупные состязания турнира пяти наиболее продвинутых в этом виде борьбы городов: Москвы, Ленинграда, Киева, Саратова и Баку в ноябре 1938 года. И украинцы не ударили в грязь лицом. Диплом победителя в тяжелом весе привез домой из Баку спортсмен-универсал - легкоатлет, штангист и борец Александр Конаки. Вице-чемпионом в полутяжелом стал Зайцев. А в легком и среднем весах на третье место вышли, соответственно, Цюпа и Зарубин, сумевший, кроме всего прочего, одолеть известного «играющего тренера» и чемпиона Москвы Анатолия Харлампиева. В командном зачете питомцы Романа прочно на несколько лет вперед абонировали за собой почетное третье место, сразу после Москвы и Ленинграда. На следующий год, теперь уже в турнире не пяти, а шести городов: Москвы, Ленинграда, Киева, Саратова, Ростова-на-Дону и Ашхабада, киевляне завоевали уже не одно, а два первых места. В тяжелом весе сильнейшим стал И. Штекель, а в полутяжелом - Керменов. При этом пресса особо отметила то сильнейшее сопротивление, которое сумела оказать команда Школьников признанным ленинградским мастерам.

В том же 1939 году, наконец, состоялось первое первенство Советского Союза, в котором украинцы тоже не остались без чемпионского жетона. Его вручили ученику Романа из украинского инфизкульта К. Накельскому. А вице-чемпионами стали еще один

инфизкультовец «тяж» Ф. Бездоля и два киевлянина: Керимов и динамовец Г. Баев.

Не прервал доброй традиции и последний предвоенный чемпионат 1940 года. Баев, не успокоившись на достигнутом, на этот раз перебрался со второго на первое, чемпионское место в своем полулегком весе. А вот Бездоле не повезло: со своего второго он опустился на третье. Третьим стал и киевский средневес Г. Воронин.

Стоит отметить, что еще в 1939 году, когда в ленинградском клубе «Красная звезда» прозвучал гонг первого Всесоюзного чемпионата, Школьников, не желая отставать от центра, тоже организовал первое всеукраинское первенство. И это был самый первый чемпионат из всех союзных республик СССР. В таком же «гордом республиканском одиночестве» прошло и второе украинское первенство. Причем участвовать в этих состязаниях для себя Роман не считал возможным. Как и его учитель Ощепков, никогда не выступавший на соревнованиях, Школьников расценивал некорректным соперничество со своими заведомо менее искусными учениками.

У Школьников и его украинских учеников и сподвижников работа шла неплохо. Но в целом по стране арест Ощепкова как якобы японского шпиона, нанес большой урон развитию нового вида борьбы, серьезно затормозил его. Кое-кто из специалистов поспешил перейти на другую, не столь опасную работу. Это был зловещий 1937 год. «Вражески-японское» происхождение и даже само «уличающее» название - «дзюдо» несло серьезнейшую угрозу тем, кто, общаясь со «шпионом», занимался этой борьбой в одежде. И особенно тем, кто в Спорткомитете, «проявляя политическую слепоту», культивировал этот «чуждый нам вид спорта». «Комитетчики», разумеется, немедленно провели крикливо громкий митинг, калялись в ошибках, отмежевываясь от «врага народа», и яростно требовали беспощадно карать смертью «всех презренных изменников Родины!» А в Московском инфизкульте был издан приказ об исключении из учебной программы «борьбы вольного стиля дзюдо» и увольнении ее преподавателей. Однако в верхах, и я думаю, даже не в спортивных, а значительно повыше, закрывать столь необходимую военно-прикладную спортивную дисциплину, разумеется, запретили. Занятия продолжались. А чтобы откреститься от «вредоносной японщины», на «Всесоюзной организационно-научно-методической конференции по борьбе вольного стиля (Дзю-до)» (!!!) было решено, что никакого

дзюдо у нас нет и вообще не было. А есть только «наша советская борьба вольного стиля»! Ее замечательную сущность и тайну подозрительно скоропалительного рождения очень доходчиво разъяснил назначенный основным докладчиком А.А. Харлампиев: «Только в нашей Советской стране, руководимой коммунистической партией, которая идет под знаменем Ленина-Сталина, только в Сталинскую эпоху, согретыми Сталинской заботой о человеке, народы необъятного Советского Союза Республик сумели создать этот прекрасный вид спорта - «Советскую борьбу вольного стиля»!»

Сразу же вслед за московским - Всесоюзным - Школьникову «предложили» провести аналогичный Всеукраинский сбор. Ставшее смертельно опасным японское название борьбы рьяно «выкорчевывалось» по всей стране. Однако харьковчанам, в отличие от их столичных коллег, удалось обойтись без трусоватого цинизма, когда на дзюдоистской конференции слово «дзюдо» не было даже произнесено. Роман не побоялся вспомнить о дзюдо, а вскоре повторил то же самое и на страницах своей книги. Конечно, и ему пришлось лгать «во спасение», но я не стал бы обвинять его, вспоминая апостола, трижды за ночь отрекшегося от своего Учителя. Такие теоретические высокие образцы непреклонной принципиальности я оставляю на долю молодых независимо-продажных журналюг из конюшни Гусинского, Березовского и иже с ними. Что же касается меня, то я слишком четко представляю те годы и смертельную альтернативу, стоявшую перед Романом...

А для незнающих я специально процитирую всего лишь один, но весьма «доходчивый» абзац из журнала «Физкультура и спорт» тех лет: «Что такое дзю-до? Родина воинствующего фашизма, страна реакции, террора и интервенций Япония имеет систему физического воспитания, предназначенную исполнять классовые заказы японских империалистов. Эта система носит название дзю-до».

Когда же доходчиво-внушительные разъяснения спортсменам об «истинном» происхождении борьбы в одежде были завершены, Спорткомитет 16 ноября 1938 года издал приказ «О развитии борьбы вольного стиля». Эта дата и стала считаться днем рождения нынешней борьбы самбо.

Но хотя борьба в одежде и обрела теперь беспорочную истинно советскую биографию и абсолютно чистую анкету, столь необходимого капитального учебного пособия она еще не имела. Василию Сергеевичу,

который создавал пособие, закончить работу не дали. Его ученики, на плечи которых легла не только угроза ареста, но все заботы о сохранении и развитии любимого вида спорта, выпускали различные наглядные пособия: фототаблицы, плакаты. Делал это и Роман, но понимал, что так проблемы не решить. Вот тогда-то он и начал работу над своей книгой, в которой предполагал изложить ценное ощепковское наследие и еще - уже накопившийся собственный опыт преподавания.

Заменивший Ощепкова в московском институте физкультуры Н.М. Галковский тоже написал книгу, которую начал словами: «Настоящее пособие является первой попыткой освещения техники и методики нового для нас вида спорта - вольной борьбы». В предвоенном справочнике по борьбе известный специалист Б.М. Чесноков тоже сообщил о выходе в свет книги Н.М. Галковского: «Первое печатное пособие по технике и методике вольной борьбы. Москва, 1940 г.» Здесь, однако, и автор, и старейший спортивный журналист допустили невольную ошибку. Первое пособие действительно вышло в свет, но не в Москве, а в Харькове, и автором его был не Галковский, а Школьников. И хотя в этом изрядно запутанном вопросе все еще не успели толком разобраться, приоритет на самом деле принадлежал отнюдь не знаменитому столичному издательству «Физкультура и спорт», а довольно скромному Украинскому научно-исследовательскому институту физической культуры.

Книга Школьниковой имела одну небольшую, но примечательную деталь: на обложке год выхода в свет значится 1939-й, а на титульном листе - 1940-й. И это достаточно ясно показывает, что выпуск пособия был задержан, как минимум, на целый год. Причину задержки нетрудно определить, ознакомившись с первой же главой «Что такое борьба вольного стиля». Там автор прямо говорит, что все началось с ощепковского дзю-до. Подробно повествует о его курсах инструкторов во Владивостоке и Новосибирске, о московских секциях в Инфизкульте, Центральном Доме Красной Армии, Центральной высшей школе милиции и других организациях. Вспоминает о целом ряде открытых состязаний, начавшихся еще в 1932 году.

Разумеется, во всех этих «крамольных» абзацах фамилия Ощепкова была затем торпливо вычеркнута. В некоторых местах текста можно заметить, что кое-где даже само вынужденное отсутствие слова «дзю-до» придавало фразе бессмысленный характер: «...Борьба вольного стиля и многообразие ее

техники, сложившаяся из наиболее ценных элементов борьбы (Какой? Здесь же явно слишком поспешно вычеркнуто «дзю-до»! - М.Л.), вмещает в себя все лучшие приемы из других (подчеркнуто мной - М.Л.) видов борьбы, встречающихся у различных национальностей нашего необъятного Союза». Судя по всему, Роман писал свою книгу еще до того, как смутные слухи об аресте учителя успели достигнуть периферии. И начиная работу, он не видел ничего предосудительного, а уж тем более опасного в ощепковском названии - «борьба вольного стиля дзю-до». И даже на обложке поместил эффектное фото из переводной книги по японской системе (А. Харлампиев сразу подметил эту компрометирующую деталь и специально зафиксировал в критических пометках на своем экземпляре пособия Школьников, которым, несомненно, пользовался, когда десять лет спустя писал свою первую книгу).

Для учеников «врага народа», особенно для тех, кто рисковал публиковаться, настали тревожные и рискованные времена. И хотя Роман стал одним всего лишь из трёх авторов, осмелившихся сказать правду об ощепковском наследии (еще Н.М. Галковский и В.П. Волков), ему пришлось очень и очень старательно «отмываться» и отмежевываться от этого опасного наследия. Довольно неуклюже и бездоказательно хаять дзюдо и восхвалять неизвестно откуда, внезапно, как по волшебству, появившуюся в нужный момент «новую» борьбу: «Нередко в практике смешивают борьбу вольного сти-

ля с системами «Дзю-до» и «Джиу-Джитсу». Борьба вольного стиля с комплексом приемов «Джиу-Джитсу» по сути своей ничего общего не имеет, и лишь некоторые приемы имеют внешнее сходство... Система «Дзю-до»... не могла удовлетворить полностью требования масс и, особенно, молодежи... В противовес развивается новая система борьбы - борьба вольного стиля, которая в значительной степени состоит из приемов национальных видов борьбы».

В чем конкретно состояли требования «неудовлетворенных масс», и чем именно превосходила «новая система» уже хорошо укоренившуюся в стране ощепковскую борьбу в одежде, об этом, конечно же, не было сказано ни слова. Ведь сказать-то было абсолютно нечего. Да и незачем, не было в этом никакой необходимости: неудовлетворены, и точка! И пусть попробовал бы кто-нибудь в этом усомниться!!!

Переработка Романом своего пособия в насущно необходимом антидзюдоистском, а в сущности, антиощепковском стиле, и стала причиной задержки выхода ее в свет. Но даже при этом условии первой оказалась именно она, а не работа Галковского. Совсем ненамного, но харьковчанин все-таки опередил москвича. Рукопись книги Школьников была сдана в набор еще в марте, а подписана к печати еще в сентябре 1939 года, а Галковского, соответственно, только в августе и сентябре 1940-го года. Да и сами названия книг убедительно подтверждают то же самое: Роман использует самый первый результат опасно идеологи-

ческого переименования ошепковского де-тища - «Борьба вольного стиля», а Галковский - уже более поздний, второй вариант - «Вольная борьба».

Номинально книга Школьниковой подносилась «как чисто спортивное пособие для преподавателей и тренеров», но фактически вся описанная в ней техника представляет тот раздел ошепковской системы, который именовался «бой невооруженного с невооруженным». Так, среди прочих, упоминаются освобождения от захвата за горло, запрещенного в спортивной борьбе; объясняется, как усилить действие спортивного броска, превратив его в боевой и др.

Сам автор неоднократно подчеркивает боевую ценность «борьбы вольного стиля» и с первых же страниц говорит об этом: «...Этот вид борьбы имеет огромное и прикладное значение, так как вырабатывает у занимающегося качества, особенно необходимые при столкновении в рукопашном бою... занимает почетное место в подготовке бойца Рабоче-Крестьянской Красной Армии и Военно-Морского Флота. Физкультурник, в совершенстве владеющий техникой приемов борьбы вольного стиля, сможет не только отразить нападение противника, вооруженного или невооруженного, но и добиться окончательной победы в рукопашной схватке. В условиях грядущих войн активную роль в боях будут играть не только мужчины, но и женщины, и система борьбы вольного стиля, как один из видов защиты и нападения, поможет в нужный момент в деле активной самообороны».

По своей форме книга отвечает той структуре, которая использовалась в учебниках для институтов физической культуры: краткая историческая справка, техника, методика обучения, тренировка, помещение для занятий и инвентарь, организация и проведение соревнований.

Говоря о дистанциях и различных положениях при борьбе в стойке, автор подразделяет броски на две группы: связанные с падением проводящего прием и не связанные. Классифицируя действия в партере, он исходит из взаиморасположения борцов. Относительно приемов указано, что из-за небольшого объема книги (105 страниц) пришлось ограничиться «лишь имеющими наиболее практически-спортивное значение».

В пособии приведены 27 различных бросков, как правило, из ошепковского «репертуара» (подножки, подсечки, отхваты, подбивы, бедровые и др.). Точно так же, как удержание и 15 болевых приемов в партере. Кроме того, 10 комбинаций (связок) с перехо-

дом из партера в стойку или наоборот. При описании приемов Роман использует также ошепковскую схему, давая не атакующий, а контратакующий их вариант. Но если такой способ был оправдан и уместен в конспекте Василия Сергеевича по самозащите в рамках норм ГТО-II, то в учебном пособии он представляется не самым удачным.

Точно так же разработана терминология, которая еще не успела «устояться» и унифицироваться. Что же касается самих приемов, то почти все они и сегодня живут на самбистском ковре, если даже и с некоторыми дополнениями полезными деталями. Впрочем, как и в любом первом опыте, в книге были неизбежные неудачи.

Но значительной удачей Школьниковой стало предложенное им большое количество упражнений по общей и специальной физической подготовке. Здесь он отнюдь не ограничился только тем, что узнал от своего учителя, но пошел значительно дальше по указанной им дороге. Большинство упражнений было заимствовано из других видов спорта: «Упражнения с соупражняющимися» - так не очень складно он назвал различные действия двух партнеров, которые оказывали силовое сопротивление действиям друг друга как с помощью простейших снарядов (палки, каната, веревки), так и без них. Одних только упражнений с боксерской скакалкой предлагалось целых семь. Различные варианты лазания: сначала по одному канату или шесту, а затем по двум одновременно и с отягощением. Работа с борцовским мешком с ручками или резиновым чучелом. «Индийский бокс», сидя и стоя на буме, гантели до пяти килограммов, медицинбол, эспандер, теннисный мяч для различных сжиманий кистью...

В смысле полиграфии книга не отличалась высоким качеством: недостаточная четкость фотоиллюстраций мешала их восприятию. Сравнивая работы Школьниковой и Галковского в этом отношении, можно сказать, что москвич выигрывал не только в качестве, но и в количестве. Трехтысячному тиражу, отлично сработанному всесоюзным издательством «Физкультура и спорт», харьковчанин мог противопоставить всего-навсего 750 экземпляров своего скромного издания (из которых сегодня сохранилось всего две книжки)...

Раннее утро воскресного дня двадцать второго июня сорок первого, начавшееся яростной немецкой бомбежкой, отменило все далеко идущие мирные планы. Как пелось потом в известной фронтовой песне: «Киев бомбили, нам объявили, что началась

война...». И уже на четвертый ее день младший лейтенант запаса Школьников встал в военный строй защитников Родины. Великая Отечественная стала для него уже третьей войной. Фронтовой опыт он получил, участвуя в освобождении западных областей Украины и Белоруссии, захваченных поляками еще двадцать лет назад, а сразу же после этого - «Зимняя война» с Финляндией в 1939-1940 годах, стоившая нам такой большой крови...

Что значило тогда, летом 41-го, быть командиром пехотного взвода, поймут только те, совсем немногие, ветераны, которым посчастливилось остаться живыми в смертельной катастрофе первых месяцев войны. Те, кто все еще оставался в живых, вставая на место ушедших в братские могилы товарищей. И Роман командовал уже не взводом, а пехотной ротой. А в его командирских петлицах вместо одного появилось уже три «кубара» - маленьких квадратиков красной эмали, которые исполняли роль современных погонных звездочек. Последними для него стали трагически неравные бои за прекрасный город Киев. Идиотски истеричное упрямство перетрусившего и невежественного в военном деле Сталина, который категорически запретил военачальникам отвести войска на выгодные позиции, обрекло тогда на гибель целую армию...

Роман Александрович никогда не бравировал своим фронтовым прошлым и не рассказывал о нем, предпочитал говорить о своих боевых товарищах. Но о тех яростных боях, неизбежно доходивших до рукопашной, легко можно догадаться по тому, что поведал он украинскому журналисту о своем земляке и однополчанине, чемпионе СССР по французской борьбе: «На фронте мне довелось видеть много замечательных героев. И первым из них был наш Ваня Михайловский. Если он находился рядом, на сердце было спокойно. Даже среди нас - спортсменов не было равных ему в рукопашном бою. Гитлеровцы кричали в панике: «Гросс Иван!» («Большой Иван!») и бежали от него, как от танка...».

В жестоком ночном бою под Киевом Михайловского срезала автоматная очередь в тот момент, когда он поднялся и, бросив гранату, подавил вражеский пулемет. А Роману тогда повезло. Если, конечно, можно считать везением полученное им тяжелое ранение. Но главное, его успели эвакуировать в тыловую госпиталь еще до того, как немцы замкнули железное кольцо окружения вокруг остатков героической киевской армии...

Так и не долечив раненую ногу, которая все еще не полностью разгibasь и заставляла хромать, Роман снова оказался в

строю. На этот раз на Северном Кавказе, где шли кровавые бои с рвавшейся к нефтяным районам армией знаменитого генерала Гудериана. Там Школьников выполнял задание по доставке боеприпасов фронту по тяжелой дороге через перевал Бичо. Дороге, над которой день и ночь неизменно «висели» мессеры.

В 1943-м году уже явственно обозначился перелом в войне. По мере освобождения оккупированных земель от гитлеровцев там сразу же начиналась восстановительная работа во всех отраслях. В том числе и в области физической культуры, которая выполняла тогда существенную роль в военной подготовке. Из опытных профессионалов, отозванных из армии, формировались бригады специалистов и направлялись для восстановительной работы в освобожденные районы. Школьников назначили в одну из таких бригад. Из Харькова, который несколько раз переходил из рук в руки и оказался полностью разрушен, украинский институт физкультуры был переведен в столичный Киев. Вот там Роман и окупился с головой в свою горячо любимую преподавательско-тренировочную работу. Былых благоприятных условий не было и в помине. Огромные трудности и в работе, и в быту вставали на каждом шагу, но радость все более нараставших успехов на фронте помогала преодолевать любые преграды. И как в предвоенные годы он, несмотря ни на что, трудился с полной отдачей сил. Едва ли кто-нибудь из современной молодежи может представить невообразимо тяжкую военную обстановку, в которой были вынуждены выполнять эту работу. Трудиться приходилось при невероятно скудном обеспечении самым необходимым, начиная с питания и одежды. Не говоря уже о спортзалах, учебных пособиях и спортивном инвентаре.

На плечи опытного специалиста легли не только преподавательские, но еще и обширные организационные заботы. Все нужно было начинать заново, постоянно побеждая послевоенную разруху. В 1946 году уже удалось провести первый послевоенный чемпионат Украины, главным судьей на котором был, конечно, Школьников.

Упорными упражнениями Роман сумел вернуть прежнюю подвижность суставу раненой ноги и теперь не только мог полностью показать любой прием ученикам, но постепенно и сам начал участвовать в соревнованиях. Теперь можно было отказаться от довоенного правила не состязаться со своими, заведомо менее опытными учениками. В восстановленных спортзалах вырос-

тали новые мастера, воспитанные новыми тренерами. И они уже не нуждались в былой форе. Роман выступал в легчайшем и полулегком весах. Вполне закономерно ветеран стал многократным чемпионом Украины и Центрального совета спортобщества «Спартак». Свою последнюю золотую медаль на республиканском первенстве он получил, когда ему уже стукнуло сорок лет. Но это вовсе не значило, что он перестал быть «играющим тренером». Свою самбистскую куртку он «повесил на гвоздь» только в пятьдесят два года. Но активности в своей тренерской и руководящей общественной работе снижать не собирался. Высококвалифицированный специалист с богатым многолетним опытом, он являлся бессменным тренером сборной команды Украины и долгое время входил в состав тренеров сборной Советского Союза. Судья все-союзной категории, председатель киевской федерации и тренерского совета по самбо - на все у него хватало времени. И я просто не берусь перечислять все его бесчисленные самбистские заботы.

Еще с довоенных лет мечтой Романа была организация женского самбо. И в восьмидесятых годах он все-таки повез в Москву на состязания свою девичью команду спортшколы «Локомотив». К нему, тренеру высшей категории, приходили все новые поколения учеников, и он приводил их к спортивным высотам.

«Человек жил и не знал покоя...», - эти слова Зинаиды Семеновны очень точно определяют характер ее покойного мужа. Однако здесь только лишь лицевая сторона биографии Романа Александровича. Суще-

ствовала еще и другая - теневая и не очень приглядная.

Я снова цитирую письмо Зинаиды Семеновны: «Да, трудностей ненужных у нас хватало... Коснусь вопроса справедливости. Вы его затронули. Конечно, это больной вопрос, но приходится все это отнести к тому времени, когда у нас большое внимание уделяли национальности человека. Ну, а раз у него в анкете «неподходящий» пятый пункт, то можно и попридержаться, что и было сделано украинским руководством по отношению к Роману Александровичу. Больше всего это касается присвоения ему звания «Заслуженный тренер УССР»... Вот такая была справедливость. Но он и это пережил и еще много, много чего...».

Да, были действительно такие вот подлые гримасы лицемерного сталинского государственного антисемитизма, которые давали о себе знать и после смерти «гениального вождя и лучшего друга всех народов». Школьников давным-давно выполнил требования, необходимые для присвоения ему звания «Заслуженный тренер Украины», а ему, вместо этого, «торжественно» вручали почетные грамоты и дипломы...

Роман выходил
соперничать не только
на самбистский ковер

Чемпионат 1976 года.
Судья на ковре -
Р.А. Школьников

Ветерана награждают
на праздновании
40-летнего юбилея
борьбы самбо. Дворец
спорта «Крылья
Советов». 1978 год

О том, как удалось поставить точку во всей этой недостойной игре, мне рассказал лучший ученик Романа Александровича Николай Казницкий. На V Спартакиаде народов СССР в 1971 году украинская команда, подготовленная бессменным тренером Школьниковым, завоевала первое место, а Николай прибавил к своим богатым спортивным титулам еще одно звание чемпиона страны и V Спартакиады в легчайшем весе. Вот тогда-то, в торжественной обстановке Спартакиады он обратился прямо к высокому спортивному руководству с «бестактным» вопросом: почему его учителю до сих пор не присваивают давно заработанное звание заслуженного тренера? И только тогда, сглаживая вышедшую наружу скандальность положения и стремясь не усугублять постыдных обстоятельств, даже не дожидаясь возвращения в Киев, Роману Александровичу прямо в Москве вручили удостоверение Заслуженного тренера Украинской Советской Социалистической Республики...

Школьников сделал для самбо, безусловно, не меньше, чем его московские или ле-

нинградские коллеги. Но я не припоминаю ни одной посвященной ему персональной публикации. В лучшем случае его имя изредка упоминалось в общем перечне фамилий наших старых специалистов. Да, конечно, здесь «работал» пресловутый «пятый пункт», но, пожалуй, еще и заведомо меньшее внимание центральной прессы к «провинциалам». И меня радует, что хотя бы с огромным опозданием, уже после кончины Романа Александровича, я хоть в какой-то мере могу исправить эту оскорбительную несправедливость! Радует, что украинские самбисты не забывают своего основоположника. В трех украинских музеях: Истории Киева, Спортивной славы Украины и музея института физкультуры экспонируются посвященные ему материалы: фотографии, дипломы, Серебряный знак Международной федерации самбо, ордена Отечественной войны, Красной звезды и другие правительственные и спортивные регалии. А с 1988 года проводится международный турнир по самбо памяти старого тренера и славного педагога.

Глава 4

Дуэль поклонников Карпантье

Перед письменным столом комиссара Главной военной школы физического образования трудящихся Павла Никифорова стоял худенький сероглазый паренек и просил зачислить в Школу. Опустив до блеска выбритую голову, комиссар хмуро, исподлобья, смотрел на новичка и говорил: «Нет!» Уж очень смущало худосочное сложение, да неполные семнадцать лет этого похожего на подростка абитуриента. Шел голодный и холодный, военный двадцатый год: выдерживать спортивную нагрузку было непросто даже атлетически сложенным здоровякам...

И случаются же в жизни такие вот полные глубоко скрытого смысла моменты, когда намного лет вперед предрешаются человеческие судьбы!.. Перед прославленным абсолютным чемпионом России, уже давно не имевшим равных на ринге, переминался с ноги на ногу шуплый юнец и, страшно волнуясь, ожидал решения своей судьбы. Но решалась в тот момент не только его судьба, но и судьба самого Никифорова. И кто бы тогда смог поверить, что именно этому застенчивому, хрупкому юноше суждено стать тем соперником, который нанесет грозному чемпиону первое за много лет поражение и поставит точку в конце его славного боевого списка? Но случилось именно так! Звали паренька, уговорившего-таки комиссара, Костя Градополов.

Несказанно счастливый, он надел, наконец, плохонькую, подбитую ветром курсантскую шинель с красными нашивками на груди и остроконечный красноармейский шлем. Костина мечта

исполнилась. Но ее реальное воплощение, как частенько случается в жизни, имело серьезные теневые стороны. Недоучившийся гимназист оказался среди взрослых мужчин. А были это тертые калачики. Иные из них, бывалые солдаты, уже успели «сломать» по две войны: и первую мировую, и гражданскую. Разумеется, они нипочем не желали признать за равного себе этого зеленого юнца. И, конечно, к красивому пареньку, застенчиво красневшему, когда на школьных вечерах к нему подходили девушки, немедленно приклеилось обидное прозвище «Мамочка».

Всяческие розыгрыши и солдатские шуточки посыпались на бедного Костю как из рога изобилия. И далеко не всегда были они безобидны. Все наряды доставались именно ему. Однажды зимой Градополова даже «забыли» сменить с отдаленного поста, и он, чтобы

П.В. Никифоров, К.В. Градополов и автор этой книги. Снято в 1960-х годах во время работы над очерком об этих чемпионах, предназначенном французским читателям. А лет десять спустя, в 1976-м, Константин Васильевич сделал такую надпись: «Дорогому Михаилу Николаевичу на добрую память от ветеранов советского бокса. На фотографии Михаил Николаевич веселый, но в жизни - серьезный исследователь. Один из ветеранов. К. Градополов».

не замерзнуть, жег костер из тех самых дров, которые охранял. Нелегко давались молодому курсанту тяготы военной службы, но самым тяжелым было то, что невыносимой обидой ложилось на юношеское самолюбие. Он, словно д'Артаньян, готов был, хоть со шпагой в руках, доказать этим бывалым здоровякам, что ни в чем не уступит им. Но шел не семнадцатый, а уже двадцатый век, и тащить обидчика к барьеру, увы, было просто невыносимо. Вот тогда-то на выручку Косте и пришел входивший в учебную программу бокс. «Благородное искусство самозащиты» стало той самой «сатисфакцией», которой так жаждала оскорбленная душа юного курсанта. («Наверное, поэтому я и стал боксером», - улыбаясь, сказал как-то мне Константин Васильевич, вспоминая о своей молодости.) Градополов, хотя и уступал своим обидчикам в силе, но намного превосходил в мастерстве. Это весьма заметно обозначилось в обязательных учебных спаррингах. На ринге худенький «Мамочка» безжалостно лупил каждого из этих здоровенных му-

жиков. И очень скоро даже самые жизнерадостные весельчаки и любители розыгрышей совершенно утратили свое бывшее здоровое чувство юмора там, где это касалось Кости.

Главная школа стала настоящим боксерским питомником первых лет советской власти: отсюда вышло первое поколение чемпионов страны и тренеров. Единственным их «сокровищем» были отбитые на Севере у английских оккупантов перчатки. Интервенты собирались воевать со всеми удобствами и не забыли прихватить с собой и этот спортивный инвентарь, который, впрочем, так им и не пригодился, зато верой и правдой послужил советским боксерам вплоть до первенства страны 1926 года.

Всеобщим образцом для подражания являлся тогда стиль Павла Никифорова. Когда он в 1913 году начинал свою боксерскую карьеру, самой яркой фигурой мирового ринга был чемпион Европы Жорж Карпантье. Талантливый француз вполне заслуженно стал спортивным кумиром всего континента. Обладавший блестящей техникой и могучим ударом, он, грозный и стремительный, был на боевом помосте изящен, почти как солист балета. Недаром один из его эффективных приемов так и был назван: «Тур-де-вальс Карпантье».

Неудивительно, что именно «Великолепный Жорж» стал для Павла и его товарищей высоким образцом и заочным учителем. Они перевели его книгу, которая стала их спортивной библией. Хотя не чуждались и приемов иных чемпионов. Так, коронным нокаутирующим ударом левши Никифорова стал «шифт-панч» чемпиона мира Фитцсимонса, который Павел называл «ловушкой».

Гегемонию никифоровской школы серьезно пошатнуло возвращение в Москву побывавшего в немецком плену Аркадия Харлампиева (отца известного самбиста). Еще до войны он учился боксу в Париже и выступал на третьеразрядных рингах Франции, а затем Германии. Однако с обычной у цирковых профессионалов саморекламой утверждал, что, якобы, был чемпионом Европы, сделал ничью с самим чемпио-

Павел Никифоров

ном мира Билли Папке, а сильнейший «тяж» Германии Бретеншнейдер от встречи с ним испуганно отказался. При всем том, опытный тренер, он привез новые технико-тактические формы: еще неизвестный у нас ближний бой. Константина увлекла эта перспективная новинка, и он всеми силами старался овладеть ею.

А еще Харлампиев предложил московским боксерам проводить профессиональные матчи. В боксерскую труппу вошли такие сильнейшие бойцы, как Никифоров, Анкудинов, Фомин. Желая ни в чем не отстать от «настоящих боксеров», Костя, конечно же, примкнул к ним. Однако это профессиональное шоу носило довольно заметный сомнительный, даже «договорной» характер. И восемнадцатилетнего Костю не задумались выставить против мощного и опытного атлета Александра Бессонова, который превосходил его на целых две весовых категории. Тогда и случился единственный в его боевом списке, но тяжелейший нокаут...

Хотя и не слишком спортивная, харлампиевская антреприза пробудила очень большой интерес к мужественному спорту, но, вместе с тем, совершенно неожиданно стала и причиной... его запрета. Спортивные власти, забыв заглянуть в святцы, заодно с профессиональным запретили и любительский бокс. Такое повсеместное запрещение бокса не оставило никаких перспектив на будущее, и слишком практичные, трезво настроенные люди уходили тогда из него в другие, многообещающие области. Бескорыстно влюбленный в бокс Константин не только не искал выгод, но и был готов на любые жертвы ради этой своей высокой любви. И в самые трудные для ринга годы по-прежнему оставался верным ему, связывая с ним все свои жизненные планы.

Продолжали культивировать бокс только там, где он являлся одним из средств профессиональной подготовки: в спортивных кружках армии и в объединившем чекистов, пограничников и милиционеров новорожденном «Пролетарском спортивном обществе Дина-

мо». Именно там с помощью Харлампиева и начал свою тренерскую деятельность выпускник Главной школы. Молодой тренер, которому еще только предстояло утвердить себя на боксерском ринге, ревностно взялся за работу. Набрал вскоре в секцию молодежь. Не жалея времени, тренировал их и добился того, что большинство чемпионских званий в первом советском первенстве досталось его ученикам. Творческая работа Градополова, в конце концов, превратила «Динамо» в признанный боксерский центр страны... Но все это придет впоследствии, через три-четыре года. А пока запрещенный вид спорта влачил довольно жалкое существование.

Спортивная жизнь малочисленных московских боксеров проходила только в тренировках. Состязаний не было, и лишь осенью двадцать третьего года динамовцам удалось организовать «Междугородные состязания», собравшие боксеров-любителей нескольких городов и ставшие фактически первенством страны. Наибольший интерес на состязаниях вызвала встреча Градополова с Михаилом Фоминым. Молодой боксер, как это казалось, неосновательно и бесцеремонно претендовал на то, чтобы войти в элиту советского ринга. Все хорошо помнили его сокрушительное поражение от Бессонова, а Фомин в боксерской табели о рангах стоял еще выше. Над этим признанным нокаутером, чемпионом РСФСР в полутяжелом весе 1922 года, кроме Никифорова (уже ушедшего к этому времени с ринга), смогли одержать победу только известные боксеры - два Алексея: Лебедев и Анкудинов. Фомин не был склонен принимать бой с молодым противником всерьез. Старые боксеры тоже относились к этой встрече откровенно скептически. Право встать вровень с лучшими нужно было еще доказать в бою, а в то, что Градополову это удастся, не верил никто. Кроме него самого, а это было уже совсем немало.

Константин был теперь совсем не тем, каким во встрече с Бессоновым. Сильному и самоуверенному Фомину, опасному только на дальней дистанции,

он уже имел возможность тактически умно противопоставить умелый ближний бой. И после упорнейшей схватки рефери поднял руку не чемпиона РСФСР, а его молодого и несказанно счастливого соперника. Этот памятный поединок стал своего рода рубежом не только в спортивной биографии Константина, но и в истории советского ринга. Еще едва ли осознавая это, Градополов начал создание нового и прогрессивного направления в нашем боксе, которое шло на смену некогда славной, но уже отставшей от времени школе Никифорова.

Однако командные высоты в боксе тогда все еще прочно удерживала старая гвардия, и преимущества нового стиля приходилось доказывать не в теоретических спорах, а в горячих поединках с испытанными мастерами. Утверждение Градополова на ринге в течение почти трех лет проходило в первую очередь под знаком такого соперничества с воспитанниками Никифорова, из которых первым был Фомин.

Восприняв новшества Харлампиева, Градополов отнюдь не стал его бездумным подражателем. Боксерское образование Константина начиналось еще под влиянием стиля того же Никифорова, и он совсем не собирался отказываться от всего полезного, что было создано старой школой. В своей боксерской и педагогической практике Градополов очень удачно соединил искусный бой на дистанции с напористым ближним боем. Такой продуманный отбор лучших достижений «враждующих» стилей создал богатое разнообразие наиболее надежных тактических средств и предопределил будущее развитие всей советской школы бокса.

Вдохновленный первой значительной победой, Константин немедленно бросил вызов самому Никифорову. Однако прославленный абсолютный чемпион России не счел нужным возвращаться на ринг лишь для того, чтобы скрестить перчатки со своим бывшим учеником, добившимся всего только первого успеха. Но если встреча с чемпионом была невозможной, то уже сле-

дующий свой бой Градополов провел против вице-чемпиона РСФСР 1922 года и чемпиона среди профессионалов Анкудинова. Мощный полутяжеловес тщетно пытался подавить и нокаутировать юного средневеса, который начисто переиграл его в технико-тактическом отношении. А впоследствии повторил это еще три раза.

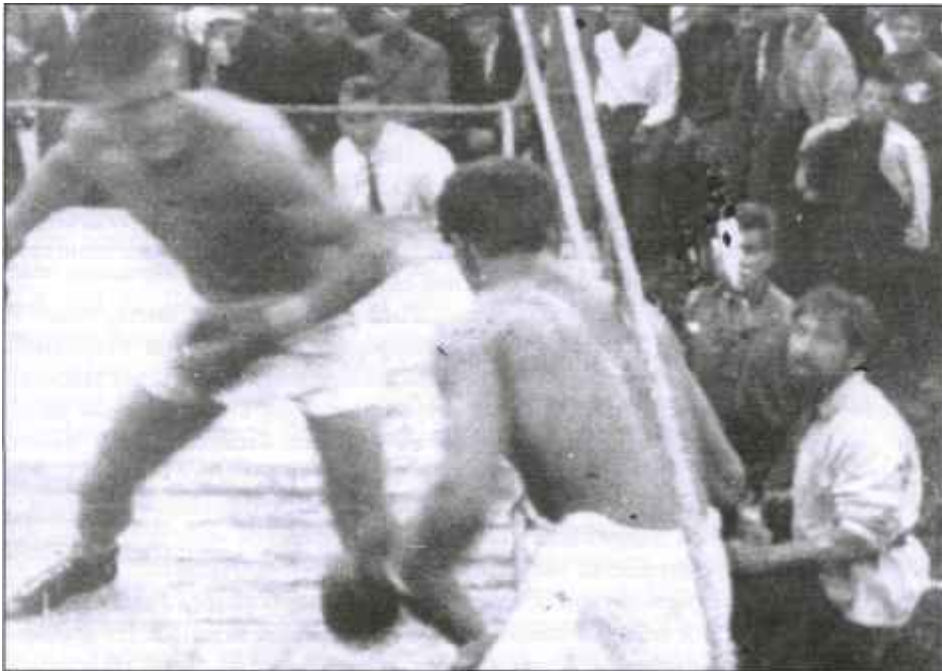
Именно в эти годы Костя, подобно Никифорову, пал жертвой очарования Карпантье, который уже успел завоевать мировую корону в полутяжелом весе.

За какие-то несколько дней билетерам кинотеатра «Колосс» хорошо запомнился стройный сероглазый мужчина с короткой стрижкой «под бокс». Это было неудивительно. Ни мало, ни много, тридцать раз просмотрел Градополов одну и ту же кинопрограмму! Но его привлекала не прелестная Мэри Пикфорд, а пятнадцатиминутная документальная лента о бое Карпантье с «Манасским тигром» Джеком Дэмпси за титул абсолютного чемпиона мира. Она стала для Константина отличным наглядным пособием. Многих боксеров загипнотизировал тогда напористый, агрессивный стиль победителя - Джека Дэмпси. Но Градополов был покорен манерой боя «Великолепного Жоржа».

«Увидев Карпантье, я понял, что иные авторитеты в боксе больше для меня не существуют», - так говорил сам Константин Васильевич, вспоминая свою молодость. Карпантье покорял второе поколение русских боксеров. У него Градополов учился не только технике, но еще и тому, что называют эстетикой ринга.

Константина называли «сделанным боксером», и это было совершенно справедливо. Правда, я бы уточнил: сделавший сам себя. Типичный астеник, он за счет активнейших занятий спортом, и не только боксом, выработал отличную атлетическую фигуру. Его технико-тактическое мастерство получило такого мощного союзника, как сильнейший нокаутирующий удар.

Бокс все еще вел тогда довольно странное полулегальное существование, но даже в условиях крайне редких со-

Поединок
К. Градополова против
К. Никитина. Момент
нокаута. Снято 13
июля 1924 г.
на пустыре за
больницей Св. Ольги
на 1-й Мещанской
улице для журнала
кинохроники
«Культикино». Оператор
Я. Толчан. Справа
внизу - бородатый
боксер Анкудинов,
между боксерами
виден в белой
рукбашке с черным
галстуком боксер Гетье.

стызаний Градополову довелось единоборствовать еще с тремя лучшими последователями Никифорова. И убедительно доказать превосходство над каждым из них. Это были полутяжеловес Иван Петров, средневес Петр Лебедев и полусредневес Константин Никитин, чемпион Предолимпиады 1920 и Междугородных состязаний 1923 годов.

Когда же бокс приобрел, наконец, все права спортивного гражданства, и начались первые международные встречи, Градополову в числе первых и самых лучших было доверено право защищать честь советского спорта за рубежом.

«Перед нами решительный, смелый, быстрый боец-художник. Каждая комбинация, каждый удар вызывают крики восторга всего цирка... Градополов бросается как вихрь. Удары сыплются буквально десятками в секунду... Градополов - любимец публики. Последние бои Градополова буквально поражают. Перед нами сейчас, несомненно, боец мирового класса», - так восторженно комментировала пресса его выступления на ринге.

Чемпион страны, средневес, побеждавший полутяжеловесов и даже «тяжей», он показывал на ринге не только отточенное технико-тактическое мастер-

ство и молниеносный нокаутирующий удар: фанатически влюбленный в бокс, Градополов был настоящим рыцарем боевых перчаток. Его поединки являлись отличным образцом интеллектуально и, если можно так сказать, высоко эстетичного боя. Красивый стиль и громкие победы нокаутом сделали его самым популярным советским боксером двадцатых годов. Известные художники и скульпторы считали за честь увековечить его мужественность и красоту.

Нередко задают вопрос: а какими были они, старые чемпионы, по сравнению с нынешними? Конечно, очень существенно преобразились тактика и техника, уровень физической подготовки, но выросло все это именно на том фундаменте, который с таким трудом закладывали наши славные ветераны. Все сегодняшнее отличное возникло только из того, что было хорошим вчера. Вот как сказал о манере боя Градополова хорошо знавший его заслуженный мастер спорта Яков Браун, его ученик и один из соперников: «Никогда не предпринимал атаку без обеспечения предварительной тщательной разведкой. Избегал обмена ударами и старался не пропустить максимально возможное количество ударов противника. Наносил много ударов по корпусу и прово-

дил в жизнь систему возрастающей по ходу боя атаки. В каждом бою старался навязать противнику свою инициативу и создать рисунок боя по своему замыслу. Отличался предприимчивостью и новаторством во введении новых технических и тактических элементов...» И разве сможет кто-нибудь утверждать, что все эти, более чем семидесятилетней давности, боевые принципы Градополова стали сегодня устаревшими?!

Получив нормальные условия для своего развития, советский бокс пережил настоящий «ренессанс» - период бурного возрождения. Одно за другим проводились различные состязания. Расширялись контакты с рабочими-боксерами зарубежных стран. Весной 1926 года был организован первый чемпионат СССР, на котором ученики Градополо-

ва - В. Руктешель, Ф. Брест, А. Павлов, Я. Браун и В. Езеров получили чемпионские титулы. Для самого Градополова присуждение звания чемпиона в среднем весе имело чисто формальный характер, так как он уже давно фактически являлся таковым. Долгое время Константин не имел равноценных соперников в своем весе и успешно «сражался» с боксерами более тяжелых весовых категорий. Однако в 1926 году такой соперник у него появился. Это был ленинградский чемпион, балтийский моряк Павел Вертков, ученик старого тренера Эрнеста Лустало. Встреча с Вертковым была делом решенным, назначили даже уже день матча. И все-таки вовсе не Вертков стал тогда конкурентом Константина. Ленинградца опередили...

Никем не побежденный, абсолютный чемпион России, прославленный левша Никифоров заявил о своем желании возвратиться на ринг и соперничать с Градополовым. Он уже около года как возобновил тренировку, внимательно присматривался к боевой манере Константина, расспрашивал его бывших противников. Вот так и определилась эта знаменательная дуэль поклонников Карпантье двух разных поколений. И очень долго старые болельщики вспоминали об этом бое, захлебываясь от восторга. Действительно, это была одна из наиболее значительных и интересных схваток за всю историю советского бокса.

Старый цирк, где должна была состояться встреча чемпионов, осаждали густые толпы болельщиков. Одна газета шутила, что, даже имея билет, попасть туда мог только тот, кто получил солидную боксерскую подготовку.

Первые же секунды схватки принесли ту напряженную атмосферу, которая всегда характерна для боя больших мастеров кожаной перчатки. Боксеры настороженно кружили по рингу, подготавливая нападение и выведывая намерения противника. Никифоров, как обычно, стал с самого начала забирать инициативу боя в свои руки. Он умело плел хитрую паутину финтов, то и дело угрожая тяжелыми ударами. Градополо-

К Градополов, 1924 год

лов старался не пойти на поводу у ветерана и вести бой не в заданном, а в своем собственном ритме. Он очень внимательно следил за каждым движением противника, хорошо зная, чего может стоить любой недосмотр в этом бою. И все-таки не смог заметить, когда экс-чемпион начал проводить свою коронную «ловушку», которой заканчивал не один бой. Левый боковой в голову, правый боковой с переходом в правостороннюю стойку и уже из этого удобного положения - левой снизу в незащищенное солнечное сплетение. От резкой боли у Константина непроизвольно дернулась вверх, сгибаясь в колене, правая нога, но он все-таки устоял.

В этом первом успехе Никифорова заключались, в то же время, целых две ошибки: слишком рано ввел он в бой свое главное оружие, а, добившись успеха, не развил его. Во втором раунде он снова попытался провести свою «ловушку», но Градополов был боксером не того класса, против которого можно безнаказанно употребить один и тот же прием. Подметив атаку еще при ее зарождении, Константин «выстрелил» навстречу своим испытанным правым в челюсть. Экс-чемпион рухнул навзничь, будто у него из-под ног выдернули брезент ринга. На шестом счете он, опираясь на руки, начал медленно приподниматься, но так и не встал до заключительного «Аут!»... Тридцатидвухлетний ветеран словно специально вернулся на ринг для того, чтобы из собственных рук передать славу сильнейшего своему выдающемуся ученику и признать полную победу создаваемой тем новой школы.

А всего через неделю Константин провел следующий бой, на этот раз уже со своим ленинградским конкурентом, и одержал над ним первую из своих побед. Но вскоре, отметив в своем боевом списке очередной нокаут, на этот раз на стокгольмском ринге, Градополов закончил свою славную боксерскую карьеру. К этому времени уже началась его работа в кино.

Один из основоположников советского кинематографа Лев Кулешов, уви-

Картина Народного художника СССР, заслуженного деятеля искусств, академика А.А. Дейнеки «Боксер Градополов». Масло, 1927 год

дев Константина на ринге, восхитился его умением «выразительно двигаться». В устах режиссера немое кино это было, бесспорно, наивысшей похвалой. Градополов получил приглашение в студию Кулешова и прошел там отличную актерскую школу. Так, совершенно неожиданно, исполнилась вдруг юношеская мечта известного спортсмена, который когда-то тщетно пытался поступить в театральную студию.

В 1927 году Градополов дебютировал в кино, сыграв главную роль в фильме «Кружева», который даже современным киноведением оценивается как «произведение темпераментное, яркое». «Обаяние Градополова, его актерский такт и скромность как бы растушевывают мощную фигуру молотобойца Петки Веснухина», - такие строки посвящает дебютанту многотомная «История советского кино». Увлеченный кинематографом боксер стал профессиональным актером. В кино точно, так же, как до этого и в боксе, Градополов застал ранний, романтический период становления и неустанных творческих поисков: «великий немой» в те годы еще не научился говорить. Экс-чемпиону довелось сниматься в главных ролях у режиссеров, чьи имена прочно вошли

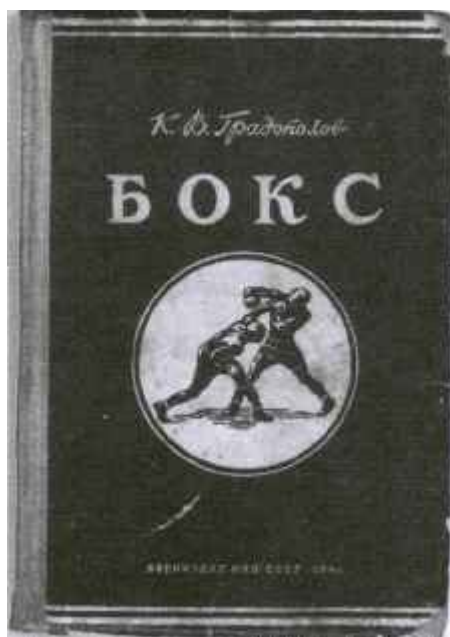
Кадр из фильма «Кружева». Исполнители главных ролей - Градополов и актриса Нина Шатерникова

в историю советского киноискусства: у Сергея Юткевича в «Кружевах», у Ивана Пырьева в «Посторонней женщине», у Алексея Попова в «Крупной неприятности», у Ильи Кравчуновского в «Крыльях и «Завтра ночью». Его партнерами выступали такие замечательные актеры, как Ольга Леонардовна Книппер-Чехова, Николай Черкасов, Борис Тенин, Всеволод Аksenov, Борис Ливанов, Ольга Жизнева, Даниил Сагал, Виталий Доронин.

Нередко считают, что в кино спортсмен непременно играет лишь «спортивные» роли. Но двенадцать раз фамилия Градополова появлялась в титрах исполнителей прежде, чем ему довелось сыграть боксера. Эта тринадцатая была ролью французского чемпиона Европы Анри Ланса. Фильм же «Боксеры» стал единственным сохранившимся кинодокументом, позволяющим хоть в какой-то степени судить о замечательном мастерстве нашего прославленного чемпиона былых лет. Анри «взрывался» фейерверками блестящих серий, а его передвижения по рингу, нырки и уклоны были стремительны и красивы, словно балетные па. Почти так же, как когда-то у самого «Великолепного Жоржа...»

Но и в годы самого сильного увлечения кинематографом Константин не забывал о боксе и не переставал работать тренером. Даже выехав в Ялту на съемки фильма «Граница на замке», одновременно тренировал там Николая Королева к матчу на звание абсолютного чемпиона страны. А в начале тридца-

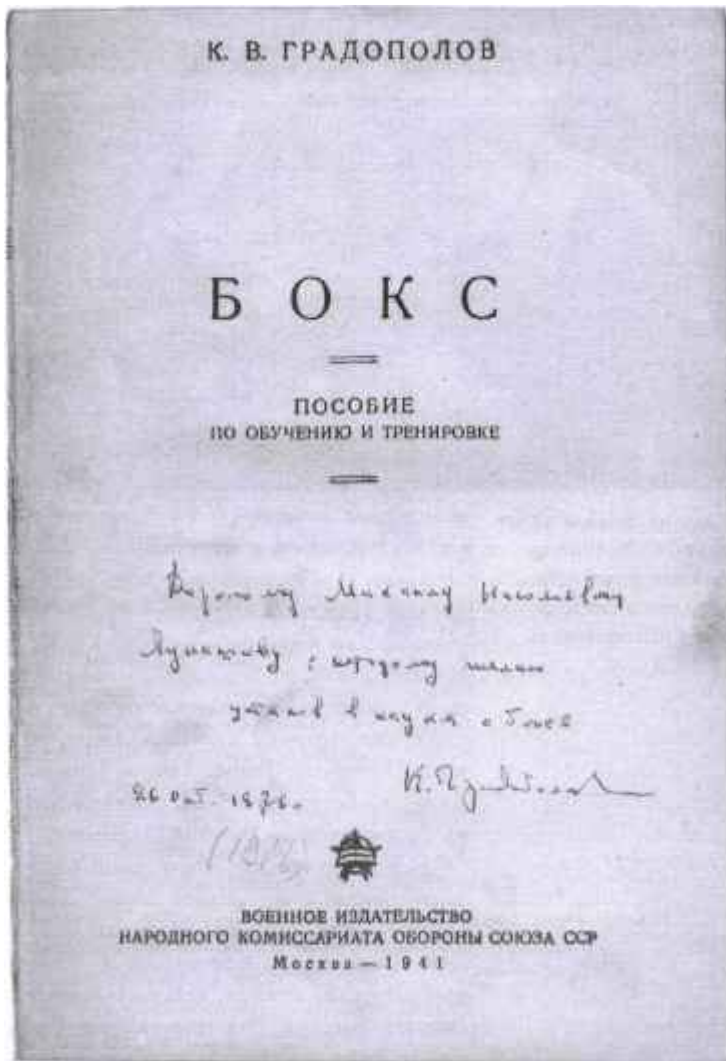
тых годов пришел в Центральный институт физкультуры, где стал работать под руководством своего бывшего тренера А.Г. Харлампиева. После его смерти Градополов начал самостоятельную научную разработку актуальных проблем бокса. В 1938 году издал первый советский учебник бокса, вслед за которым последовала целая библиотека его ценных трудов, переведенных на иностранные языки. Им была защищена первая в стране боксерская диссертация. А, став заведующим кафедрой бокса, ученый успешно руководил ей в течение целых тридцати лет. В свое время он начинал с того, что тренировал боксеров, в том числе и сборную команду СССР, затем стал обучать тренеров и, наконец, перешел к подготовке молодых ученых в области спорта. Когда-то на заре нашего спорта «профессорами бокса» именовали всего-навсего опытных тренеров, обычно иностранных. А Градополову довелось стать первым в мире действительным профессором в своем виде спортивного единоборства. Этому замечательному человеку, Заслуженному мастеру спорта и Заслуженному тренеру СССР удалось совершить целых три незаурядных карьеры: выдающийся чемпион, известный актер кино и ведущий ученый в области спорта...

В середине 1941 года вышла оставшаяся из-за начавшейся войны не очень заметной книга Градополова «Бокс», адресованная армейским спортсменам. В ней была сделана первая за предшествовавшие двадцать лет попытка приспособить приемы бокса для ведения рукопашного боя. По этому поводу, однако, существует и иное мнение, о котором я не могу не сказать. Принадлежит оно харьковчанину Г. Панченко, который, пытаясь выступать в роли историка боевых искусств, выпустил целых шесть скороспелых, повторяющих одна другую книг, являясь составителем и основным их автором. Кроме этих, в большей степени коммерческих, чем исторических, работ, он поспешил «авансом» опубликовать несколько глав из них в минском журнале «Кэмпо», который особенно охотно предоставлял свои страницы для любых антирусских измышлений.

Нельзя не сказать, что, в отличие от множества других авторов, харьковчанину, широко использовавшему чужие публикации без ссылки на них, удалось собрать довольно обширный исходный материал. Но этот, казалось бы, позитивный фактор, как ни странно, работает только во вред, так как внушает априорное доверие незнающему читателю. Дело в том, что широта охвата никак не сочетается у него с глубиной аналитического проникновения. Мешает явный недостаток профессиональной культуры.

Я не хочу думать, что Панченко сознательно обманывает читателей. Просто там, где не хватает и знаний, и умения ими распорядиться, расстилается широчайшее поле для зыбких догадок по принципу «пальцем в небо». Разумеется, любой автор располагает правом и на предположения. Но выдавать их за подлинные факты — это уже ничто иное, как развешивание лапши на доверчиво подставленные уши читателей. А Панченко делает именно это! В очерке, посвященном Н.Н. Ознобишину, я уже рассказал, как подобные беспочвенные «догадки» на проверку оказались позорной клеветой, пачкающей память этого

безвинно репрессированного знатока рукопашного боя.

Сейчас мне снова приходится говорить о подобной панченковской научной «методике». Еще в 1990 году в книге «И были схватки боевые...» я рассказывал о том, что Градополов в самый канун войны разрабатывал в своем пособии «Бокс» способы использования этого единоборства в подготовке к военному рукопашному бою (с. 110-111). Семь лет назад я снова мимоходом упомянул об этом («БИП», N 3/1996, с. 34). В числе многого прочего, Панченко использовал и эти мои подсказки. С их помощью вышел на указанную малоизвестную книгу Константина Васильевича и начал делать свои традиционные, уж слишком далеко идущие выводы: раз

Харлампиев являлся учителем Градополова в спортивном боксе, значит, и мысль об использовании такового в рукопашном бою исходила именно от него, а ученик просто продолжил эту работу. И вот уже готово очередное фантастическое «открытие»: «Оставшиеся ему немногие годы жизни Харлампиев посвятил, наряду с совершенствованием бокса спортивного, разработке бокса боевого»¹.

Разумеется, Панченко, как обычно, предпочитает не указывать, откуда почерпнул эти «ценные» сведения, да и не может этого сделать. Потому что ни в одной из публикаций Харлампиева, как отпечатанной типографским способом, так и «раскатанной» в Инфизкульте на ротаторе, нет об этом ни слова.

Много лет занимаясь историей отечественного бокса, я имел частые беседы как с сыном Аркадия Георгиевича - Анатолием Аркадьевичем, так и с его учениками - Градополовым, Королевым, Чудиновым и рядом других. В подробнейших деталях рассказывали они о работе знаменитого тренера, но ни разу даже и не заикнулись о такой важной его разработке, как «боевой бокс». Боюсь, что Аркадий Георгиевич эксклюзивно поведал об этом одному лишь Панченко.

На совести этого «историка» лежит и явно заумная попытка обнаружить в проводившихся Харлампиевым в Обществе строителей Международного Красного Стадиона на Воробьевых горах всего лишь оздоровительно-развлекательных «массовых действиях трудящихся» «основу формирования нового стиля» боевой системы. Да еще и разгадать предположения (!) Харлампиева-старшего «обогащать тренировки за счет включения в них свободного рукопашного боя, базирующегося на... упрощенных методиках Ощепкова!» До таких нелепостей не додумался даже Э. Хруцкий, ав-

тор шумно оскандалившейся квазидокументальной и фальшиво-панегерической книжки об Аркадии Харлампиеве «Этот неистовый русский»², которую, к слову сказать, Панченко использовал как вполне достоверный источник.

Непосредственное отношение к моей теме имеет и еще один «научно-исторический» пассаж плодovitого автора. Он опубликовал потрясающе смешную перерисовку фотографии из книги Ознобишина «Искусство рукопашного боя» и сделал к ней такую подпись «Гражданский (предназначенный для уличной самообороны) вариант боевого бокса: апперкот «из-под руки» с одновременным захватом за руку. Разработка Градополова, опубликованная в учебнике Ознобишина» (не совсем грамотный термин «гражданский» следует понимать как «бытовой рукопашный бой»). На этом бессмертном произведении графического искусства можно видеть двух нелепо действующих дебилов. Карапуз, под которым подразумевается Константин, вцепился левой рукой в левое предплечье протянутой вперед вражеской руки и одновременно «из-под своей руки» наносит правый апперкот в подбородок (на рисунке, правда, мимо подбородка).

Вряд ли нужно доказывать очевидную истину: для того, чтобы иметь моральное право повествовать о технике рукопашного боя, совсем необязательно быть Брюсом Ли или Джо Луисом. Но вот уметь правильно исполнить любой описываемый прием или удар, самому прочувствовать его совершенно необходимо. Украинский теоретик, увы, этим похвастаться не может. А ведь даже любой боксер-новичок поймет не только нелепость, но и явную невозможность исполнения преподнесенных на перерисовке действий. Поскольку отбив левой рукой вправо и захват одной из рук противника требует по-

¹ Здесь и далее; *История боевых искусств. Россия и ее соседи. М., 1997. С. 314, 316, 490. «Кэмпо», N 1/1996. С.34.*

² См. рецензии: Чесноков Б.М. *Историю исказить нельзя!* («Советский спорт». 21 октября 1971 г.); Чесноков Б.М. *Слегкостью необыкновенной* («Советский спорт». 6 января 1978); Яковлев С. *Не уважая читателя* (смоленская газета «Рабочий путь», 26 января 1971); Лукашев М.Н. *Дедушка русского бокса* («Физкультура и спорт», N 5, 1971).

ворота корпуса вправо, а удар правой снизу, совсем наоборот - разворота туловища влево. И эти, направленные навстречу одно другому и «гасящие» друг друга движения сделать одновременно просто-напросто невозможно.

Так почему же такие выдающиеся специалисты, как Градополов и Ознобишин предлагали подобную бессмысленную ерунду? По той простой причине, что они отнюдь ее не предлагали, да и не могли предлагать. Авторское право на «ценную» разработку безраздельно принадлежит Панченко. Как в целом, так и на такую еще неизвестную в боксе «полезную» деталь, как отбив левого прямого в голову левой же рукой вправо, открывая свою голову для удара противника правой.

В действительности же на фото чемпион демонстрировал свой вариант наиболее технически сложной защиты от прямого левой в голову: сайд-степ - «шаг в сторону», то есть уход с линии атаки вправо, с апперкотом в качестве контрудара.

Сайд-степ - эта почти не исполняемая сегодня из-за своей трудности защита - состоит из шага правой ногой вправо с одновременным поворотом на девяносто градусов в сторону соперника. В обычном, типовом варианте правая рука одновременно с таким поворотом блокировала левую руку противника, а левая - уже вторым темпом наносила контрудар оказавшемуся в невыгодном положении партнеру. Градополов же, всегда искавший новые пути, решил объединить в один темп уход с линии атаки и поворот правым плечом вперед при сайд-степе с апперкотом правой в подбородок, учитывая характер их в основном совпадающих движений. Как бы слил их в единое целое: защиту и мощный встречный контрудар. А для того, чтобы партнер не смог даже немного опустить левую руку и перекрыть траекторию апперкота, Константин внутренней стороной левой перчатки прижимал к себе и на мгновение удерживал выпрямленной его руку.

Если даже типовой сайд-степ требует отличнейшей реакции, то здесь уже бы-

Рис 8/. «Гражданский» (предназначенный для уличной самообороны) вариант боевого бокса: апперкот «из-под руки» с одновременным захватом за руку. Разработка Градополова, опубликованная в учебнике Ознобишина

Апперкот, соединенный с захватом руки противника, изобретенный чемпионом СССР К. Градополовым

ла нужна поистине молниеносная. И я не слышал, чтобы кто-нибудь еще из наших мастеров смог использовать этот виртуозный прием активной защиты. А придумал его Градополов вовсе не для фантастического «боевого бокса», а для чисто спортивного и успешно использовал на ринге. Да и Ознобишин отнюдь не думал рекомендовать читателям столь сложную и слишком рискованную для рядового бойца новинку. Фото же привел, только иллюстрируя технику апперкота и еще, пожалуй, выдавая должное боевому таланту демонстратора. А под фотоснимком дал такой текст: «Апперкот, соединенный с захватом руки противника, изобретенный чемпионом СССР К. Градополовым». (Вот в этом-то «захвате руки, соединенном...», как в трех соснах и заплутал Панченко!) Константин Васильевич рассказал мне, что действительно искренне считал свой вариант сайд-сте-

па собственным изобретением и лишь впоследствии узнал, что такую активную защиту с контрударом использовали зарубежные профессионалы.

Для того чтобы вы сами могли воочию оценить всю комическую абсурдность ситуации, я специально поместил здесь рядом фотографию из книги Ознобишина и панченковскую перерисовку, которую «историк» преподнес своим читателям...

А теперь пора перейти от вымышленных градополовских разработок к вполне реальным.

После войны с Финляндией 1939-1940 годов, в которой чудовищно обескровленная сталинскими репрессиями Красная Армия одержала заведомо Пиррову победу, предпринимались различные судорожные, но уже явно запоздалые попытки повышения обороноспособности. В этой струе Градополову в качестве ведущего специалиста было поручено написать специальное учебное пособие по боксу с боевой направленностью для военнослужащих. Как человек знающий, он, конечно, понимал, что все бывшие старания преподнести чисто спортивный бокс в качестве законченной системы рукопашного боя заведомо обречены на провал. Надеяться на то, что ринговый боец даже под стрессом кровавой рукопашной схватки сам найдет наиболее рациональные пути борьбы с вооруженным противником, не только легкомысленно, но и просто безответственно. Поэтому весь

восьмой раздел книги был посвящен прикладно-боевым приемам и специальной новой форме тренировки - групповому боксу.

Градополов не ставил целью создание какой-то новой, особой боевой боксерской системы, противостоящей иным, уже существующим системам самозащиты. То, что им было сделано, нельзя назвать системой в точном смысле этого слова. Просто он поставился приспособить для рукопашного боя те навыки, которыми уже владели занимавшиеся этим видом спорта.

Главное внимание уделялось борьбе с вооруженным противником. Предусматривалось обезоруживание нападающего с винтовкой со штыком, револьвером, малой лопатой и ножом. При ударе штыком следовало «быстро уйти всем телом с линии укола шагом левой ногой влево и вперед к противнику, одновременно отбив винтовку левой рукой вправо, после чего немедленно нанести противнику сильный боковой удар правой в подбородок». При аналогичном уходе вправо отбив производился правой рукой влево, а удар - левой рукой.

При наведении противником револьвера на близком расстоянии делался отбив левой рукой с захватом за ствол, который отводился «полукругом через верх налево... Осторожно, в стороне от своего тела» и наносился такой же боковой правой в подбородок. Удар малой лопатой сверху блокировался левым предплечьем, подставленным «под локоть вооруженной правой руки. Задержанное на полдороге движение руки противника с лопатой потеряет свою силу, и лопата без вреда пройдет за спиной защищающегося». Правая рука наносила «быстрый и точный удар снизу (или сбоку) в подбородок». Если же удар не оказывал требуемого оглушающего действия, то, не отпуская противника от себя, следовало немедленно завладеть его лопатой. Способ такого «завладения» не указывался, но на иллюстрации обезоруживающий, блокировав вооруженную руку, не отпускал ее, а захватывал левой рукой подмышку.

Рис. 91. Уклонение от укола уходом влево с последующим ударом правой рукой в подбородок.

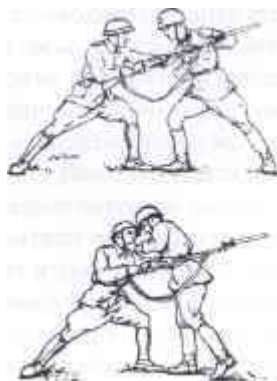

Рис. 92. Избегание укола уходом вправо с последующим ударом левой рукой в подбородок.

Что касалось нападения с ножом, то рассматривались три его варианта: удар сверху, сбоку наотмашь и снизу. В первом случае нужно было сделать быстрый шаг к противнику «с вытянутой вперед и прикрывающей голову левой рукой». Быстрым движением сверху вниз захватить левой рукой правую (вооруженную) руку противника и выкрутить ее влево-наружу». Затем - «сильный удар правой рукой снизу (или сбоку) в подбородок или живот».

Нельзя не отметить, что этот прием вызывает наибольшие сомнения. Прикрывающая голову поднятая рука преждевременно перекрывала траекторию удара сверху и, скорее всего, заставила бы противника поразить какое-то другое, открытое место. Кроме того, захват, точнее попытка захвата вооруженной руки противника «движением сверху вниз», если и возможна, то лишь в самом начале замаха. Явно преждевременная и слишком заметная попытка захвата могла только насторожить противника и дать ему возможность изменить направление удара. К тому же, даже осуществив подобный захват, не всегда удастся одной левой рукой выкрутить правую руку противника. В данном случае значительно надежнее сработало бы блокирование левым предплечьем правого предплечья противника и «выкручивание» ножа, действуя своим предплечьем в качестве рычага. Здесь оказался бы вполне уместным и удар в челюсть одновременно с «выкручиванием» ножа.

При ударе ножом сбоку (вероятно, наотмашь) следовало «подставить предплечье левой руки к сгибу локтя бьющей (правой) руки противника и после остановки руки нанести ему сильный короткий удар в какое-либо уязвимое место (смотря по положению тела противника)».

Защита от удара ножом снизу строилась по аналогии с одной из защит от апперкота: левое предплечье накладывалось на локтевой сгиб вооруженной руки противника. Однако на иллюстрации в отличие от описания блокировался не локтевой сгиб, а запястье противника. И

1890-е гг. после чего живыми сильными ударами (или сбоку) в подбородок или живот (рис. 93).

Рис. 95. Захват вооруженной руки противника с последующим ударом правой рукой в подбородок

сильный удар правой рукой снизу (или сбоку) в подбородок (рис. 96).

Рис. 96. Остановка вооруженной руки противника с последующим ударом правой рукой в подбородок

Действия против невооруженного

В бою с невооруженным противником боксер должен бегать, возможных захватов руками и ударов ногам стороны противника и выбрать удобный момент для

это представляется более надежным, так как блокированная в локтевом сгибе рука по инерции продолжает сгибаться и в зависимости от дистанции нож может все-таки достать обезоруживающего.

Как видите, все обезоруживания носили, так сказать, одноударный характер. Основывались на единственном ударе, главным образом, в челюсть, который подразумевался как непременно нокаутирующий. Однако подобная излишне самоуверенная концепция неизбежно несла в себе определенный риск. Даже на ринге боксер далеко не всегда может гарантировать безотказно нокаутирующее действие своего сильнейшего удара. Для этого существует немало случайных причин. Что же касается смертельной схватки во фронтовом рукопашном бою под неизбежным и тяжелейшим нервным напряжением, то там вероятность подобных случайностей резко возрастает. Даже небольшое смещение противника, мгновенное изменение положения тела, поворот его головы способны изменить место попадания удара, направив его по касательной и лишив нокаутирующей силы.

В этом случае противник, сохранивший оружие в руках и свободу передвижения, сможет продолжить нападение, но уже более продуманно и настороженно, учтя только что полученный опасный опыт. Но вот при захвате его вооруженной руки он уже не имел бы такой возможности.

Алгоритм ошепковского обезоруживания предусматривал захват и фиксацию вооруженной руки, удар, прием, завершающий удар и, в случае необходимости, использование оружия противника. Градополов же ограничился рискованным усеченным вариантом: блок, вместо захвата руки, и удар. Довлекла ли над ним непоколебимая уверенность в себе опытного нокаутера, или не пожелал он повторять те детали, которые уже были приведены в Наставлении 1938 года, но выбрал он именно такой путь. И боюсь, что не самый удачный.

В связи с этим стоит обратить внимание еще и на то, что все описания техники обезоруживания при ударах ножом или малой лопатой начинаются словами: «При замахе противника...» и требуют начинать защитные действия уже в этот момент. Может быть, на первый взгляд, подобные опережающие действия могут показаться оправданными, но в действительности такая поспешность только опасна. Она преждевременно предупреждает противника, позволяя превратить замах всего лишь в финт и нанести удар в любое другое открытое место. Успех обороняющемуся обеспечивает начало его защитных действий не во время замаха, а лишь тогда, когда удар уже четко определился, и противник уже не сможет ни задержать удар, ни изменить его направление. В этом случае хладнокровная выдержка,

быстрота реакции и оттренированные до уровня навыка движения дают оптимальный результат.

Говоря о схватке с безоружным противником, автор указывает на необходимость избегать наиболее опасных для боксера действий врага: захватов и ударов ногами. Показательно, что вместо активных защитно-контратакующих действий он останавливается на неопределенно пассивном: «избегать». Возможно, надеясь компенсировать этот пробел изучением борьбы в одежде, которая, как и рукопашный бой, была включена в качестве упражнений к восьмому, прикладно-боевому разделу книги.

В остальном при бое с безоружным следовало не затягивать подготовку к решительному удару и, выбрав удобный момент, нанести его немедленно вслед за действиями, раскрывающими защиту. Лучшей целью была названа нижняя челюсть.

Нелишне будет сказать, что, работая над своим пособием, Константин Васильевич располагал переводом книги известного английского боксерского тренера Томаса Инча о самозащите, где главное внимание уделялось боксу, но вместе с тем имелась и специальная глава о приемах джиу-джитсу и ударах ногами из савата. Однако Градополов не пошел по пути Бернса: то ли не хотел вторгаться в «чужую епархию», то ли считал, что на все это просто не хватит времени, отведенного только на изучение бокса.

Самым ценным из градополовских разработок, несомненно, являлся так называемый «групповой бокс». И как опытный практик, и как ученый он отлично осознавал не только чисто спортивную, но и высокую прикладно-боевую ценность бокса. В техническом, тактическом и методическом отношении этот популярный вид единоборства очень далеко ушел от уже вымиравшего старого русского кулачного боя. Но, в отличие от иных своих коллег, Константин Васильевич никогда не отсылался к «стеношным боям» со сно-

по голове нужно сделать быстрый шаг к нему левой и подставить предплечье левой руки под локоть

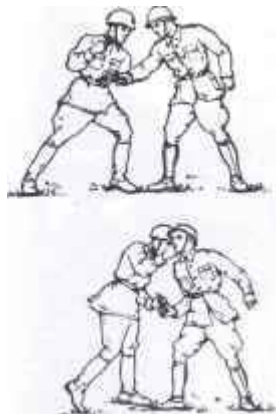

Рис. 93. Захват и отведение дула револьвера в сторону с последующим ударом правой рукой в подбородок

Рис. 94. Остановка удара и захват вооруженной руки противника с последующим ударом правой рукой в подбородок

бистски высокомерной насмешечкой. При всей самоотверженной любви к боксу он сумел понять, что этот спорт, при всех несомненных достоинствах, все-таки не способен дать то, чем надеяла «стенка» каждого из своих бойцов. Быть может, почувствовал это он еще в начале двадцатых годов, когда из лихого молодого озорства вместе с товарищами раза два выходил на кулачный бой у Бабыгородской плотины.

Как это ни странно, но «варварская стенка» имела значительно большую боевую направленность, чем высокотехнический и цивилизованный бокс. Если последний имеет строгую форму только единоборства, то стенка прививала более широкий навык биться не каждому в отдельности, а сообщая, в тесном единении с товарищами, умело взаимодействуя и согласовывая с ними все свои действия. Там бились не бойцы-одиночки, а тесно сплоченная, как теперь бы сказали, хорошо сыгранная, команда. Если хотите, то некое боевое подразделение, в котором каждый думает не только о себе, но и о товарищах, не теряет их из вида и немедленно приходит на выручку в трудную минуту. Сверх того, бывалый кулачник владел навыком противостоять не только одному, но при необходимости и нескольким соперникам, нападавшим как спереди, так и сбоку.

Ничего подобного ни бокс, ни любой другой вид спортивного единоборства предложить, конечно, не мог. Градополов решил восстановить это незаслуженно забытое старинное ценное наследие и написал так: «Прообразом группового бокса (организованного и ограниченного определенными правилами) является русский самобытный народный спорт - «стенка на стенку» (кулачный бой)... Бой группы с группой может быть отличным подготовительным упражнением к рукопашному бою. Основная задача такой подготовки - овладение тактикой коллективного боевого взаимодействия... Ценность этого упражнения заключается в том, что оно по своему характеру приближается к условиям действительного боя, к настоящей

рукопашной схватке... Воспитание всех этих качеств является необходимым дополнением к умению бойца действовать в рукопашном бою оружием. Групповой бокс должен стать одной из форм военизированного советского бокса».

Согласно правилам, схватки проводились между командами, каждая - в составе десяти человек, то есть стрелкового отделения. Нападать на соперника разрешалось только спереди и сбоку, как по одному, так и нескольким бойцам на одного одновременно. Участник, вытесненный за пределы боевой площадки (15 x 15 м) или сбитый на землю, выбывал из схватки. Время боя - не более десяти минут. Во всем остальном схватки регламентировались общими боксерскими правилами приемов. Все иные, могущие быть полезными действия - подножки, толчки, захваты, были запрещены. И, как мне кажется, без достаточных оснований, так как, хотя они и нарушали бы спортивную безупречность боксерской картины, но значительно приближали бы характер состязания к реальной боевой обстановке.

Однако осуществить замыслы Константина Васильевича в той мере, в какой они это заслуживали, так и не удалось. В первые годы войны, когда добрая половина европейской части страны оказалась оккупированной, обучение призывников производилось на скорую руку, и здесь было уже не до «группового бокса». Только на Дальнем Востоке, отстоящем от фронта достаточно далеко, эта новинка смогла прижиться, и с 1941 по 1944 год там проводились даже первенства по этому военизированному виду бокса. Так, древнему русскому боевому упражнению - «стеношному бою» - уже на новом уровне довелось в последний раз сослужить службу Родине. Впоследствии же групповой бокс, как и многие другие полезные нововведения, оказался прочно забытым. А жаль, так как идея проведения групповых схваток, разумеется, с использованием уже современных приемов безоружного рукопашного боя, вполне могла бы применяться и сегодня с большой пользой для дела.

Глава 5

После «физкультпарада»

Лето 1939 года. На Красной площади - физкультурный парад. Ярко светило солнце. Мощные радиорепродукторы на всю Москву гремели бравурными маршами и бодрыми голосами известных певцов. А с трибуны Мавзолея празднично улыбающиеся вожди приветствовали парад, неумело отдавая честь и махая ручками.

Ветер развеивал красные знамена и разноцветные флаги спортивных обществ. И, конечно, повсюду бросались в глаза большие портреты, на которых те, кто стоял на трибуне, выглядели куда как мужественнее, умнее и красивее...

Одна за другой слаженно и бодро маршировали по брусчатке площади колонны спортсменов Москвы, Ленинграда и всех существовавших тогда одиннадцати союзных республик.

Празднично приподнятое настроение, яркая впечатляющая картина.

Бронзовые от загара крепкие мускулистые парни, грациозные стройные девушки. Нарядные белые блузки русских, украинских и белорусских спортсменок, украшенные узорами национальной вышивки; оригинальные майки грузинских палаванов со стилизованными газырями на груди; среднеазиатские тюбетейки, искусно расшитые золоченой нитью; узорчатые шальвары узбечек...

Сотни спортсменов и спортсменок, заполнившие все пространство площади, замечательно слаженно и четко выполняют сложные гимнастические групповые упражнения. На перекладине и брусках свое завидное мастерство чемпионы демонстрируют в буквальном смысле «на ходу»: их снаряды установлены на грузовых машинах, проезжающих по площади. На очередном грузовике на специальной платформе

Студенты Сагатеян и Харлампиев на занятиях у преподавателя Галковского

установлен ринг, на котором «сражаются» две знаменитости: ветеран Константин Градополов и молодой Коля Королев. А последнюю машину вся площадь встречает особенно громкой овацией. Там на борцовском ковре возвышается богатырская фигура семидесятилетнего «чемпиона чемпионов» Ивана Максимовича Поддубного. Улыбаясь в пышные усы, он как бы передает эстафету своих мировых побед молодому наследнику - чемпиону страны в тяжелом весе Александру Сенаторову.

А потом на противоположных концах площади в одну минуту поднялись футбольные ворота, и две лучших команды страны, два давних и непримиримых соперника - «Спартак» и «Динамо» бросились во взаимные, азартные и непримиримые атаки. Их болельщиков могла огорчить тогда только лишь досадная краткость этого условного мини-матча.

А когда ворота так же быстро убрали, и площадь опустела, со стороны «Василия Блаженного» ударила вдруг длинная пулеметная очередь... За ней еще одна, и еще... Оттуда бросился в наступление с винтовками наперевес большой **отряд солдат** в незнакомой форме цвета хаки и белых гетрах. С громкими криками «банзай» они быстро овладели «сопкой Безымянной», искусно сооруженной и, как огромный колпак, прикрывшей Лобное место. Но от Исторического музея с громовым «ура» уже шли в контратаку наши пограничники. «И грянул бой, Хасанский бой!» Думаю, что со времен Батыева нашествия еще никогда не видели у крепостных стен Москвы столь впечатляющего сражения. По сравнению с этим сверхдинамичным боевым шоу, пожалуй, даже сам юбилейно-огнедышащий Змей Горыныч, сын Михалков, выглядел всего лишь как немудрящая провинциальная самодеятельность.

На восхищенных зрителей обрушился изобретательно и талантливо поставленный каскад боевых эпизодов со всем мыслимым «ассортиментом» штыкового и рукопашного боя тех лет. Короткие, основные и длинные уколы

штыком с выпадом и без выпада (штык при этом проходил между боком и рукой «противника», под его подмышкой, создавая полную иллюзию смертельного удара в грудь). Быстрые передвижения и всевозможные мастерские отбивы, «переводы» и «переносы» оружия. Искусно обозначенные удары прикладом сбоку, снизу, сверху и вперед «валили» с ног «неприятелей», которые умело и безболезненно приземлялись на брусчатку. Фехтовальные приемы эффективно дополнялись подножками и «ударами» ногой.

Отомкнутый клинковый штык от самозарядной винтовки Токарева работал против японской винтовки «Арисака» с удлиненным штыком. Тем же винтовкам успешно противостояла простая саперная лопатка, а армейский нож - саперной лопатке. Удары «вражеского» штыка ловко ловили в быстро снятую каску, нанося ее ребром удар по шее нападавшего.

Кое-где нашим бойцам приходилось отбиваться сразу от нескольких противников. Но, даже лишившись оружия, красноармейцы продолжали сражаться, и в результате умелых приемов обезоруживания в их руки переходили японские винтовки «Арисака», офицерские самурайские мечи и пистолеты «Намбу». От мощных бросков только мелькали ноги в белых японских гетрах, описывая в воздухе широкую дугу...

Уцелевшие в рукопашной «японцы» поспешно улепетывают на исходные позиции, не иначе как уповая на милостивое избавление из рук «Божия человека Василия Блаженного»...

Народный комиссар обороны СССР К.Е. Ворошилов был в восторге, но серьезно беспокоился: «Вы, наверное, здорово друг друга помяли?» Он не знал, что работали профессионалы, отлично владевшие приемами страховки и само страховки при бросках.

Не обошлось, конечно, и без того, чтобы кого-то из азартных участников «яростного сражения» действительно «помяли». Но, к счастью, серьезных повреждений не было: только ушибы, синяки да ссадины...

Нетрудно представить, какой вулканический сарказм вызовет у доморощенных энтузиастов японских единоборств известие об этой инсценировке, талантливо поставленной преподавателем Московского института физкультуры Борисом Аркадьевичем Сагателяном силами своих студентов: «Чтобы наши Ваньки могли так отделать наследников тысячелетней культуры боевых искусств?! Этого же просто не может быть? Потому что не может быть никогда!».

И все-таки «это» было!

Конечно же, постановка имела расчитанную и заведомо пропагандистскую направленность. И «японцев» там изначально «щадил» куда как меньше, чем наших бойцов. Таковы законы жанра. Но как бы ни старался я не огорчать упрямых скептиков-«японистов», должен сказать, что на Хасане незванные пришельцы были действительно выброшены за кордон именно в результате заключительной рукопашной. Больше того, истины ради, приходится и еще посыпать соль на раны самурайских апологетов. Наши вышли победителями даже при том условии, что невольно подарили японцам существенную фору.

Устав требовал перед непосредственным сближением с неприятелем забросать его гранатами. Кроме уничтожения живой силы, взрывы несли еще мощное психологическое воздействие на оставшихся в живых, подавляя врага перед началом рукопашного боя. Уставные требования исполнялись в точности: отличными были и дальность, и меткость бросков. Только вот сами гранаты, вопреки уставу, взрываться нипочем не пожелали. Так и пришлось вступить в победную рукопашную без поддержки «карманной артиллерии».

Впоследствии, не без участия чрезвычайной комиссии, установили, что гранатометанию бойцов обучали не с помощью боевых, а только учебных гранат, то есть болванок, точно соответствовавших по форме и весу настоящим (то ли экономя боеприпасы, то ли из-за

боязни несчастных случаев). Но при этом на словах объясняли, что перед броском необходимо поставить гранату на боевой взвод. Только вот для боя недостаточно поверхностных устных объяснений, там работают только лишь усвоенные до автоматизма прочные навыки. И в пылу смертельной битвы все устные поучения, не закрепленные практическими навыками, выветрились из красноармейских голов, и они метали гранаты,... забыв поставить их на боевой взвод.

Но вот в рукопашной схватке бойцы отнюдь не оплошали. Кадровый состав того времени обучался еще по добротным ошепковским материалам 1931 года.

Документы свидетельствуют: «29 июля 1938 года японские пограничные отряды численностью около роты внезапно атаковали сопку Безымянную, на которой находился наш пограничный отряд в составе 11 человек. Несмотря на явный перевес сил на стороне японцев, пограничники встретили нападающих решительным отпором. Завязался жестокий бой, перешедший в рукопашную схватку. Пограничники, отбивая навалившегося врага штыками и прикладами, дрались до последней возможности. Услышав перестрелку с места боя, вступил резерв пограничного отряда; штыковой атакой японцы были отброшены с Безымянной».

И еще: «На красноармейца тов. Драгина набрасываются до десятка самураев. Лежа, тов. Драгин расстреливает в упор четверых, а остальных встречает с винтовкой наперевес. Разгорается неравный бой. Драгин сильным ударом опрокидывает бегущего впереди самурая. Работая штыком и прикладом, Драгин устиляет вокруг себя землю трупами»¹.

Получивший за Хасан звезду Героя Советского Союза безоружный Сергей Бамбуров был окружен десятком японцев. Но, мгновенно обезоружив ближайшего к нему солдата, Сергей так ловко действовал штыком трофейной

¹ Как мы били японских самураев. Сборник статей и документов. М., 1938.

винтовки, что несколько врагов заколол, а остальных тяжело ранил.

На лейтенанта Винокурова напали сразу два японских солдата. Одного он успел застрелить из пистолета, но второй сбоку уже наносил удар штыком. Лейтенант едва успел повернуться и отбить штык зажатым в руке «ТТ». Сильнейший удар случайно пришелся по штыковой защелке, и штык японца упал в траву. Но вместе с ним, из-за силы удара, отлетел в сторону и лейтенантский пистолет. В этой неожиданной критической ситуации Винокуров среагировал быстрее, чем вооруженный винтовкой японец, и сбил противника на землю, навалившись на него. Но тот сейчас же ответил таким удушающим приемом, что лейтенант почувствовал - теряет сознание. Однако успел нанести мощный удар коленом в пах, от которого уже не он, а японец потерял сознание.

Был даже такой «нестандартный» случай, когда, расстреляв весь диск ручного пулемета, пулеметчик Бабушкин ухватил за ствол свой тяжеленный «ДП» и, работая им как дубиной, сумел отбиться от наседавших японцев...

И именно сила нашей армии, которую испытали на себе японцы в локальных пограничных войнах на озере Ханка и Хасан, у монгольской реки Халхин-Гол, стали одной из причин отказа Японии от нападения на СССР вместе с гитлеровской Германией...

Что же касается масштабной инсценировки рукопашного боя, то она оказалась столь впечатляющей, что даже театр Красной Армии заинтересовался ее постановщиком. Там как раз работали над пьесой «Пархоменко». А в боевой биографии этого комдива Первой конной армии, среди многих других, существовал и такой яркий эпизод. Наступление его четырнадцатой кавдивизии было остановлено сильнейшим огнем поляков, закрепившихся на противоположном берегу. Конармейцы, хотя и вышли к самому мосту, но там вынуждены были залечь. Неширокое пространство моста позволяло уложить на него кинжальным огнем всех поднявшихся в атаку. Поэтому комдив решил

рисковать только лишь своей жизнью. Сделал он то, что когда-то давным-давно являлось обычным делом, но в XX веке могло уже показаться просто невероятной фантастикой: вызвал на фехтовальный поединок командовавшего поляками генерала Барнодского. Расчет был точным: пресловутый польский гонор ни в коем случае не позволил бы генералу отказаться от схватки, да еще на глазах у всех своих подчиненных. К тому же поляки издавна слыли лихими умелыми рубаками.

Сеча двух полководцев действительно оказалась на редкость упорнейшей и беспощадной. А когда, наконец, шашка комдива неотразимым ударом разрубила конфедератку генерала вместе с его черепом, то с обеих сторон на мост бросились и польские «жолнежи», и конармейцы. Стихийно возникший жесточайший рукопашный бой окончился нашей победой. Кавалеристы в пешем строю ворвались на вражеский берег. Естественно, что и драматург, и режиссер хотели, как можно выразительнее, обыграть эпизод боя на мосту. Сабельный поединок генералов ставили такие прославленные фехтовальщики как Мордовии и Климов. А над сценой массового рукопашного боя, в котором участвовало семьдесят актеров и статистов, пришлось потрудиться Сагателяну.

Успех театральной постановки не мог не радовать Бориса, но главным результатом впечатляющего выступления на Красной площади стало все-таки не это. Главным было то, что Сагателян вышел не только на театральные подмостки, но еще и на авансцену армейского рукопашного боя.

Выступление на Красной площади произвело сильное впечатление не только лишь на театральных работников, но еще и на военное руководство. Однако не столько в зрелищном, сколько в чисто профессиональном отношении. Вскоре Сагателяну было дано задание по разработке проверенных приемов рукопашного боя для Красной Армии.

Это были годы, когда на Западе уже гремели первые сражения второй мировой войны, а у нас бодро распевали:

«Если завтра война, если завтра в поход, будь сегодня к походу готов!» Однако злосчастная Пиррова победа над маленькой Финляндией со всей беспощадностью доказала, что не только завтра, но и послезавтра к серьезной войне мы не будем готовы. Ловкачи из немецких спецслужб провели за нос «мудрого», патологически подозрительного и трусоватого нашего вождя, который сразу поверил в военные заговоры и расстрелял почти весь высший и старший командный состав Красной Армии. Доходило даже до того, что полками приходилось командовать старшим лейтенантам. Такое катастрофическое ослабление комсостава стало одной из причин, побудивших Гитлера не откладывать нападение на нашу страну.

Что касается «виноватых» в финской «победе», то Сталин отыскал их немедленно: расстреляли еще несколько генералов; десяток тысяч красноармейцев, репатриированных из финского плена, без задержки этапировали в наши «родные» концлагеря, а «луганского слесаря, боевого наркома» Ворошилова немедленно заменили другим маршалом - Семеновом Тимошенко, который, хотя и проповедовал суворовские заветы - «тяжело в учении - легко в бою», но не был военачальником такого калибра, какого требовала современная война. Однако он для восстановления боеспособности старался сделать, как можно больше. С судорожной поспешностью пытались наверстать то, что было уже безнадежно упущено. Наспех заново формировали мотомеханизированные корпуса, только что расформированные из-за того, что создавал их «предатель и немецкий шпион» маршал Тухачевский. Стараясь заполнить зияющие бреши в командных кадрах, торопливо комплектовали военные училища не только, как прежде, добровольцами, но и по мобилизации. А еще с 1 сентября 1939 года вступил в силу Закон о всеобщей воинской обязанности. При этом подобные меры не ограничивались лишь армейской сферой, но приобрели, как тогда говорили, все-народный характер.

В той или иной мере военная подготовка гражданского населения осуществлялась у нас во все годы существования советской власти. Но в то предвоенное время это стало делаться особенно активно.

В качестве курьеза, но достаточно показательного, упомяну, что именно тогда родилась школьная военная игра, проводившаяся даже в суровое военное время и названная впоследствии «Зарницей». Наши школьные классы считались взводами, составленными из нескольких отделений. А нам, шестиклассникам, «присваивали воинские звания» - «юный ефрейтор - командир отделения», «юный младший сержант - командир взвода» и т.д. с ношением на наших детских курточках и пиджачках соответствующих петличек (погоны тогда введены еще не были). Для молодежи стали особенно много издавать популярной литературы военно-практического характера. Компанию по активизации военной подготовки населения осуществляла и периодическая пресса, особенно спортивная. Если прежде «Красный спорт» почти не вспоминал о борьбе в одежде, то теперь о ее полезном прикладном характере и важной роли в рукопашной схватке пишет довольно часто. То и дело мелькают заголовки: «Быть готовым к рукопашному бою», «Грозное оружие ближнего боя», «Физкультурники, овладейте искусством рукопашной схватки!» А под этими кричащими заголовками этикие «пассажи»: «Такие оборонные виды спорта, как фехтование и борьба вольного стиля, вырабатывают силу, ловкость, выносливость, быстроту и волю к победе - качества, необходимые в одинаковой степени рядовому бойцу и командиру Красной Армии... Враги особенно старались задержать развитие фехтования и борьбы вольного стиля» (!!!). Печать преподносила тогда и такие вот радикальные утверждения: «Изучение рукопашного боя обязательно не только для РККА. Оно становится необходимым для всего населения Советского Союза».

Выпускается пропагандистский фильм «Идут батальоны», который кон-

сультитовал генерал Тарасов. На экране можно было увидеть, как марширующие стройными колоннами спортсмены мгновенно превращаются в бойцов Красной Армии и лихо побивают противников в рукопашном бою.

Выброшенная, было, из комплекса ГТО-П ощепковская норма по самозащите на основе борьбы в одежде снова восстанавливается в своих правах. Создаются все новые секции. Популяризируя борьбу, проводятся публичные выступления с демонстрацией приемов.

Если за предыдущие десять лет вышли в свет всего лишь две кратких, чисто конспективных публикации В.С. Ощепкова, то теперь одна за другой появляются солидные книги, учебные «фототаблицы» и плакаты его учеников: Н.М. Галковского, Р.А. Школьников, В.П. Волкова, И.В. Васильева и А.М. Ларионова; две книги под редакцией и с авторским участием фехтовальщика К.В. Булочко, в которых значительное место уделялось рукопашному бою. В «Военной библиотеке комсомольца» вышла книжка полковника С.Ф. Петровского «Оружие бойца», где очень толково и живо, без обычной казенщины, описывалась техника штыкового боя.

Обстоятельные статьи по этой тематике представляет читателям военно-спортивная периодика. Даже журнал «Пионер» знакомит своих юных читателей с некоторыми приемами.

Вот такой была обстановка, когда вскоре после своей хасанской инсценировки на Красной площади Сагателян получил приглашение явиться в Наркомат обороны СССР. Деятельный Тимошенко создал там специальную комиссию по вопросам штыкового и рукопашного боя, поставив во главе ее маршала ОМ. Буденного.

Старый рубака первой мировой и гражданской войны, заслуживший полный бант «География» и множество советских орденов, силач, любивший «побаловаться» с двухпудовиком, Семен Михайлович был неравнодушен к рукопашному бою. Однажды попросил известного преподавателя фехтования сра-

зиться с ним на эспадронах. Хотя этот вид спортивного оружия и не одобрял, считая недостаточно тяжелым для полноценной тренировки бойца. Разумеется, старый мастер без труда «достал» маршала своим эспадроном. Но тот, не обращая на это внимания, сейчас же, что было силы, рубанул своего победителя по плечу. А потом, расправляя свои самые большие и пышные в стране усы, помятые фехтовальной маской, объяснил: «Ты бы меня только ранил, а я тебя до пояса развалил». Наведывался он посмотреть борьбу еще и к Ощепкову. И пришел в восторг, когда Василий Сергеевич «оживил» борца, потерявшего сознание от удушающего приема.

В зале, где проходило заседание комиссии, Сагателян оказался единственным штатским. Все остальные - комсостав и среди них - четырнадцать генералов.

Первым Буденный предоставил слово генерал-майору А.А. Тарасову, который заменил расстрелянного Кальпуса в должности инспектора физподготовки РККА. Тарасов сообщил о письме ленинградских фехтовальщиков, которые спорили со своими столичными коллегами. Москвичи наносили укол штыком, как бы, с небольшим замахом, предварительно отводя винтовку немного назад для усиления удара. А ленинградцы утверждали, что этого делать нельзя, так как такой укол требует большего времени для исполнения и становится более заметным.

Со своего места поднялся мастер спорта, чемпион страны по рапире, эспадрону и штыку ленинградец Константин Булочко, один из лидеров считавшегося новаторским направления в фехтовании. Но сказать он успел только:

- Это я написал письмо...

- Сядьте, вам слова не давали! - прервав его на полуслове, приказал Буденный и спросил у Тарасова, имея в виду чемпиона:

- Он в рукопашном бою участвовал?

- Нет.

- А нужно, чтобы боец винтовку, как куклу, нянчил. Прошел с ней огни и воды...

Но для Бориса результаты совещания оказались значительно более благоприятными. Приемы, которые он продемонстрировал в паре со своим студентом, одобрили. И ему было поручено разработать и написать капитальное пособие по рукопашному бою для Военного издательства, а также участвовать в постановке учебного фильма по этой тематике.

Борис поступил под начало старого соратника Буденного - кавалерийского генерала - калмыка Оки Ивановича Городовикова. Тот отвез его на одну из подмосковных военных баз, где и преподаватель, и его студент получили одинаковую красноармейскую форму, но без петлиц, поскольку военнослужащими не являлись. А гимнастерки, галфе и сапоги были всего-навсего их рабочей одеждой.

Началась активнейшая работа в полевых условиях, максимально приближенных к боевым. Вместо ковра была только зеленая травка. Помногу раз проверялись уже существующие приемы, выполнялись старые, полузабытые. Велась поиски новых вариантов, которые тут же проверялись и отрабатывались. Специальный фотограф пунктуально фиксировал все основные стадии исполняемого приема. К счастью, сохранился не один десяток этих ценных фотографий. Начиная от рабочих вариантов, где исполнители не «обременяли» себя даже головными уборами, и кончая завершающими, окончательными, где они уже работали с полной боевой выкладкой, вплоть до шинельной скатки и противогаза. Именно эти фотографии и пошли впоследствии в печать. Однако, происходило все совсем не так, как представлял себе это автор.

Но об этом несколько позже. А сейчас необходимо сказать о том, что представлял собой этот человек - Борис Аркадьевич Сагателян (1910-1995 гг.), которому в то тревожное время была доверена столь ответственная задача - вооружить Красную Армию наилучшими приемами рукопашного боя.

Борис появился на свет на кавказской окраине Российской империи у са-

мой турецкой границы. Судя по документам - в 1910 году. Но, может быть, и немного позднее, поскольку когда-то, чтобы поступить на учебу, набавил себе годика два. К тому же, в те давние времена не был он еще и Борисом, а уж если говорить строго документально, то вообще никогда таковым не являлся, хотя и носил это имя в течение всей своей сознательной жизни. А в том, уже очень далеком, то ли 1910, то ли 1912 году в семье Аршака Сагателяна родился сын, которого при крещении нарекли чисто армянским именем Бабкен. Его дед-крестьянин был богатым скотоводом, и это даже позволило ему - простолюдину - выдать дочь замуж за знатного дворянина, правда, уже изрядно обедневшего, но являвшегося потомком древнего царского рода Багратидов.

Тетка Бабкена, Шигар, сменившая свою скромную девичью фамилию на аристократическую - Багратуни, родила сына почти одновременно с рождением племянника. А когда мать полугодовалого Бабкена скончалась, тетя Шигар вскормила грудью и своего сына, и осиротевшего племянника. Так что стали они не только двоюродными, но и молочными братьями.

Детские и отроческие годы полусироты пришлось на очень тяжелые, грозные и кровавые военные годы...

Древней, исконно армянской земле выпала многострадальная судьба: народ, создавший великую тысячелетнюю культуру, несколько столетий томился под беспощадно кровавым турецко-персидским игом. А Османская империя даже в начале прошлого века умудрялась сохранять дикую средневековую жестокость. Там и с правоверными мусульманами не очень-то церемонились: пытали и казнили почем зря. А уж «неверных», «кафиров» - христиан, будь то армяне, славяне или греки, просто не считали за людей и в иные годы убивали по любому поводу и без повода. Огромное турецкое государство простиралось тогда на захваченных землях трех континентов: Азии, Европы и Африки. Освободиться собственными силами поработенные народы не могли даже

и думать. Только с севера могло прийти к ним спасительное избавление. И армяне, и грузины издавна и многократно просили великого северного соседа о принятии в подданство и получении русского покровительства и надежной русской защиты. Но протянуть руку братской помощи Россия смогла только к началу XIX века, когда османские пришельцы уже были вышвырнуты со всего северного побережья Черного моря.

Сейчас у демократических журналюг в большой моде проеденные моллюбно-обносками большевистского тезиса «о русских империалистических устремлениях на Кавказе». А рязанские, тверские, смоленские и тамбовские «империалисты» в драных солдатских шинелях жертвовали собственными жизнями, спасая закавказских единоверцев от полного физического истребления. И сколько матерей, вдов и сирот заходились в горьких рыданиях в тысячах русских сел и деревень!

Чтобы добраться до Закавказья, армии освободителей волей-неволей приходилось пересекать весь Кавказ. И именно в этом таились корни пресловутой Кавказской войны, на которой так бесстыдно спекулировала пресса по поводу чеченских событий. А начало той Кавказской войне положили кровавые набеги северокавказских племен, в первую очередь чеченцев, на южнорусские поселения.

Военные пути-дороги пролегали по землям различных кавказских народов, одни из которых уже выбрали цивилизованное будущее рука об руку с Россией. Но другие, подстрекаемые турками, выступали против русских. Трудно назвать войной их спорадические враждебные действия: выстрелы в спину, разбой на дорогах, нападение на малочисленные военные отряды, отрезание голов и взимание выкупа за захваченных людей. В общем, почти тот же «джентльменский набор», что и у их contemporaries чеченских правнуков-бандитов. Хотя тогда горцы сочли бы несмыслимым позором для мужчины стрелять, прячась за женские юбки за-

ложниц, как это делают нынешние «рыцари» Ичкерии...

Только Шамилю удалось организовать что-то похожее на войну и даже нанести пару поражений наиболее бездарным из царских генералов. Но этот славный имам отважно сражался, не понимая, что защищает не родной Кавказ, а всего лишь обслуживает враждебные России политические интересы Турции и Англии.

Каждое новое военное столкновение России с Турцией или Персией приносило освобождение все новым армянским и грузинским территориям. Армянские земли, где испокон веку обитали предки Бабкена, были очищены от турецких поработителей еще в первые десятилетия позапрошлого столетия, когда Пушкин совершил свое известное «путешествие в Арзерум».

Для русской армии не составляло большого труда окончательно разгромить захватчиков и полностью освободить все армянские земли. Но этому решительно препятствовали западные страны, особенно Англия. Именно поэтому в середине XIX века Сагателяны снова оказались на турецкой территории и турецкими подданными. При всем героизме моряков и солдат Севастополя, крестьянско-крепостническая Россия не могла противостоять тогда военно-техническому превосходству коалиции двух промышленно развитых великих держав, поспешивших на помощь разбитой в очередной раз Турции. Английская и французская армии располагали более дальнобойными нарезными ружьями, первыми в мире тракторами, одолевавшими бездорожье; телеграфным кабелем, проложенным по дну Черного моря от его западных берегов, и огромным мощным флотом. Английские пароходы успевали доставлять в Крым подкрепления и боеприпасы в более короткие сроки, чем наши полки добирались туда на своих двоих...

Но уже очередная русско-турецкая война 1877-1878 годов стала освободительной не только для балканских народов, но и для армян. Предки Бабкена вместе со своими родными землями

снова оказались в пределах нашей страны, надежно защищенные от османских угнетателей границей Российской империи. А особенно трагические события армяно-турецкого противостояния произошли уже на памяти моего героя. В первую мировую войну Турция выступила против России на стороне Германии и Австро-Венгрии. Наша армия, как и на протяжении всех предшествовавших двухсот лет, успешно громила турок, все более продвигаясь вглубь их территории, освобождая земли так называемой турецкой Армении. Армяне старались всячески помогать своим освободителям, и взбешенные постоянными поражениями турки обрушили на армянских подданных кровавые репрессии.

После заключения «похабного» Брестского мира русские войска возвратились в Россию. Кончилось время, когда Закавказье находилось в полной безопасности «за гранью дружеских штыков». Турки увидели вдруг реальную возможность осуществления своей старой и, казалось бы, несбыточной мечты о создании «Великой Турции». И немедленно начали войну против новых «суверенных» государств Закавказья, слишком поторопившихся выйти из состава России и уже успевших передрались из-за сопредельных земель. А турецкая армия наступала, дойдя даже до Баку и захватив город. В особенно опасном положении оказалась Армения, находившаяся на самом острие турецкого удара. Одна война с небольшими паузами сменялась другой; все более уменьшая армянскую территорию и ее народонаселение...

Большинство из нас узнает о катаклизмах мировой истории из книг, фильмов, телепередач, но юному Бабкену и всей его семье пришлось самим заглянуть в глаза этому смертоносному урагану, находясь в самом его эпицентре...

Трудно сейчас найти человека, который не знал бы об ужасах нацистского геноцида 30-40-х годов, но, к сожалению, почти так же нелегко отыскать и того, кто осведомлен о том, что в начале прошлого века турки проделали то же самое, вырезав полтора миллиона

армян. Султан Абдул-Хамид II еще в конце позапрошлого столетия заявил: «Покончить с армянским вопросом, покончив с самими армянами!» И турецкие войска, наступая вглубь Армении, поголовно уничтожали на своем пути все армянское население.

В числе двухсот тысяч беженцев, нашедших спасение на бывших землях Российской империи, были и Сагателаны. Когда турки подошли совсем близко, дед выбросил из уже погруженной повозки все свое имущество и заполнил ее многочисленными внуками. Но только мальчиками, потому что их убивали наравне со взрослыми мужчинами. Все остальные поспешили по горным тропам пешком. Сейчас, когда обездоленных, ограбленных беженцев приходится встречать на каждом шагу, не так уж трудно представить, что ожидало спасенных ребятишек на новом месте жительства, в чужом и тоже разоренном войной крае. Возвратиться в свои родные места они уже никогда не смогли: их земля снова, как и сорок лет назад, стала турецкой территорией. Обосновались они в Александрополе, который впоследствии был переименован в Ленинакан. На руках у молочной матери Бабкена, которая никогда не делала разницы между своими и чужими, оказалось восемь ребятишек разных возрастов. Ох, как нелегко было прокормить такую ораву, да еще в те тяжелые годы! Жили скудно, бедствовали. Как у всех беженцев - ни кола, ни двора. Только беспощадная голодная и холодная нищета. Все старались подрабатывать, как могли. Но много ли могли заработать не имевшие никакой специальности подростки в обнищавшей, разоренной войной стране? Поэтому бывало и так, что ходили братья на воскресный базар, чтобы «позаимствовать» у зазевавшегося торговца что-нибудь съестное. А если «отступать» приходилось с боем, то, прикрывая безопасный отход своих братьев, в арьергарде всегда действовал Бабкен, самый сильный и ловкий из них. Да и всегда он был для всех надежной защитой.

Занимался ли он уже в то время

борьбой? Мнения на этот счет его дочери и его племянницы разошлись. Мне кажется, что права все-таки дочь: едва ли мог сильный и ловкий армянский юноша не испытать себя в схватках национальной борьбы «кох».

Где только не пришлось ему трудиться тогда. Работал в поле. Прибавив к своим четырнадцати два лишних годика, начал обучаться сапожному ремеслу и работал потом по этой специальности. Фабзауч - фабрично-заводское обучение - дало возможность получить новую, теперь уже чисто рабочую профессию - заводского слесаря.

И вот ведь какая прихоть судьбы: если бы Сагателяны и их родичи сохранили стада, когда-то принадлежавшие деду, всех их непременно раскулачили бы со всеми вытекающими малоприятными последствиями. А теперь они были «сто процентным рабочим классом» с соответствующими пролетарскими убеждениями. Так что вступление в заводскую ячейку комсомола было для Бабкена вполне естественным и закономерным.

В те годы Советская власть, в целях повышения образовательного уровня молодежи национальных республик, установила для нее льготные условия при поступлении в высшие учебные заведения. И вот по комсомольской путевке Бабкен, его «двоюродно-молочный» брат и еще двое таких же, как они, армянских парней отправились в Москву на учебу. Непростым и уж очень долгим оказалось это путешествие из Ленинграда в Москву. Денег на пропитание у будущих студентов хватило всего лишь до Тифлиса. Но здесь, совсем как в волшебной сказке, на помощь оголодавшим путникам пришла добрая фея - покровительница шахматного искусства Каисса. Вспыхнувшая несколько лет назад в Москве эпидемия «шахматной горячки», так остроумно описанная Ильфом и Петровым, продолжая свое победно-заразительное шествие по стране, не миновала и грузинскую столицу. Большущие яркие буквы на афишных тумбах сообщали об имеющем быть большом шахматном турнире и сулили победителю ценный приз. В том пико-

вом положении, в котором оказались наши «землепроходцы», пожалуй, даже заведомый профан, уповая на авось, поспешил бы сесть за шахматный столик. Здесь же, словно специально, один из великолепной, но очень голодной четверки был совсем неплохим игроком и, конечно, не мог не попытать счастья. Не знаю, готов ли он был, подобно Остапу Бендеру, съесть даже зажаренного шахматного коня, но соперников своих беспощадно «съедал» одного за другим. Призовая золотая медаль была немедленно отнесена в торгсин и обеспечила необходимый запас питания в виде целого мешка муки. Кое-что осталось даже и сверх того, и уже в Москве, едва выйдя с вокзала, ленинканцы немедленно приобрели совершенно необходимый им теперь, как столичным жителям, один на четверых грубошерстный «москвашейский» костюм.

Вновь прибывших в Москве встретили радушно. В общежитии отвели отдельную комнату. Преподавание в столичных вузах проходило на русском языке, а владели им армянские абитуриенты очень и очень слабо. Бабкен вообще не знал ни слова по-русски. Но и здесь им помогли. Выделили опытного педагога, с помощью которого за год упорных занятий все четверо в достаточной степени овладели незнакомым и нелегким для них языком, получив возможность поступить в институт, каждый в соответствии со своим призванием. И все эти блага, абсолютно невозможные до революции, особенно для жителей национальных окраин, стали теперь уже привычным и самым обыкновенным делом: всеобщее бесплатное обучение всех уровней, в том числе и государственному языку; бесплатное общежитие. Плюс к этому обязательная стипендия, которая, конечно, не позволяла роскошествовать, но вполне обеспечивала прожиточный минимум.

Нет, не приходилось тогда действительно талантливой молодежи уступать свои законные места в вузах туповатым новорусским папиным сынкам. И кто из современных студентов не пожелал

бы возвратить все эти справедливые и полезные не только для учащихся, но и для самого государства разумные льготы? Взять хотя бы в качестве наглядного и достаточно убедительного примера этих четверых, не слишком грамотных, но способных армянских парней. Никак нельзя сказать, что государство впустую потратило деньги на их обучение. Отдача была совсем не плохой: каждый стал крупным специалистом и преподавателем высшего учебного заведения по своему профилю. Не хочу излишне идеализировать советские времена, но это бесспорный факт, что те самые деньги, которые сегодня идут на усладу всей этой миллионерско-мафиозной своры, в те годы использовались на обучение, науку, культуру, искусство и, разумеется, на оборону страны. И еще никак нельзя не сказать о той товарищеской, поистине братской атмосфере, которая царила тогда в студенческих аудиториях и общежитиях. В дружной московской студенческой семье армяне отнюдь не ощущали себя чужаками.

Издавательски иронизировать над выражением «дружба народов Советского Союза» стало сейчас дежурным номером наших скоморохов от журналистики. Сталинскую зоологическую ненависть к ряду национальностей они мошеннически приписывают всему советскому народу. А что поделаешь, если, отрабатывая свои «трудовые» серебрянники, приходится с пеной у рта доказывать, что кровавые межэтнические войны нынешнего «демократического» десятилетия куда как полезнее и благоднейшей былой дружбы простых советских людей разных национальностей? Но благородная дружба эта действительно существовала. Могу подтвердить, как (пока еще) живой свидетель. Да и как могло ее не быть, если целые поколения с молодых лет воспитывались тогда на таких классически-интернационалистских произведениях, как фильмы «Цирк» и «Максимка», стихотворениях «Блэк энд вайт», «Мистер Твистер» и великое множество других... И не было тогда ни среднеазиатских «чучмек»,

ни «жидов», ни «черных» - «лиц кавказской национальности». А жили тогда люди нового общества, интернационалисты в самом лучшем, высоком смысле этого слова. Верные товарищи, всегда готовые прийти на помощь друг другу. В студенческой русскоязычной среде армянское имя Бабкен очень скоро преобразилось в созвучное «Борис». А с годами и отчество Аршакович стало звучать как Аркадьевич.

Вынужденный с ранних лет зарабатывать на хлеб, Сагателян, хотя и успел овладеть не одним профессиональным навыком, но так и не смог получить хоть какое-то общее образование. И очень нелегко пришлось постигать ему все институтские премудрости при такой слабой подготовке, а точнее, вообще при отсутствии таковой. И все-таки хватило у него силы воли упорно вгрызаться во все эти новые и совершенно неизвестные для него науки, изложенные к тому же на чужом и все еще только осваиваемом языке. Конечно, никак здесь не могло обойтись без товарищеской помощи однокурсников. Да и преподаватели инфизкульты никогда не отказывались поработать лишний часок-другой с новичком-нацменом, объясняя ему какие-то особенно сложные вопросы. (Специально хочу объяснить, что слово «нацмен», то есть представитель национального меньшинства, не имело тогда никакого оскорбительного оттенка. И сам Борис Аркадьевич часто использовал его.)

Значительно проще было со спортивными дисциплинами и особенно с борьбой. Здесь в удачный, органичный комплекс сплелись сам боевой характер близкого любому кавказскому сердцу единоборства; бурная динамика схватки, что была сродни горячему темпераменту Бориса, и обаяние высокообразованного доброжелательного наставника - Василия Сергеевича Ощепкова. Отличную школу борьбы в одежде прошел Борис у этого своего замечательного учителя, лучшего знатока в стране. Данные природой замечательные психофизические качества студента получили высокую технико-тактическую оснащенность.

ГОРОДСКОЙ ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ КОМИТЕТ и МОСКОВСКИЙ
СОВЕТ Р., Н. и К. Д.

МОСКОВСКИЙ
ГОРОДСКОЙ СОВЕТ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Д Д М

Дан Московским Городским Советом

Физической Культуры участнику первого

соревнования по Физкультуре на первенство

Москвы тов. Саватальян Борис Аркадьевичу

занявшему II^е место в средней вес.

Секретарь МГСКФ

Зав. Метод. Отд.

Г. Г. Гусев

А. К. Купцов

МОСКВА

12 марта 1935 г.

На первом же чемпионате Москвы по дзюдо в 1935 году он получил звание вице-чемпиона в среднем весе. И совсем не случайно избрал Ощепков техничного Сагателяна в качестве своего партнера для фотоиллюстраций приемов в капитальной книге, над которой уже начал работу. По просьбе учителя именно Борис привез ему с Кавказа фотоснимки бросков, практиковавшихся в грузинской борьбе. И даже после ареста и трагической гибели наставника Борис Аркадьевич бережно хранил все эти, уже ставшие опасными, но такие дорогие его сердцу фотографии...

И я едва ли ошибусь, если скажу, что между ними существовали не просто добрые и уважительные отношения ученика и учителя, а нечто значительно большее: дружелюбное, теплое взаимопонимание двух единомышленников - старшего и младшего. И что замечательно, благородное отношение к памяти учителя Борис Аркадьевич сохранил на всю свою жизнь...

Просматривая в архиве КГБ очередное «уголовное» дело, я прочитал там показания одного из арестованных, а затем и расстрелянных спортивных руководителей. По понятным причинам он усиленно каялся в своей «вине» и «уличал» своих коллег в заговоре против Сталина. Была там и такая фраза: «Секретарь комсомольской организации института Сагателян идет на поводу у врагов народа». Это не было прямое обвинение во враждебной деятельности, а всего лишь, как тогда выражались, обвинение «в политической слепоте». Когда я спросил об этом эпизоде Бориса Аркадьевича, он рассказал, что действительно был арестован, но всего лишь на одни сутки. Он был склонен объяснить такой счастливый исход тем, что следователем оказался его земляк - армянин. Хотя я думаю, что будь против него, пусть самые фальшивые, но непосредственные обвинения, а не неопределенный упрек в юношеской политической незрелости, вряд ли тогда Борис так быстро распростился с Лубянкой.

Институтский курс он окончил еще при жизни Ощепкова, и, по его пред-

ложению, остался преподавателем в своей «alma mater». Преподавал не только в институте, но и в Высшей школе тренеров, в которой, по настоянию Василия Сергеевича, была создана и группа борьбы в одежде. После перехода Галковского в преподавательский корпус Артиллерийской академии в 1939 г. Борис получил не только его должность, но и занял ведущее положение в сфере рукопашного боя и борьбы в одежде, которая к этому времени стала уже именоваться вольной борьбой.

Там же, в институте, Борис встретил студентку-лыжницу Машеньку Жирнову. Противостоять очарованию этой золотоволосой голубоглазой красавицы было просто-напросто невозможно. Влюбленный молодой преподаватель предложил первокурснице свою сильную руку и благородное сердце, чтобы дать начало спортивной династии. Война отменила лыжную специализацию Марии, а работа в госпиталях превратила ее в уникального специалиста лечебной гимнастики. И не одного безнадежного больного или раненого удалось ей вернуть к жизни.

Их дочь Инга, воспитанница факультета физвоспитания Педагогического института имени Н.К. Крупской, даже уже заработав пенсию, продолжает преподавать физическое воспитание в Педагогической академии. Внук Алексей тоже не отступил от дедовской традиции. Правда, кроме самбо, увлекается и каратэ. Получая высшее техническое образование, он в форме факультатива сумел получить еще и высшее физкультурное. И вместе со своими друзьями, такими же энтузиастами, как сам, перестроил с «благословения» ЖЭКа заброшенный подвал в отличный спортзал, который успешно функционирует уже не один год...

Продолжая преподавательскую деятельность в институте и работу над армейским рукопашным боем, Борис стал публиковать свои материалы в спортивной периодике. А всего через несколько дней после выхода в свет журнала с очередной его статьей, «мессершмиты, как вороны, на рассвете ра-

зорвали тишину...», и, как тогда делали очень многие, не дожидаясь военкоматской повестки, в первые же дни войны он добровольцем ушел на фронт. Сдавать в печать его богатые разработки довелось уже кому-то другому. Опубликованными свои материалы Борис смог увидеть только уже после войны...

Я думаю, многим запомнился отличный многосерийный телефильм «На всю оставшуюся жизнь» о самоотверженной и опасной работе медицинского персонала необычного специального военного поезда-госпиталя и его комиссара. О том, как этот эвакуогоспиталь на колесах под вражеским огнем вывозил раненых почти с самой линии фронта. Комиссаром именно такого поезда стал Сагателян. В фильме очень талантливо и правдиво была показана вся боль, весь трагизм сложившегося тогда положения. Но то, что довелось увидеть и пережить Борису, не увидишь ни в каком, даже самом беспощадно-натуралистическом фильме.

Шел первый и самый тяжелый период войны. Наша армия, ведя кровопролитные бои, отступала и несла огромные потери. Когда поезд направлялся

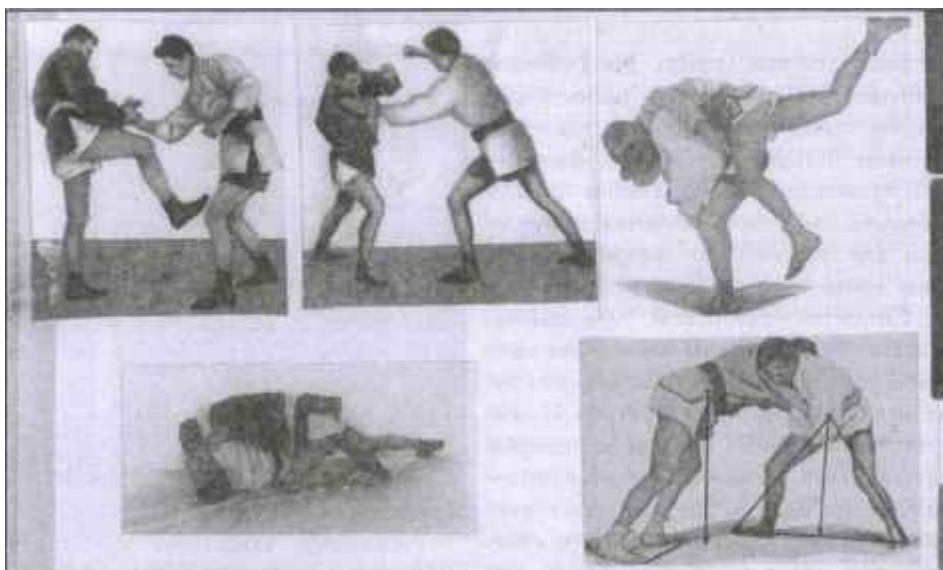
к фронту, то и начальник поезда, и комиссар вполне свободно размещались в своих отдельных купе. Но на обратном пути, после полной загрузки, им негде было даже присесть: ехали стоя. Поезд всегда был битком набит ранеными. В товарных вагонах устраивали нары в шесть этажей. Умудрялись затаскивать раненых даже на крыши вагонов. Борис Аркадьевич говорил, что именно тогда его сила впервые приносила реальную пользу: не как прежде, на состязаниях или на тренировках, а при всегда срочной погрузке раненых. Персонал поезда был сплошь женский, и комиссар, имевший отличную физическую подготовку, работал, как машина, почти бегом перенося раненых.

Они не раз попадали под артобстрел и жесточайшие бомбежки. От горящих вокзалов поезд отходил, когда уже неподалеку виднелись мышино-серые куртки атаковавшей немецкой пехоты, а стенки вагонов прошивали пулеметные очереди. И все-таки самым страшным было вовсе не это. Ужаснее всего было то, что, даже битком набивая вагоны, всех раненых взять они не могли... И врачи, торопливо перешагивая через изувечен-

НКО - СССР НАЧАЛЬНИК УПРАВЛЕНИЯ БОЕВОЙ ПОДГОТОВКИ ВОЗДУШНО-ДЕСАНТНЫХ ВОЙСК КРАСНОЙ АРМИИ 26 сентября 1942 г. № 838706 г. Москва	СЕКРЕТНО экз. 1 НАЧАЛЬНИКУ ОТДЕЛА КАДРОВ САНИТАРНОГО УПРАВЛЕНИЯ ЗАПАДНОГО ФРОНТА. В 2639 Эвакуогоспитале в должности Инструктора-методиста лечебной гимнастики находится Младший лейтенант тов. САГАТЕЛЯН Роберт Аркадьевич. Тов. САГАТЕЛЯН является командиром-инструктором по физподготовке с высшим образованием, хорошо владеет и знает раздел ведения рукопашного боя, ножом, кинжалом и подручными средствами. Раздел рукопашного боя занимает одно из ведущих мест в системе боевой подготовки Воздушно-десантных войск. Учитывая всю важность этого дела, прошу откомандировать Мл. лейтенанта т. САГАТЕЛЯН в распоряжение Отдела кадров ВДВ КА, для дальнейшей службы с использованием по прямому назначению. НАЧАЛЬНИК УПРАВЛЕНИЯ БОЕВОЙ ПОДГОТОВКИ ВОЗДУШНО-ДЕСАНТНЫХ ВОЙСК КРАСНОЙ АРМИИ ПОДКОРНИК [Подпись] /ИЗВЕЩЕНИЕ/
--	--

Отп. 2 экз.
 экз. 1 - адм.
 экз. 2 - в дело.
 Исп. Гуров.

Здесь и далее
фотографии из
рабочих материалов
Сагателяна

ных солдат, вповалку лежавших на окржавленном полу вокзала, наскоро определяли тяжесть ранений и выносили вынужденный смертный приговор особо тяжело раненным: «Этих мы все равно не довезем...» И их оставляли... Поезд поспешно уходил, а «эти» - безнадёжные так и оставались на вокзальном полу, ожидая, когда их, беспомощных, пристрелят ворвавшиеся немцы...

И даже много лет спустя, уже после войны, и во сне, и наяву, не давали ему покоя эти мучительные воспоминания. Терзали так, как будто бы мог он в то катастрофически беспощадное время спасти этих, уже отмеченных печатью смерти своих боевых товарищей...

Демобилизовавшись по окончании войны, Сагателян, конечно, хотел вернуться в родной инфизкульт. И его очень обидело, что там прежнего места

ему не нашлось. Без работы, разумеется, не остался. Его знали как хорошего специалиста и пригласили на должность заведующего кафедрой физвоспитания в педагогический институт имени Крупской. Там он получил ученое звание доцента и проработал все сорок восемь лет, почти до самой своей кончины.

Говорят, что и после войны, уже на четвертом десятке, он все еще выходил на ковер. Но от прежней активной деятельности в области самбо уже отошел. Его богатый опыт, его подробные разработки приемов рукопашного боя теперь оставались невостребованными. А ему было, чем поделиться...

Как бы повторяя десятилетней давности практику своего учителя, Сагателян тоже начал свои печатные работы с комплекса приемов, являющихся «минимумом для сдающих нормы ГТО

второй степени», теперь уже нового. Его наиболее масштабная, иллюстрированная статья появилась на страницах журнала «Теория и практика физической культуры» в апреле 1940-го и, надо полагать, была тесно связана с порученной ему работой по совершенствованию армейского рукопашного боя.

Согласно авторской нумерации, в статье были описаны семнадцать приемов. Но это вовсе не были какие-то отдельные, разрозненные приемы. В действительности же, в каждом из номеров приводились несколько приемов, которые, следуя один за другим, вели к полному обезвреживанию врага. Это являлось тем, что в спортивном самбо называют «преследованием соперника», а в боевом - «связками приемов».

Подобно первому варианту комплекса начала тридцатых годов, норматив по «защите и нападению» предусматривал и спортивный, и военно-прикладной разделы. Как и все его коллеги - ученики Василия Сергеевича, Борис основывался на прочной ошепковской базе. Однако, думаю, что его работа отличалась значительной творческой индивидуальностью. Для нее характерна максимальная боевая «заостренность» даже спортивных приемов. Он старается каждому из них придать чисто военную направленность. Так разучивание удержания сбоку проводилось не в обычном, а в усложненном варианте. Атакующий подходил со стороны ног к лежащему партнеру, который обозначал удар стопой в голень. Отбив удар рукой, атакующий входил в удержание и затем переходил на рычаг локтя через бедро. Причем все это

значилось как один прием.

Ущемление ахиллесова сухожилия (с упором колена в пах) и два варианта рычага локтя (захватом между ногами и при помощи ноги сверху) следовало исполнять, предварительно освободившись от удушающего захвата партнера, находящегося сверху. В качестве контрприема после блокировки удара кулаком сверху использовалась задняя подножка с ударом в подбородок основанием ладони. На земле, как и в завершении каждого из приведенных в статье бросков, следовал болевой на руку или удар ногой в голову. Аналогичные боевые варианты передней подножки или отхвата снаружи применялись при защите от захвата противника за горло.

В описании вообще не упоминаются лишь боевые приемы, что же касается спортивного раздела, то автор ограничивается только указанием, что в спортивной схватке удары и выверты кисти запрещены. Такой лаконизм определяется недостаточно большим объемом статьи и, главное, «сверхзадачей» - обеспечить ее максимально боевое насыщение.

Работая на военной базе, Сагателян демонстрирует ошепковские «вольные подготовительные упражнения, имитирующие движения броска»

Отработка падения с винтовкой в руках

Работа на военной базе, обезоруживание (Сагателян справа)

Статья почти полностью посвящается технике исполнения приемов, и методическая часть ограничивается лишь отдельными краткими замечаниями, в основном, антитравматического характера.

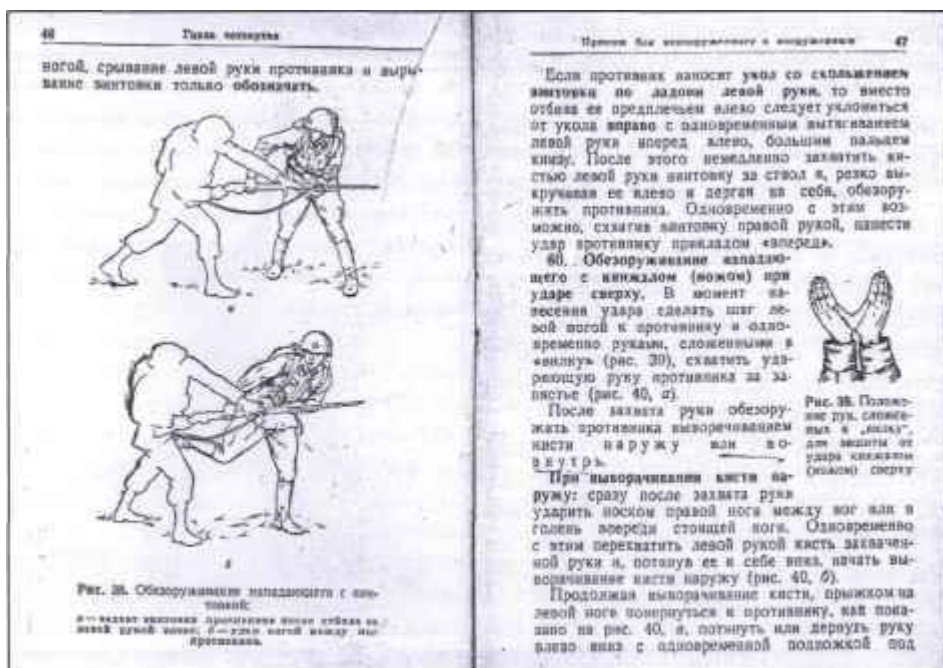
Из всех семнадцати связок только одна имеет атакующий характер - «снятие часового»: бросок захватом за ноги сзади и удушением сгибом локтя. Все остальные составлены в форме ответных действий на нападение противника: на удар, захват за одежду, удушение в стойке или на земле.

Обезоруживание при нападении с ножом рассматривалось только лишь при ударе сверху. Этого было, конечно,

недостаточно для реальной боевой схватки, но такая ограниченность диктовалась лишь рамками программы ГТО-II. Сагателян отлично понимал необходимость защиты от удара ножом во всех возможных направлениях. И такие приемы в его арсенале имелись.

В своей следующей статье «Бой невооруженного с вооруженным» он приводит приемы такого обезоруживания во всей их полноте. Два варианта при ударе ножом сверху; приемы от ударов слева наотмашь, справа и снизу. Возвращаясь к статье по комплексу ГТО-II, необходимо сказать, что в ней были также приведены четыре способа обезоруживания при ударе штыком. Так же, как в НПРБ-38, их характер определялся в зависимости от того, в правую или левую половину груди направлен укол, и какая нога противника находится впереди. Каждое из этих обезоруживаний начиналось с ухода с линии удара в соответствующую сторону и вперед с отбивом винтовки и ее захватом отбивающей рукой.

Два из четырех обезоруживаний почти в точности повторяют те, что приведены Галковским в НПРБ-38. При уколе в левую сторону груди с выпадом правой ногой контрприемом служила задняя подножка правой ногой под одноименную ногу противника

с ударом снизу правой рукой под его левый локоть (хотя, судя по фотоиллюстрации, Борис показывает там скорее не подножку, а отхват снаружи). А при той же направленности штыка, но с выпадом левой ответом является подбив правой ногой левой ноги соперника с одновременным ударом почти выпрямленной правой рукой «плашмя» по верхней части его груди (у Ощепкова и Галковского здесь фигурировал удар ребром ладони по горлу).

Два следующих обезоруживания пришли из старого, еще начала 30-х годов, наследия Василия Сергеевича. При уколе вправо с выпадом левой: после захвата винтовки обеими руками (левая - подхватом) ее приклад рывком поднимался и переносился через голову противника с задней подножкой левой ногой под одноименную ногу.

При уколе вправо с выпадом правой здесь применялся редко используемый и достаточно сложный прием. После отбива и захвата винтовки правой рукой, левая рука сильным ударом ладони сверху по левому запястью срывала с винтовки эту руку противника и захватывала ее. Затем, поворачиваясь влево, следовало правой рукой перенести захваченную винтовку через свою голову и наложить на левый локоть противника, который в результате этого маневра попадает на рычаг. Левая рука тянет ее вверх, а правая нажимает винтовкой вниз. Некоторые из обезоруживаний дополнялись ударом ногой в голень или по руке поверженного врага, чтобы вырвать винтовку.

Завершала статью своеобразная «фехтовальная фраза» штыкового боя. Сблизившись с противником после отбива его винтовки влево наносился удар прикладом сбоку в голову с одновременной подножкой под впереди стоящую ногу. Это было уже из области «вооруженный против вооруженного».

Несмотря на то, что публикация в «Теории и практике...» была ограничена требованиями ГТО-II, Борис сумел и в этих, довольно узких рамках дать достаточно цельную боевую систему, хотя и не без определенных потерь.

Авторский вариант:
удар ногой в колено,
отвлекая внимание
противника от
последующего удара
прикладом.

Если говорить о техническом арсенале, то его составляли: броски - задняя и передняя подножка, в том числе с захватом ноги; отхват с захватом ноги; подбив; «бедро»; через голову и захватом ног сзади; болевые: шесть вариантов рычага локтя, дожим и выверт кисти, ущемление ахиллесова сухожилия; удушение локтевым сгибом сзади; удержание сбоку и удары ногой в пах, голень и по руке. И хотя все эти приемы даны только в «связках», почти любой из них мог быть использован в качестве самостоятельного действия и в совершенно другой ситуации.

Хочу заметить, что, называя приемы, я пользовался современными терминами, а не теми, которые были приведены в статье. Терминология тогда еще не устоялась. Так ощепковско-японское «гяку» стало сразу же запретно-непроизносимым. Школьников и Галковский перешли на удачное спиридоновское название «рычаг», которым мы пользуемся и сегодня. Но было в ходу и менее удачное - «перегибание». Именно оно и встречается в статье: «перегибание голеностопного сустава», «перегибание локтя» и т. п.

Однако статьи были всего лишь побочным результатом широкомасштабной работы. Опубликовать Борису удалось очень малую часть своих материалов, а начавшаяся вскоре война не дала возможности осуществить замыслы во всей их полноте. В официальных военных изданиях его разработки, как это обычно делается, были использованы без указания фамилии автора. И случилось так, что имя этого самобытного специалиста оказалось незаслуженно забытым.

К счастью, однако, сохранился фотоматериал, запечатлевший работу Сагателяна в предвоенные годы. Его дочь, Инга Борисовна Карпова, любезно передала мне почти полторы сотни фотографий из архива отца. При всей внушительности такой цифры, это - далеко не весь архив, а всего лишь сохранившаяся его часть. Иные из фотографий повторяют одна другую. А наряду с полными «фотоописаниями» приема, немало

снимков, где запечатлена всего лишь какая-то одна из фаз его исполнения. Однако же, несмотря на все пробелы, фотографии дают неплохую возможность выявить сам характер работы, определить ее главную направленность.

Судя по всему, планировалось создание обстоятельного, хорошо проработанного руководства, рассчитанного не на краткосрочное натаскивание, а на фундаментальную, всестороннюю подготовку к рукопашному бою, начиная с азов. Прежде всего, предлагался комплекс физической подготовки и специальные подготовительные упражнения. Самостраховка при различных видах падения. Для более успешного освоения бросков использовались предложенные еще Ощепковым специальные подготовительные упражнения, имитирующие Движения броска.

При всей несомненной опоре автора на капитальный ощепковский задел я взял бы на себя смелость говорить о своеобразной и достаточно специфической системе Сагателяна. Прежде всего, это была система рукопашного боя и только рукопашного боя, хотя и основанного на борьбе в одежде. Если вышедшие работы Школьников и Галковского были посвящены только спортивному или, главным образом, спортивному разделу, то Борис целенаправленно ориентировался именно на рукопашный бой, обращаясь к спортивному разделу лишь постольку, поскольку тот мог быть использован в боевом аспекте.

Получив возможность осуществления своих обширных замыслов, он, по существу, работал созданием нового этапа в развитии армейского рукопашного боя. Исходя из этих своих целей, Сагателян максимально широко толкует даже само понятие борьбы в одежде. Так широко, что включает в ее «военно-прикладной раздел» даже чисто армейское боевое использование холодного оружия и подручных предметов. О том, какой обширный боевой диапазон он хотел охватить в своей работе, говорит даже неполный, предварительный перечень, приведенный им в статье

о ГТО-II: «Имея громадное военно-прикладное значение, вольная борьба дает следующие практические навыки: 1) бой вооруженного против вооруженного, 2) бой невооруженного против вооруженного, 3) бой большой или малой лопаткой против вооруженного винтовкой, 4) приемы против вооруженного холодным оружием, 5) умение использовать свое снаряжение (каска, ранец и др.) в целях защиты (тогда пытались заменить солдатские вещевые мешки ранцами - М. Л.), способы конвоирования и т.д.» Сохранившиеся материалы обрисовывают контуры всеобъемлющей системы, которую, пожалуй, можно было бы даже назвать тотальной. Сагателян стремился, как можно полнее, охватить все реально возможные, пусть даже не часто встречающиеся, и, как правило, отсутствующие на страницах стандартных наставлений формы ближнего боя (такие, как, например, нож против саперной лопатки). Для того чтобы боец был подготовлен к бою в любой ситуации, и его не смутила, не застала врасплох любая расстановка сил.

Стараясь максимально оснастить бойца боевыми навыками, Борис всемерно расширяет технический арсенал. Совершенствует, дорабатывает уже существующие приемы, дает собственные варианты. Поднимает старые полузабытые элементы оцепковской боевой техники начала 30-х годов.

Спортивная борьба приобретает у него явные очертания боевой схватки. Спортивные приемы дополнялись деталями, которые делали их вполне применимыми и в боевой обстановке. Это была уже не «коверная» борьба, а раздел боя невооруженного с невооруженным, где в полной мере использовались запрещенные в спорте приемы (при тренировке они только обозначались). Защита от ударов руками и ногами, как и освобождения от захватов, тоже предусматривали использование боевых приемов и ударов.

Были представлены разнообразные способы обезоруживания против штыкового удара, ножа и иного холодного

Один из вариантов
обезоруживания при
наведении
револьвера по
Сагателяну

Каска против штыка.
Окончательная
фотофиксация с
боевой выкладкой

оружия. Так же, как и различные варианты обезоруживания не только при наведении, но и при попытке обнажить револьвер.

Фехтование на штыках и действия иным холодным оружием или подручными предметами эффективно сочетались с бросками, болевыми приемами и ударами ног.

Впервые в армейской практике Сатгатеян предусматривает работу ножом и конвоирование. Оно отражено всего лишь на одной из сохранившихся фотографий: загнутая за спину правая рука противника удерживалась в сгибе левого локтя, а правая препятствуя осво-

бождению (за счет кувырка вперед), делала захват за его ворот сзади.

Точно так же впервые предлагалось использование отомкнутого клинкового штыка самозарядной винтовки Токарева (СВТ) против винтовки со штыком. Особенно в тесном окопном пространстве. Винтовка отводилась клинком в сторону или вверх и захватывалась левой рукой, а правая наносила противнику удар сверху или снизу, в зависимости от способа держания: острием вверх или вниз по отношению к большому пальцу.

Очередной новацией явилось и использование каски для защиты от удара штыком. Штык в последний момент «ловился» в подставленную каску, а винтовка захватывалась левой рукой. При этом рассматривалось два варианта последующих действий. В первом случае каска правой рукой снималась со штыка, и ее ребром наносился удар по шее или голове противника. При втором варианте каска оставалась висящей на штыке, а после быстрого сближения с противником проводилась подножка с одновременным ударом по его лево-

А так этот прием
выглядел на плакате

30. Момент снятия каски с головы.

32. Захват оружия левой рукой и снятие каски со штыка.

33. Замах для удара каской.

34. Удар каской.

му локтю ладонью правой руки. Точно так же, как это делалось в одном из приемов обезоруживания, описанных в комплексе ГТО-II.

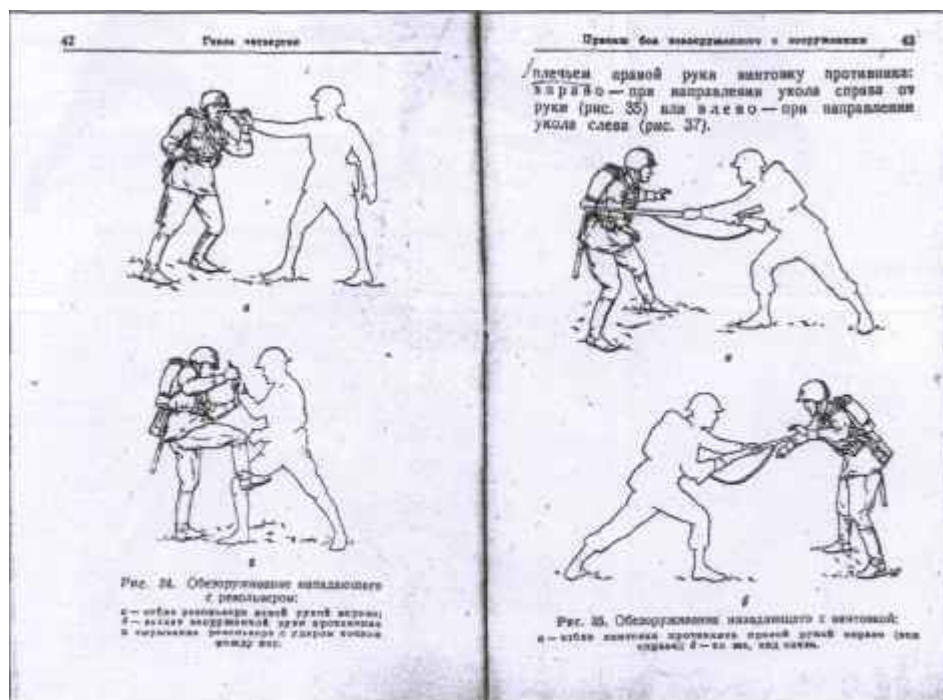
Весьма возможно, что в своих разработках автор учитывал опыт недавних рукопашных боев на Дальнем Востоке и в Финляндии.

Работа Сагателяна вышла в свет в начале войны в виде плакатов с рисованными изображениями нескольких десятков приемов. Издавались плакаты КУНС ФИЗО Красной армии, что, вероятно, расшифровывается как Курсы усовершенствования начальствующего состава физического образования (?). Боюсь, что сейчас уже не сохранилось ни одного из них. Мне довелось их видеть только во время войны в школе на уроках военного дела. А публикуемые здесь фрагменты хранились у самого автора и переданы мне его дочерью вместе с фотографиями. На плакатах впервые для наших армейских руководств были приведены способы использования отомкнутого клинкового штыка и каски против укола штыком. На спине одного из бойцов можно видеть тот самый, так и не внедренный в нашей армии заплечный ранец, взамен традиционного «сидора», как солдаты называли вещмешок.

В том же 41-м «Вечерняя Москва» сообщала о «военно-учебном кинофильме «Рукопашный бой». Судя по этой публикации, Сагателяну удалось выполнить и эту запланированную Наркоматом обороны работу. А уже в конце года вышло «Руководство по подготовке к рукопашному бою Красной армии» (РПРБ-41).

Полковник А.М. Ларионов писал: «С учетом боев на Дальнем Востоке (1938-1939 гг.) и против белофинов выходит новое Руководство... под общей редакцией Г.А. Калачева. В его разработке принимали участие А.А. Тарасов, Н.Х. Харламов, И.Н. Григорьев, К.Т. Булочко. Главу 4-ю руководства «Приемы боя невооруженного с вооруженным (обезоруживание нападающего с револьвером, винтовкой, кинжалом из различных положений» разработал преподаватель ГЦОЛИФК Б.А. Сагателян). Следует добавить, что кроме указанной главы им были даны краткие «Указания по обучению приемам боя невооруженного с вооруженным».

Объем нового Руководства, по сравнению с предшествующим - НПРБ-38, сократился почти вдвое, но разделы, в основном, остались аналогичные. Практически без изменений сохрани-

лись приемы штыкового боя, боя винтовкой без штыка, большой или малой лопаткой. Впервые появилось упоминание об использовании в бою отомкнутого клинкового штыка или ножа. Оно, правда, вошло всего лишь в три абзаца и говорило о том, какие удары наносятся при положении штыка «концом книзу» и «концом кверху». При схватке в окопе рекомендовались удары сверху и снизу.

Значительно более полно были представлены обезоруживания при нападениях с ножом. Здесь полностью и без каких-либо изменений приведены сагиттальные разработки. Графические иллюстрации один к одному повторяют положения на фотоснимках, которые он опубликовал в своей статье «Бой невооруженного с вооруженным» в журнале «Физическая культура и спорт в Красной Армии». Единственно, что «пририсовал» художник - это полную боевую выкладку нашему бойцу, вплоть до противогазной сумки. Правда, вместо запроектированного ранца нарисовал уже вполне реальный «сидор» (Борис с напарником в тот раз фотографировались «налегке» даже без головных уборов). А противник был дан контурным изображением, в кото-

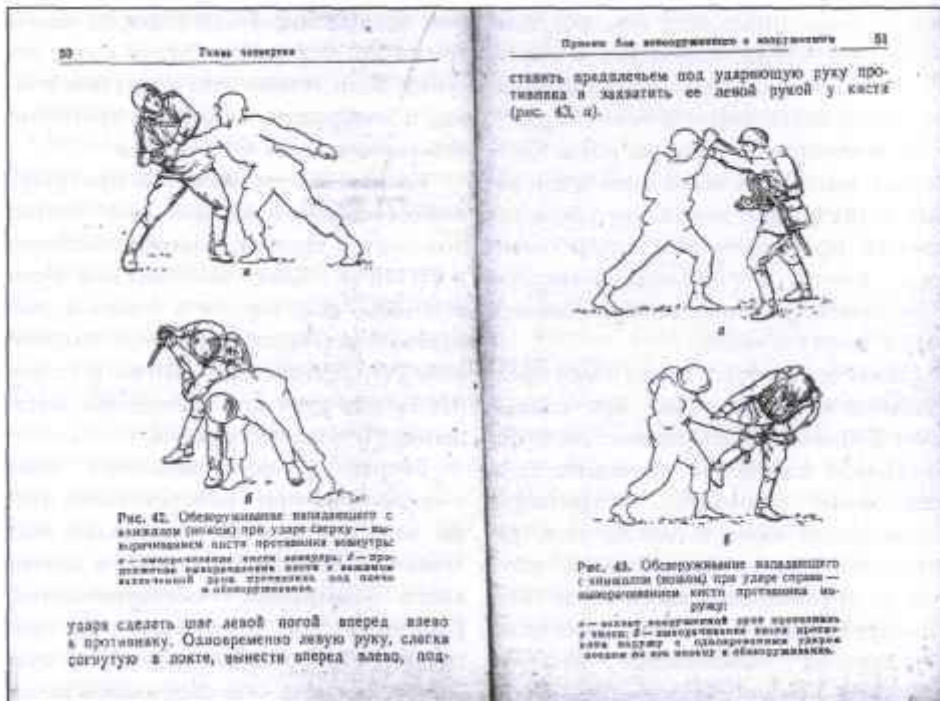
ром невозможно угадать, форма какой армии имеется ввиду. Скорее всего, рисунки были готовы еще до начала войны, и изображать в качестве противников немцев тогда было нельзя.

Из двух обезоруживаний при ударе ножом сверху одно довольно близко повторяет технику, задействованную в НПРБ-38. Захват вооруженной руки в «вилку», удар носком в голень и «выворачивание кисти наружу» с подножкой. Разница состояла только в способах захвата руки при проведении завершающего болевого приема.

Второй вариант начинался тоже с «вилки», но при «выворачивании кисти» захваченная рука подводилась под левое плечо. Рычаг локтя вниз и дожим кисти завершали обезоруживание. При ударе слева «наотмашь» рука противника блокировалась подставкой правого предплечья с последующим захватом запястья, а левая рука делала захват выше локтя. Далее обезоруживание проводилось точно таким же способом, что и во втором варианте от удара сверху.

Удар справа блокировался левым предплечьем с последующим захватом несколько выше запястья так, что плоская часть клинка оказывалась прижатой к внешней поверхности предплечья.

Правая рука захватывала локоть вооруженной руки снизу. Одновременно с ударом ногой в колено рука противника выворачивалась наружу. Правая рука при этом давила на его локоть вверх, а левая тянула вниз и одновременно нажимала предплечьем на клинок, выкручивая его из кисти врага.

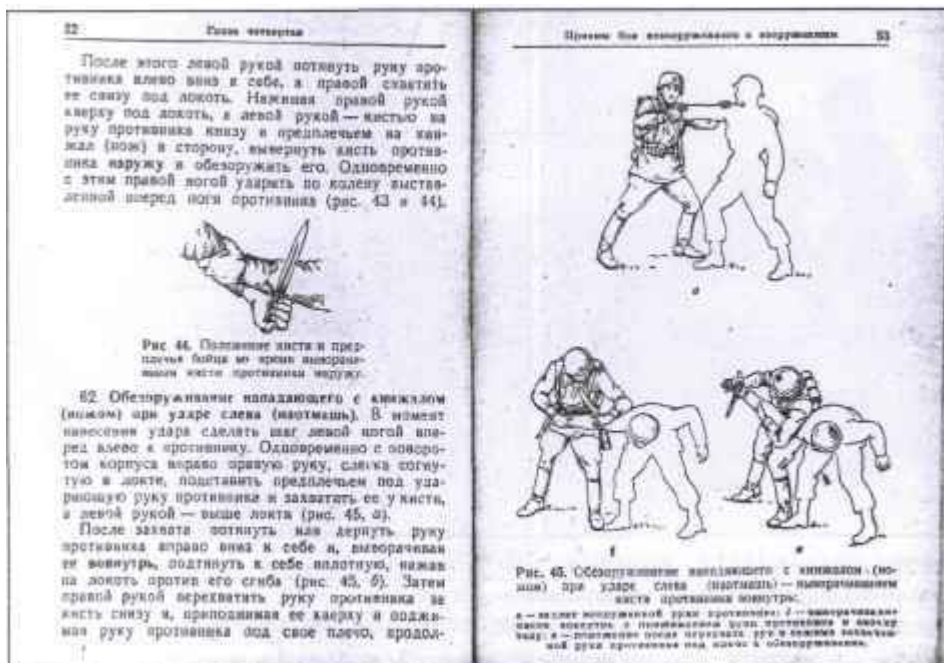
При ударе снизу рука захватывалась в «вилку» и отводилась влево-вверх с выкручиванием ее вовнутрь. После «нырка» под захваченную руку, которая оказывалась загнута за спину, следовало противника «моментально обезору-

жить, не давая ему развернуться влево».

Не трудно заметить, что все эти приемы дожили до наших дней, и их частенько можно встретить и в современных пособиях. Но если контрдействия при нападении с ножом вошли в Руководство без каких-либо изменений, то вместо описанных в материалах по ГТО-II четырех обезоруживаний при уколе штыком были введены только два и более упрощенных приема.

В зависимости от направления укола отбив производился правым предплечьем вправо или левым - влево.

В первом случае после захвата правой рукой за ствол, а левой между рук противника наносился удар головой в лицо или ногой по голени и рывком на себя винтовка вырывалась из его рук. А при отбиве влево левая рука делала захват за ствол, а правая — между рук противника, «под его левую руку». Резкий толчок правого предплечья вверх срывал левую руку с винтовки. А последующий рывок винтовки вперед и влево с одновременным ударом каблуком в голень или в пах завершал обезоруживание. При всем этом отмечалось: «Вместе с захватом винтовки противника, кроме указанных приемов, следует применять любые приемы ударов ногами, подножек и бросков противника на землю».

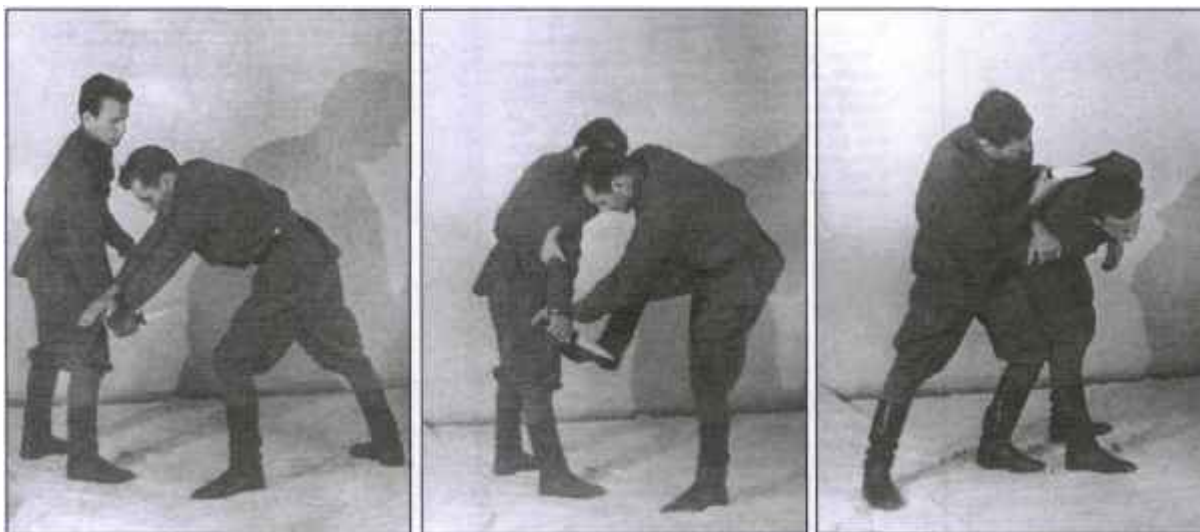
Однако вопрос о технике таких «бросков и подножек» в угоду краткости, оставался открытым.

В качестве еще одного упущения составителей приходится указать и следующее. Как и во всех предыдущих, в Руководстве приведено только обезоруживание при наведении револьвера, а о пистолете вообще не упоминается, хотя на вооружении немецкой армии были только пистолеты. При этом описан традиционный прием: уход влево-вперед, отбив с захватом левой рукой за

кисть, а правой за ствол и рывок «на перелом указательного пальца противника...», сопровождая рывок ударом носком по голени или между ног».

За годы войны и центральные, и местные издательства выпустили множество книг, брошюр и листовок по технике рукопашного боя. И, как правило, приводились в них те самые приемы, которые разрабатывались Сагателяном и были обнародованы в его журнальных статьях, плакатах КУНСа и РПРБ-41.

Мне повезло быть знакомым с этим крупным специалистом и замечательным человеком. Уверен, что будь у нас сейчас побольше таких людей, как Борис Аркадьевич и его соратники, не сидели бы мы в том болоте, в которое нас столкнули. Его благородную и, я бы даже сказал, самоотверженную принципиальность я в полной мере оценил, когда обсуждалась моя книга, в которой я, вопреки официозному мифу, впервые назвал основоположником самбо не Харлампиева, а его репрессированного учителя В.С. Ощепкова. После доноса «харлампиевцев» в ЦК КПСС, оттуда пришло «руководящее указание» Спорткомитету не только обсудить, но, главное, осудить мою «идеологически невыдержанную» работу.

И вот тогда, в 1983 г., задолго до либерального перестроечного «плюрализма», когда и подумать было невозможно, чтобы возражать партократической «элите», этот коммунист с сорокалетним стажем отнюдь не стал робко отсиживаться в уголке, храня осторожное молчание. Нет! Сагателян пришел на обсуждение, чтобы горячо и гневно выступить на защиту лицемерно поправленных прав своего любимого учителя.

После одной из моих последующих публикаций Борис Аркадьевич написал мне: «Вы один сделали для доказательства приоритета Василия Сергеевича боль-

ше, чем все мы, его ученики, вместе взятые!»

Ну, конечно же, без тех ценных сведений, которыми меня снабжали ветераны, без их помощи и прямой защиты от доносчиков я ровным счетом ничего не смог бы сделать. И я отлично понимал, что такая, явно завышенная, оценка являлась просто проявлением душевной щедрости Бориса Аркадьевича. И пусть это была даже не слишком заслуженная мною похвала ветерана, она до сих пор является для меня самой высокой наградой за все долгие годы моего труда.

